

3 РУССКАЯ РЕЧЬ 1981

МАЙ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ИЮНЬ

В номере:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Л. А. Гладышева. Ради жизни на земле	3
Н. П. Бадаева. Мастерство К. Симонова — прозаика <i>К 170-летию со дня рождения В. Г. Белинского</i>	9
Ю. А. Бельчиков. В. Г. Белинский и русский литературный язык	16
В. В. Одинцов. О поэтическом синтаксисе А. С. Пушкина (к уроку литературы)	21
Н. Н. Иванова. Разговорный синтаксис в современной поэзии	27

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА	
В. Г. Белинский. Рецензия на «Грамматические разыскания...» Васильева В. А. (отрывок)	33

КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Р. И. Аванесов. Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии	38
В. В. Химик. Речевой этикет и местоимение «он»	44

ТЕРМИНОЛОГИЯ	
Н. В. Новикова. Термин в научной фантастике	54

ЧИТАТЕЛЮ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	
А. А. Лукашанец. Что такое «словообразовательное гнездо»?	59

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Павел Яковлевич Черных (1896—1970)	64
Памяти ученого (хроника)	68

СРЕДИ КНИГ	
Русский язык в национальных республиках Советского Союза	80

Р. А. Будагов. Филология и культура	47
Б. Н. Головин. Основы культуры речи	50
Л. И. Скворцов. Культура языка — достояние социалистической культуры	52

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Ю. С. Рытхэу. Источник света и тепла	71
Н. А. Ревенская. Задачи науки — задачи жизни	76

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. Б. Еськова. Через русское слово к познанию русской культуры	83
--	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Л. Е. Лопатина. Феофан Прокопович (к 300-летию со дня рождения)	88
Г. В. Востокова. «Житие Феодосия Печерского» — литературный памятник Киевской Руси	96
Е. С. Отин. «За сим паки здравствуй!» (зачины и концовки писем в XVII—XVIII вв.)	102

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Б. А. Моисеев. Оренбург	108
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. От Ярославля до Костромы	111

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Н. В. Таранов. Берёза в названиях народных	116
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Р. П. Рогожникова. Пригёршня	119
Н. В. Чурмаева. Приметы и обычаи	124
К. П. Смолина. Рухлядь — богатство, рухлядь — старье	129
О. Д. Кузнецова. Гранат — драгоценный камень, цветом тёмно-красный	135
В. С. Филиппов. Зрительный зал театра	140

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	144
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Палитра; Шлягер; Неприятель; Рыболовный — рыбацкий; Опробовать — апробировать	150
---	-----

Кроссворд	148
---------------------	-----

На обложке: В. Г. Белинский. Рисунок Б. Захарова

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Великая Отечественная война была беспримерным историческим подвигом всего советского народа в его борьбе против фашизма, а победа в этой войне принесла освобождение народам, спасла будущее всего человечества и мировую цивилизацию.

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне — одна из ведущих тем советской литературы. Поэтическое слово А. Т. Твардовского — важный вклад в развитие этой темы. Это его перу принадлежит светлая, оптимистическая формула, рожденная в условиях кровопролитной и беспощадной войны:

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Вполне закономерен тот факт, что эти строки, неповторимые как по смысловой глубине, так и по лаконичности художественного выражения, стали крылатыми и прочно вошли в нашу речь. Они привлекают нашего современника как формула исторического оптимизма, свойственного советским людям даже в самых тяжелых испытаниях, как прославление любви к жизни и торжества жизни над смертью. Они привлекают также совершенством формы, точным соотношением слова и мысли. Их характеризуют предельный лаконизм, народность ритма, торжественность эпитетов.

Значение и звучание каждого слова здесь усиливается и поддерживается энергичным, жизнеутверждающим ритмом стиха. Рука большого мастера угадывается в том, что автор придал бойкому, песенному, плясовому размеру такую гибкость и раскрыл в нем такие интонационные возможности, что он стал под его пером одним из средств выражения большого, исторического содержания.

Наиболее полно раскрывают и утверждают основную мысль стиха выразительные оценочные эпитеты: *святой, правый, смертный*. Имеющие некоторый оттенок книжности, они звучат у Твардовского по-современному мужественно, сурово, создают грозный образ справедливой народной войны. В выборе эпитетов сказалось влияние «Варшавянки» — гимна революционного пролетарского движения, любимой песни В. И. Ленина:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Слова революционной песни, звучавшие на демонстрациях, маёвках, рабочих собраниях и в сибирской ссылке, сливаются с патриотическим пафосом крылатых слов Твардовского, усиливая оптимистический настрой всей строфы, подчеркивая общность революционных и боевых традиций.

Богатство и разнообразие мыслей, заключенных в приведенных строках, их предельная смысловая плотность определили процесс расчленения их на три крылатые единицы языка, самостоятельно функционирующие в современных текстах: *Бой идет святой и правый; Не ради славы; Ради жизни на земле*.

Самой большой популярностью пользуется фраза *Ради жизни на земле*, очень часто воспроизводимая в современном языке. Следует отметить, что и сам автор подчеркивает ее роль как ключевой строки и как идейно-композиционной вершины поэмы. Она выделяется и своей открытой публицистичностью на фоне живых, образных картин войны, и повторением в роли рефрена ряда глав, и ритмико-мелодической организацией стиха (не случай-

но в ряде газетно-журнальных текстов на месте паузы встречается тире: *Не ради славы — ради жизни на земле*).

В условиях современного публицистического употребления названная поэтическая строка стала обобщенной формулой для характеристики самых разнообразных сторон социалистической действительности. Вбирая в себя новые понятия и факты, она расширяет свои смысловые возможности, становится все более емкой и разветвленной.

Прежде всего, в строгом соответствии с первоначальным смыслом она и в новой стилиевой среде выступает в качестве определения характера Великой Отечественной войны: «Война, перечеркнувшая нашу юность, была всенародной, священной войной «не ради славы, ради жизни на земле». И по этой причине на военных дорогах, наперекор жестокому ее пламени, звучали стихи, шли в наступление строки, поющие жизнь, в солдатских вещевых мешках и планшетах лежали томики Пушкина, Блока, Маяковского...» (Литературная газета, 1966, 28 июня).

Применяя названную формулу, советская публицистика глубоко раскрывает образ человека на войне, образ советского солдата, гуманный и интернациональный смысл его мужественной борьбы с врагом: «Простыми, обыкновенными оставались прекрасные советские люди, совершая свой подвиг... Сегодня здесь, на легендарном кургане, как-то заново, с особой остротой ощущаешь всю огромность того, что они совершили во имя Родины, других народов, ради жизни на земле» (Правда, 1967, 16 октября).

Крылатыми словами поэта воспет и подвиг советской женщины: «Ведь повесть — о Женщине, Матери, о тех, кто шел на пытки, под пули, на смерть ради жизни на земле. Я читаю эти... строки, страницы, а между ними вижу напряженную мысль автора: люди, сделайте все возможное, чтобы красота, любовь, материнство никогда не горели в огне войны. Люди, сделайте все, чтобы не было в мире больше Хатыней...» (Известия, 1978, 16 сентября).

Обращаясь к теме советской молодежи, Л. И. Брежнев в речи на XVII съезде ВЛКСМ сказал: «Неувядаемой славой овеяны ратные и трудовые подвиги комсомола и всей советской молодежи в суровые годы Великой Отечественной войны. В трудный час испытаний юность стра-

ны отдавала все во имя победы, ради счастья и жизни на земле» (Брежнев Л. И. Речь на XVII съезде ВЛКСМ. Правда, 1974, 24 апреля). Здесь строка Твардовского используется как яркое стилистическое средство для создания коллективного образа нашего молодого современника.

Великая Отечественная война завершилась великой Победой, но жизнеутверждающая поэтическая формула военных лет, вся устремленная в будущее, осталась в строю. Ее содержание получает новое и все более широкое тематическое наполнение.

В наши дни она становится созвучной большой теме современности, теме мирного творческого труда: «Розы... Мы видели их в палисадниках домов, в руках детей и взрослых, они растут здесь на каждом клочке свободной земли. И эта любовь к прекрасным цветам, врожденная любовь к красоте обнаруживалась всюду — в весеннем возрождении земли, в ярких шелковых нарядах девушек, в веселых, жизнерадостных лицах детей, в мирном прекрасном труде ради жизни на земле...» (Литературная газета, 1974, 15 мая). При этом, в соответствии с изменением содержания устойчивого оборота, могут происходить лексические замены одного из его компонентов: «Химия и земледелие. Их «содружество», их совместные успехи... Обо всем этом пойдет речь в передаче Центрального телевидения, само название которой раскрывает смысл и цель союза химиков с земледельцами: «Ради хлеба на земле» (Говорит и показывает Москва, 1980, 30 июня — 6 июля).

Крылатая формула военного времени ныне вписывается в летопись самоотверженной борьбы за мир, против повторения ужасов войны: «Мирный путь, которым идет Советский Союз, однако, вовсе не значит — легкий путь. О, нет. Он требует борьбы, постоянных усилий. И те большие усилия, которые прилагают Центральный Комитет КПСС и Генеральный секретарь товарищ Л. И. Брежнев, Советское Правительство, последовательно претворяя в жизнь Программу мира, вызывают уважение у миллионов людей на всех континентах, ибо наша советская программа гуманна, благородна и направлена на благо всего человечества. Она — ради жизни на земле!» (Литературная газета, 1976, 5 мая).

Широк круг тем и проблем, определяемых поэтическим фразеологизмом Твардовского, и в этом кругу свое большое место занимает тема социалистического искусства. Оптимистическая формула поэта чрезвычайно близка жизнеутверждающему пафосу художественной культуры социализма, она стала распространенным средством образного определения произведений литературы, живописи, скульптуры, театрального и музыкального искусства. По-программному четко формулирует она одну из ведущих задач современной литературы: «О величии народного подвига, совершенного «ради жизни на земле», будет говорить все новым и новым поколениям мужественное и правдивое слово советской литературы. В нем и беспощадное осуждение захватнических, империалистических войн, и вечная слава героям святой и правой битвы, спасшим жизнь людей на земле, и суровое предупреждение любым новым агрессорам, и выстраданный, убежденный призыв к миру, к борьбе за мир» (Литературная газета, 1975, 7 мая). Величественно и сурово звучит она, определяя художественный замысел скульптурного монумента в честь героических защитников Ленинграда: «Главная идея памятника — подвиг народа в те суровые 900 дней блокады, — говорит Михаил Константинович Аникушин. — Это память о тех, кто не склонил головы перед врагом, сражался и погиб ради жизни на земле» (Правда, 1974, 13 марта).

Популярная крылатая строка используется как высокая оценка достижений театрального искусства: «Вы... создали спектакль о мужестве, подвигах и геройстве советского народа в грозные годы Великой Отечественной войны, вы сумели со сцены показать истоки массового героизма воинов и мирных жителей. И каждый зритель запомнит этот спектакль как урок истории, как память о тех, кто погиб ради счастья нынешних и грядущих поколений, ради жизни на земле» (Советская культура, 1979, 13 июля).

Художественная формула Твардовского, стойко закрепившаяся в современном русском языке, стала постоянным спутником нашей жизни, вошла в каждый дом. Очень большую известность она получила в роли емкого и впечатляющего названия киноэпопеи, кантаты, а также

встреч ветеранов войны, школьных литературных вечеров, выставок, документальных фильмов, телепередач, радиокомпозиций, газетных и журнальных статей.

Функционируя в разнообразных контекстах, рассматриваемое словосочетание устойчиво сохраняет высокую стабильность стилистического облика и грамматической формы. В то же время его употребление в живой современной речи может сопровождаться индивидуально авторскими лексическими преобразованиями: заменами (*Во имя жизни на земле, Ради жизни на планете, Ради хлеба на земле*) и вставками (*Ради счастья и жизни на земле; Ради жизни и свободы на земле; Ради жизни, ради мира, ради красоты на земле*).

Высокая поэтическая формула А. Т. Твардовского — гордость русской национальной фразеологии. Благородный призыв поэта и в наши дни продолжает оказывать огромное воздействие на умы людей, привлекая их суровой возвышенной правдой, вновь возвращая к событиям Великой Отечественной войны и побуждая к активным действиям в решении актуальных сегодняшних задач.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Чем больше поэт, тем большим он обязан своему народу всем, что ему дано. И только по прошествии времени становится ясно, что и народ многим обязан своему поэту. Расул Гамзатов сказал однажды, что у его народа тоже были свои Ромео и Джульетты, не было только своего Шекспира, чтоб рассказать о них, и потому никто о них не знает.

Когда отсеивается все временное, незначительное, люди на отдалении смотрят на минувшее глазами большого художника, зримой реальностью становится для них жизнь, которую он запечатлел. Целые эпохи исчезли бесследно из памяти потому, что не было у них своего поэта.

Создаваемые на самом недолговечном, подверженном тлению материале, литературные памятники имеют свойство переживать и бронзу, и мрамор, и гранит.

Г. Бакланов

Через все творчество Константина Симонова проходит одна тема — мужество, нравственная закалка советского человека, готовность к подвигу, героическое служение Родине.

Эта тема определяет характер и направленность всех его произведений, дает жизнь и душу каждому образу, каждому слову.

МАСТЕРСТВО К. СИМОНОВА — ПРОЗАИКА

Эпическая монументальная трилогия К. Симонова «Живые и мертвые», рисующая события Великой Отечественной войны, отделена от воспроизводимого в ней времени дистанцией в четверть века, и если учесть, что большое видится на расстоянии, то понятна сквозная задача симоновского повествования: не просто воссоздать события великой освободительной войны нашего народа, но исторически и философски осмыслить их.

В языке современной художественной прозы ощущается заметное влияние разговорной речи, причем не только в выборе слов, но и в построении фраз.

Различные типы сложных предложений разговорной речи активно использовались еще Л. Н. Толстым, который в одном из писем говорит о своей любви к «тому, что называют неправильностью языка» и «что есть характер-

ность». Эта толстовская стилистическая традиция блестяще продолжена нашими современными писателями, в частности, — Константином Симоновым.

*

Живая преемственность классической и современной русской литературы ясно видна в военной прозе Симонова, особенно в трилогии «Живые и мертвые», где он не раз обращается мыслью к роману-эпопее Л. Толстого «Война и мир», воссоздающему события Отечественной войны 1812 года. Она наглядно обнаруживается в романе «Последнее лето», рисующем заключительный этап Великой Отечественной войны и наиболее зрелом по стилистическому мастерству.

Это и непосредственная ссылка на Толстого:

«И эта возросшая строгость к себе сейчас, в канун операции «Багратион», тоже была составной частью того общего духа войска, о котором когда-то писал Толстой.»

И отражение особенностей толстовского стиля:

«Когда Серпилин услышал это, его вдруг охватило порой отодвигаемое куда-то в сторону и им и другими военными людьми ощущение великости предстоящего им дела. И не военной его великости, которую они чувствовали даже за всеми мелочами и подробностями подготовки. О военной великости своего дела они помнили. А это была другая великость, еще более великая — человеческая, напоминавшая, что у них впереди не просто война, а когда-то оставленная ими земля и оставленные на ней люди».

В трилогии тонко переданы сложный мир человеческих восприятий грандиозных исторических событий и связанные с ними размышления и чувства героев. Необходимым художественным средством для передачи всего этого является воспроизведение живой, естественной манеры речи, когда говорится, как в жизни, и когда не заботятся о гладкости фразы. Так, в романе «Последнее лето» находят интересное и своеобразное художественное применение разговорные сложные предложения, чем не только создается непринужденный тон повествования, но и достигается смысловая насыщенность при краткости выражения. Например: «Серпилин от завтрака отказался, но стакан чая сказал, чтоб дали».

Смещение конструкции позволяет здесь выразить мысль точнее, конкретнее: вместо *но стакан чая согла-*

сился выпить, что было бы логичным продолжением начала предложения, в приведенной фразе показан переход мысли, связанный не просто с согласием, но и с распоряжением. «...и после этого заговорил про похороны, что там, в Москве, было все как положено...». Объединение разнотипных частей в одно сложное предложение сокращает изложение, позволяя опустить глагол *рассказал*, и вместе с тем соединяет более общее *заговорил про похороны* с более конкретным *рассказал, что...*.

«И Завалишин заранее улыбнулся, давая понять, что все, что он скажет вслед за этим,— шутка». Можно было сказать короче: *давая понять, что он шутит* и тем избежать повторения одного и того же союза, но последовательное включение придаточных союзом *что*, создавая шероховатость речи, столь характерную для живого разговора, в то же время передает логическую цепь мысли.

Во всех этих случаях употребление неправильной конструкции вносит в повествование не только ярко выраженную разговорность, но и добавочные смысловые оттенки. Мастерство писателя проявляется в том, что использование неправильностей разговорной речи оправдывается и стилистическими задачами повествования и тем контекстом, в который они вводятся. У Симонова это, как правило, контекст, передающий субъективные моменты повествования — чужую речь, прямую или косвенную, и авторские рассуждения. Разговорные сложные предложения используются при этом как художественно-выразительное средство.

Предложения со смещенной конструкцией обычно используются при передаче речи персонажей. Благодаря ярко выраженной разговорной окраске они особенно живо передают ту непринужденную шероховатость, необработанность, которая зримо воссоздает манеру обычной нашей повседневной речи, и в то же время вносят добавочные оттенки мысли. Вот рассказ Синцова: «— Послали меня в двести вторую дивизию — она уже третий день считалось, что наступает,— лично проверить, где передний край».

Логично было бы построить фразу так: *считалось, что она уже третий день наступает*, но порядок расположения слов здесь смещен (это по нормам письменной речи, а в обычном разговоре именно так и скажут), и это позволяет, делая акцент на том, что *она [дивизия] наступает*, пере-

дать оттенок недостоверности считалось, что..., причем в очень компактной форме.

Еще ярче эта внешняя нелогичность, а по существу точность в передаче движения мысли, видна в развернутой реплике Львова: «— Странная позиция для члена Военного совета. Вместо того чтобы смотреть на командарма партийным глазом, складывается такое впечатление, что, наоборот, смотрите на все его глазами и за пределы этого не выходите».

Живое течение мысли, неожиданный ее переход, подчеркнутость субъективного мнения говорящего — все это исчезнет, если убрать ту часть предложения, которая как будто бы нелогично вставляется в гладкую фразу и нарушает ее правильность *складывается такое впечатление, что...* . Именно эта вставка создает манеру живой речи и именно она передает личное мнение Львова, а не просто констатирует факт.

Размышления персонажа, даже при передаче их в косвенной речи, также сохраняют непосредственность живого разговора, точно передающего душевное состояние и течение мыслей. Такова косвенная передача мыслей Синцова о том, что и как будет после войны:

«В этом будущем занимали свое место и люди, которых уже не было. Но хотя их уже не было, что-то сохранившееся от них переходило в будущее. Какая-то часть их прижизненной силы и нравственного значения, оказывается, не умерла с ними и влияла сейчас на мысли Синцова о его собственном будущем и о будущем вообще, о том, что после войны все должно быть хорошо и справедливо. И наоборот, что все смущавшее его душу в начале войны, что всего этого после войны не должно быть и не будет».

В последнем предложении есть смещение, передающее ход мысли: Синцов сначала думает о том, *что все смущавшее его в начале войны исчезнет*, а дальше переходит к мысли, *что всего этого вообще не должно быть после войны*; отсюда и внешне нелогичное сочетание разных падежей. Такая неправильность конструкции придает речи особый колорит безыскусственности.

Сложные предложения с разнотипностью частей употребляются у Симонова чаще всего при косвенной передаче размышлений героев, реже в несобственно-прямой речи. Вот, например, размышления Серпилина: «Приказание Кирпичников и так выполнит! Но надо, чтоб он до конца понял свою роль в операции,— что как был, так и остается

на главном направлении. Так оно и есть, если не думать, что кончаем войну в Могилеве!». Мысли Серпилина переходят от Кирпичникова *надо, чтоб он до конца понял свою роль* к дальнейшему развитию операции *надо, чтоб... понял, что остается на главном направлении*, и в какой-то момент одно наслаивается в его сознании на другое, что и передается в неожиданном соединении частей фразы: *понял свою роль..., что...* . Такая конструкция сжато передает развертывание мысли.

Соединение разнотипных частей в одно сложное предложение помогает иногда выразить мысль короче и без повторений союзных слов. Вот как передаются размышления Тани Овсянниковой, раненной при спасении бойцов: «И растроганно подумала о себе как о человеке, только что сделавшем что-то очень хорошее и у которого поэтому у самого все должно быть хорошо.» (Вместо: *который сделал... и у которого...*).

Наряду с соединением двух разноплановых конструкций может быть их совмещение, как бы слияние в одно целое: «С этой ближайшей задачей, как поскорее дойти до Березины и форсировать ее, и было связано почти все, о чем говорили в штабе до глубокой ночи».

В этой фразе сжато передается суть обсуждения предстоящей операции; здесь важно было и кратко передать многое — отсюда совмещение: *с ближайшей задачей и с задачей, как...*, и скрыто дать отголоски живого разговора. Конструкции разговорного синтаксиса помогают создать живость и сжатость рассказа о людях, чьи мысли и поступки не просто даны на фоне повествования о войне, но органически включаются в него.

Особенно широко использует писатель сложное предложение с последовательным включением ряда придаточных повторяющимся союзом. Эта конструкция, грамматически правильная, стилистически шероховата, так как здесь получается нагромождение одинаковых союзов, затрудняющее иногда восприятие смысла. Однако в устной разговорной речи такие предложения возникают очень часто и благодаря разнообразию интонаций воспринимаются легко. В художественном произведении они воссоздают манеру непринужденного разговора, воспроизводят его живые интонации и в то же время точно передают логическую цепь мыслей.

У Симонова обычна цепь из двух придаточных, как правило, с союзом *что*, но возможны и другие союзы.

Включаются эти предложения в такие контексты как косвенная речь или авторское рассуждение и вводятся обычно глаголами речи или восприятия: «... и ей показалось, что ему странна сама мысль, что у него еще может быть дочь или сын»;

«Но есть на войне дни такой тишины, когда почти ко всем людям возвращается первоначальное человеческое чувство, и, как бы заново услышав слова «человека убили», они опять начинают сознавать, что все это значит, что вот вдруг взяли и убили человека»;

«И когда минул тот утренний час, когда немцы обычно начинали, а они не начали, и прошел еще час, и еще, а они не начинали, он испытал не облегчение, как это бывало раньше, а досаду, которая в сущности была чувством превосходства перед врагом».

Интересно, что иногда намеренно используются союзы, внешне одинаковые, но разные по значению, причем один из них явно разговорный. Вот как передаются размышления Серпилина о храбрости и трусости на войне: «А такие, что любят на людях храбрость начальства подчеркнуть, укорить его, что мало бережет свою драгоценную жизнь, — чаще всего сами трусы».

В первом случае союз *что* употреблен в определительном его значении; такое характерное для разговорной речи использование союза создает его повторение, однако писатель перед этим не останавливается: ему важно придать речи героя непринужденную разговорность.

Несомненно, что такое повторение не недостаток, не недосмотр автора, а намеренный и очень действенный стилистический прием.

Цель из трех придаточных предложений с союзом *что*, особенно развернуто рисующая развитие мысли, но более трудная для восприятия, используется у Симонова редко: «Сознавать себя человеком, предназначенным исправлять чужие недостатки, настолько вошло у него в плоть и кровь, что, еще направляясь к новому месту службы, он уже заведомо считал, что те, с кем ему предстоит встретиться, не делали до его приезда всего, что должны были делать». Последовательное включение придаточных с тройным повторением *что* позволяет не только дать развернутую авторскую характеристику Львова, но и передает его собственное логическое рассуждение — обоснование своих поступков. Однако в обычном разговоре три союза подряд создают громоздкость речи, и автор нередко облегчает

такое предложение, делая его более удобным для восприятия:

«— А вы? — спросил он так, что она почувствовала: нет, не верит в тот легкий тон, который она взяла, и понимает, что ей почему-то необходимо сказать ему об этом».

В косвенной речи, введенной глаголом восприятия, опущен союз: *что она почувствовала, что....* Получается проще, характернее для устной речи, а логика развития мысли передается четко и последовательно.

*

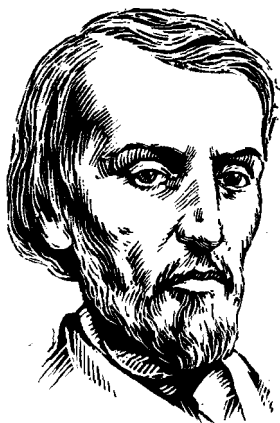
Художественное использование сложных предложений разговорной речи как выразительного средства, передающего живость и непосредственность повседневного разговора, позволяет Константину Симонову настолько естественно обрисовать события, судьбы и характеры, чувства и размышления героев тех незабываемых дней, что и теперь, через много лет, они стоят перед нами как живые.

Н. П. БАДАЕВА

Рисунок В. В. Толстоногова

Это слово — Отечественная война, — услышанное впервые по радио, изумило пассажиров... Мало того что, обладая историческим содержанием, оно казалось неприменимо к иному событию, чем 1812 год; но все привыкли думать, что история наименовала так войну с Наполеоном лишь после того, как она обнаружила себя именно отечественной. Теперь война, только что вспыхнувшая, называлась по имени, которое могло бы быть ей присвоено разве лишь в будущем, и это было в первый момент так неожиданно, как если бы войну с Фридрихом объявили Семилетней, едва она началась. Но все чаще повторяясь, слово Отечественная война стало утрачивать тождество со своим прежним содержанием давнего исторического факта. Из старого оно делалось новым. Оно перебрасывало мысль от прошлого к предстоящему, заставляло думать о значении и небывалом объеме события. И, может быть, ничто другое, как это слово... так быстро не укрепило убеждения, что война неизбежно захватит собою каждого, захватит всех.

К. Ф е д и н

К 170-летию
со дня рождения

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский (1811—1848) занимает почетное место в истории отечественной культуры как основоположник передовой

Значение деятельности Белинского для истории русского литературного языка определяется тем, что он развил и углубил основные принципы пушкинской языковой реформы, распространил их на сферу «учености, политики и философии». Роль Белинского лучше всего выясняется на фоне тех процессов развития литературного языка, которые были актуальны для 40-х годов XIX века. В это время наблюдается бурный рост общественной мысли, в связи с чем встает неотложная проблема формирования отвлеченно-книжного языка. Актуальность этой проблемы была ясна уже Пушкину, который сформулировал ее как одну из очередных задач дальнейшего развития литературного языка. Он писал в 1824 году: «... ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует...».

Русский отвлеченно-книжный язык в условиях уже выработанной (в языке Пушкина) общенациональной нормы литературного выражения складывается в рамках публицистического стиля, который в свою очередь находит воплощение главным образом в критико-публицистической прозе, в жанре литературно-критических статей. Белинскому принадлежит первостепенная роль в разработке основ нового публицистического стиля, ставшего

русской критики. Его труды сыграли конструктивную роль в истории русского литературного языка, оказали во многом определяющее воздействие на развитие существенных сторон литературного языка послепушкинского периода. Отвлеченно-книжный язык, публицистический стиль, лексика и фразеология — общественно-политическая, литературоведческая, отчасти философская, синтаксический строй критикопублицистической прозы, повествовательные стили реалистической прозы, поэтика и

стилистика социально-психологического романа испытали на себе плодотворное влияние авторской практики и литературно-эстетических и стилистических идей великого критика. Белинский по праву занимает место в одном ряду с Пушкиным и Гоголем как гениальный преобразователь русского литературного языка. После них, подчеркивал академик В. В. Виноградов в своей работе «Великий русский язык», «мировое значение русского языка и литературы стало очевидно для всех».

впоследствии одной из самых влиятельных сфер русского литературного языка, а также в разработке лексики, фразеологии, синтаксического строя отвлеченно-книжного языка.

Вырабатывалась манера ясного и четкого изложения сложных эстетических, философских и политических вопросов. Такое изложение характеризуется точностью формулировок основных тезисов, определенностью выводов и обобщений, принципиальностью в постановке вопроса, свободным использованием выразительных возможностей разговорной речи и лучших достижений книжной культуры слова. Именно в сочинениях Белинского представлена такая манера изложения, которой свойственна к тому же и ярко выраженная полемичность. Белинский узаконил права разговорных элементов в сфере отвлеченно-книжного языка, утвердил гибкий синтаксис со сложной и вместе с тем «прозрачной», ясной структурой. После Белинского стало возможным самые сложные вопросы — эстетические, общественные, философские — излагать в ясной и доходчивой форме.

В новом публицистическом стиле отвлеченно-книжная лексика претерпевает важные изменения. Прежде всего происходит преобразование смысловой структуры слов

общественно-политического содержания, литературоведческой и философской лексики. Значения слов этих рядов приобретают определенность, более четкими становятся границы их сочетаемости. Белинский высоко ценил умение «употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодовитым в краткости, тесно сливать идею с формой...» (Полн. собр. соч. М., 1953—1959. Т. 5, с. 454). Общественно-политическая лексика пополняется новыми словами, привлеченными из общелитературного речевого обихода. В литературно-критических статьях Белинского складывается и лексика публицистическая.

Анализ развития отвлеченно-книжной лексики XIX—XX веков убеждает в том, что именно в сочинениях Белинского формируется ядро современной общественно-политической лексики и литературоведческой терминологии. Такие слова, как *общество, народ, революция, партия, цивилизация, просвещение, общественность, социальность, свобода, равенство, неравенство, справедливость, несправедливость, рабство, гнет, патриотизм, патриот, отечество, родина, космополит, космополитизм, прогресс*, утвердились в русском литературном языке в том употреблении, которое было актуализировано Белинским. А слова *убеждения, гуманность, личность* обрели общественно-политические значения благодаря Белинскому. Он внес принципиальные уточнения в осмысление терминов *литература, искусство, критика, народность, самобытность, художественность, пафос, повесть, рассказ, роман*. Под пером Белинского становятся терминами слова *направление, образ, очерк* (в словосочетании *физиологический очерк*), *творчество, тип, форма*; обрело новую жизнь словосочетание *натуральная школа*.

В 40-е годы (как и в 30-е, при жизни Пушкина) главной задачей развития русского литературного языка было углубление и расширение его национально-демократических основ. Правильное понимание Белинским ведущих тенденций развития русского литературного языка проявилось в том, что в языке Пушкина он видел основу и залог дальнейшего прогрессивного движения отечественного языка. «Явился Пушкин,— утверждал Белинский,— и русский язык обрел новую силу, прелесть, гибкость, богатство, а главное — стал развязан, естествен, стал вполне русским языком»; «дальнейший прогресс для языка будет уже не столько со стороны формы, сколько

со стороны содержания» (т. 9, с. 223, 224). Отстаивая принцип народности в литературно-художественном творчестве, великий критик утверждал этот принцип как основополагающий не только для стилистики художественной литературы, но и для литературного языка в целом.

В 40-е годы такая позиция имела принципиальное значение, поскольку далеко не для всех была ясна преобразовательная деятельность Пушкина в области литературного языка. Белинский выступает против мнения Булгарина и Греча, которые «делают вид, что верят, будто Карамзиным русский язык совершенно утвердился и дальше идти не может...» (т. 9, с. 223). Белинский отмечал социальную узость ориентации Карамзина на речь светской гостиной, хотя и признавал его заслуги в развитии русского языка.

Белинский видит действительные пути развития литературного языка в приближении к «живому, общественному» языку, в приобретении таких свойств народной речи, как выразительность, точность, простота. Вот почему Белинский ориентируется на Пушкина; в творчестве которого «вся сила русского языка явилась... в удивительной полноте». Вот почему он всецело поддерживает Гоголя в творческих устремлениях к дальнейшей демократизации языка литературно-художественных произведений, в установке на переосмысление профессиональной и диалектной речи, что придавало текстам Гоголя яркий национально-реалистический колорит.

Отвечая на многочисленные нападки на «провинциализмы» Гоголя, на его «незнание языка», «варварский слог», за которыми скрывался аристократический снобизм, Белинский пишет: изображения Гоголя «дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово или другую фразу для выражения этой мысли» (т. 6, с. 355). Исходя из принципов реализма, критик отстаивает право Гоголя на обращение к живой разговорной речи при изображении действительности.

В. В. Виноградов в статье «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка» писал: «„Гоголевское начало“ стало животворным источником усовершенствования и обогащения национально-русского художественного мастерства». И Белинский, продолжая борьбу за реализм

в русской литературе, неизменно поддерживал тех писателей, в произведениях которых нашло отражение «глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества...» (т. 4, с. 146), «язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся» (т. 10, с. 344).

В острых дискуссиях 30—40-х годов XIX века о языке Пушкина и Гоголя вопрос стоял не только о языке «изящной словесности» и «беллетристики». Речь шла об общем направлении развития, о судьбах русского литературного языка в целом. В ту эпоху основные процессы развития литературного языка находили свое наиболее полное воплощение в художественно-повествовательных стилях. Неизмеримо возросли роль и притягательная сила реалистической литературы в жизни русского общества второй трети XIX века, особенно литературный и общественный авторитет таких писателей, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов. Поэтому столь значительна была твердая позиция Белинского в оценке творчества этих писателей и языка их произведений, основных стилистических устремлений и тенденций русской реалистической литературы 30—40-х годов. Белинский утверждал, что великий писатель открывает в своем родном языке выразительные возможности для «новой сферы созерцания».

Говоря о роли Белинского в истории русского литературного языка, необходимо подчеркнуть, что ему, как основоположнику стиля революционно-демократической публицистики, принадлежат выдающиеся заслуги в разработке русского публицистического стиля. Он заложил научные и стилистические основы литературно-критических статей.

Оценивая развитие русского литературного языка «после Пушкина», мы с благодарностью называем имя Белинского среди тех славных мастеров русского слова, в творчестве которых наша достойное воплощение наша национальная речевая культура. Глубоко был прав Тургенев, сказав, что в сочинениях Белинского «явился во всей своей мужественной и бесхитростной простоте русский язык..., славный язык, ясный и здоровый» (Литературные и житейские воспоминания).

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ

ИЗВЕСТНЫЙ литературовед А. В. Чичерин свою статью «О стиле Пушкинской лирики» начал такими словами: «Если бы неизвестно было, кто написал «Подъезжая под Ижоры...» и кто написал «Пророка», то невозможно было бы догадаться, что это — произведения одного автора...» (сб. «В мире Пушкина», М., 1974, с. 302). Отсюда исследователь делал вывод, что стиль лирики Пушкина очень разнообразный и о каком-либо единстве в таком случае говорить, конечно, не приходится. Названные стихотворения, действительно, резко отличаются друг от друга. Но надо сказать, что и взяты крайности: «Подъезжая под Ижоры...» — предел непринужденности и легкой веселости, а в «Пророке» — такое «сгущение» церковнославянизмов, какого нет ни в одном другом стихотворении Пушкина. Тонкий ценитель поэзии А. О. Смирнова вспоминала: «Однажды говорю я Пушкину:

— Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

— Отчего они вам нравятся?

— Да так, — они как будто подбодрили, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно: «подбодрили», а вот как это верно...» (Разговоры Пушкина. М., 1929, с. 166—167).

Если эти стихи ассоциируются с позой танцора, то стихи «Пророка» — о позой оратора.

О
**ПОЭТИЧЕСКОМ
СИНТАКСИСЕ
А. С. ПУШКИНА**

К уроку
литературы

Очень разные стихотворения. Однако нам известно, что оба написаны Пушкиным. Это дает основания искать нечто общее, характерное для поэта. Можно, например, заметить, что оба стихотворения представляют собою рассказ путника о душевных (или духовных) изменениях, о внутреннем перерождении, конечно, разного рода и разного плана. Но в отношении формы?

Например, для обоих стихотворений характерно энергичное начало. «Подъезжая под Ижоры...» начинается деепричастием. Приводя начало «Пророка» — «Духовной жаждою томим...», А. В. Чичерин пишет: «Деепричастный оборот усиливает энергию внезапного и крутого зачина, в нем в спрессованном виде дается длительное состояние, из которого потом обнаруживается выход» (там же).

Читатель, конечно, уже удивился: *томим* — краткое страдательное причастие, следовательно, и о деепричастном обороте говорить пельзя. Но обмолвка литературоведа очень показательна. По значению и функции эти формы близки деепричастию. Академик В. В. Виноградов отметил: «В книжной речи эти причастия на *-имый*, *-омый*, *-емый* употребляются обычно в таком синтаксическом контексте, который устранивает или ослабляет возможность их качественного понимания... Вообще же причастия на *-мый* представляют собой такой морфологический тип, в котором категория действия-состояния явно преобладает над оттенками качественной оценки и даже качественного состояния... Связь с творительным падежом деятеля или орудия действия усиливает глагольность этих форм, которая, впрочем, и без того выражена ярко» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972, с. 226). Нечего и говорить о том, что глагольность кратких форм (*томим*) еще более значительна.

Итак, деепричастный оборот — не случайность. Он характерная черта быстрого, крутого зачина. Такой зачин — выразительная особенность лирики Пушкина. Разумеется, не всегда деепричастный оборот, но всегда нечто ему близкое функционально: развернутое обособленное определение, обстоятельство, придаточное с *когда*, *если*, быстрое перечисление, очень часто повтор, иногда обращение, вопрос или восклицание, создающие иллюзию «сиюминутного» подключения читателя к разговору, и многое другое. Далее следует быстрое развертывание, которое напоминает нанизывание смысловых кусков, образов на единый стержень, отсюда естественные повторения слов и синтаксических оборотов. Композиционная целостность стихотворения «Подъезжая под Ижоры...» обусловлена подобным нанизыванием образов и оригинальным периодическим построением каждой строфы (условно). Отсюда рассчитанный параллелизм, повторение союзов, перечень «милых черт»:

Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.

(Цитируется: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Л., 1977). И если в этом стихотворении «конденсации» смысла заметно способствуют деепричастные и уступительные конструкции (с повторяющимся союзом *хоть*), то в «Пророке» композиционная цельность помимо общего повтора в значительной мере поддерживается повторяющимся союзом *и*. Роль этого союза вообще существенна для создания «библейского колорита». Можно сказать, что он организует всю центральную часть стихотворения:

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой...

Строки, относящиеся к языку — *И празднословный и лукавый* — всегда, на мой взгляд, были особенно выразительными. Но существует другое мнение. А. В. Чичерин замечает, что «все мы грешим тем, что в гениальном произведении все считаем гениальным», тогда как строки о «языке» он считает чуть ли не просчетом, ошибкой поэта: «Одно уже то, что этот союз употребляется то в перечислении, то в обособленном предложении, то опять в возобновленном перечислении, не совсем удобно. Не благодаря этому, а вопреки этому «Пророк» даже в творчестве Пушкина занимает самое выдающееся место» (там же, с. 323).

В самом деле, идет перечень действий: *И приник... И вырвал*, а затем вдруг в этом ряду — *И празднословный*, вслед за тем вновь возврат к называнию действия: *И жало... Вложил*. Нарушается параллелизм, нарушается симметрия. Строка выпадает, во всяком случае выделяется: девять строк идут подряд, одна из этого ряда выбивается. Но все же это не настолько испортило стихотворение Пушкина, чтобы не считать его гениальным. Примерно такова мысль известного литературоведа.

Но есть несколько соображений, которые не позволяют принять сомнения А. В. Чичерина и подкрепляют наше непосредственное восприятие. Дело в том, что абсолютная симметрия, строгий параллелизм вообще не характерны для Пушкина. Он создает скорее видимость параллелизма, с тем чтобы постоянно его разбивать, чтобы обыгрывать прямолинейность посредством ряда отклонений, нарушений ее. Прием «нарушения ожидания» очень выразителен, и Пушкин, создавая ожидание, тут же его и устраняет. Точно так же и в «Пророке»: создается видимость синтаксического единообразия (в использовании союза *и*), в действительности же единообразия нет, есть варьирование, игра разными смысловыми оттенками, оттенками синтаксических значений союза. Иногда отклонения от намеченной «нормы» значительны (их замечает литературовед), иногда они измеряются, так сказать, в микронах. Прерывисто-присоединительное значение союза в стихотворении Пушкина осложнено реминисценциями «библейского стиля», торжественного, эпически величавого, повествования высокого, значительного.

Синтаксический смысл союза *и* в «Пророке», а также изменения, колебания этого смысла раскрыл академик В. В. Виноградов. Он отметил, что уже союз в строке «И их наполнил шум и звон», обозначающий «как бы мгновенность следствия», связь между явлениями, «направляет строфу в потенциальную бесконечность присоединений». И затем продолжал: «Но новое *и* (в значении *и тогда*) — «И внял я неба содроганье» — почти лишено присоединительного значения. В нем явно преобладает повествовательная функция библейски величавого изложения. Лирический разбег, созданный этой анафорической постановкой *и* в двух соседних предложениях, заставляет в том же плане воспринимать и последующие формы союза *и*. Присоединительность, прерывистость их значения как будто подчеркивается и тем смысловым контрастом небесного — горного и подводного — дальнего, который разрезает эти четыре стиха на две части. На самом же деле, формы союза *и* имеют здесь перечислительное значение...

Эта сложная игра разными значениями союза *и*, своеобразная стихотворная омонимия союзов *и* не только вносит лирическое напряжение в композицию стихов, но и создает непрестанные перелеты смысла, изломы синтаксических отношений» (Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, с. 135—136).

Интересующая нас строфа начинается эпически повествовательным и одновременно присоединительным *и* («И он к устам моим приник»), которое связывается с началом предшествующей строфы, но не с предшествующим стихом — новое усложнение и варьирование.

«А в пределах строфы намечается иного типа контраст,— указывает В. В. Виноградов,— совключительные союзы *и*, замыкающие в синтаксическое единство характеристику грешного языка с его качественными определениями («грешный мой язык, *И* празднословный и лукавый»), врезаются в эпическое движение присоединительных союзов *и*, при посредстве которых примыкают одни к другому глаголы, образуя открытый, незамкнутый ряд: «...приник и вырвал грешный мой язык... и жало мудрыя змеи... вложил». Вместе с тем это движение постепенно присоединяющихся друг к другу действий прерывается новым строфическим *и* («*И* он мне грудь рассек мечом»), которое связывается с союзом *и* предшествующей строфы «*И* он к устам моим приник» — и имеет эпически-повествовательное значение» (там же).

Вот сколь сложным оказывается этот на первый взгляд однообразный ряд перечислений. Однако стих — «*И* празднословный и лукавый» — заметно выделяется. И конечно же, сделано это совершенно сознательно. Поэт часто использует подобный прием, он любит неожиданно выделить в стихе пару обособленных определений. Например:

Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним...

Прозерпина

Краса моей долипы злачной,
Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Виноград

Для лирики Пушкина чрезвычайно характерно это ритмическое варьирование: идет ряд стихов, содержащих по два или три ударения, и вдруг — стих — два слова (два ударения). Разумеется, в такой позиции могут оказаться любые слова: существительные, прилагательные, глаголы. Но во всех случаях подчеркивается в смысловом и стилистическом отношении наиболее значимая часть, особо важная для строя произведения. И в интересующем нас примере также выделено самое главное: ведь для того, чтобы глаголом жечь сердца людей, необходим особый язык, не празднословный и лукавый, но преображенный. И вот основное, опорное существительное *язык* окружается рядом выразительных определений, а весь отрывок выделяется и лексически, и синтаксически, и ритмически. Аналогичное ритмико-синтаксическое варьирование (чередование разноударных стихов, синтаксические переходы) легко увидеть и в

стихотворении «Подъезжая под Ижоры...» (хотя бы в приведенных ранее строках).

Таким образом, для обоих, столь разных стихотворений все же можно указать некоторые общие принципы организации материала: энергичное начало, использующее средства «смысловой конденсации»; градационное нарастание с движением образов вокруг одного семантико-стилистического «стержня»; единство «тона» (отражающееся, в частности, в выдержанной одностильности языковых единиц); ритмико-синтаксическая рельефность; внутривербальный контраст образов, обеспечивающий динамизм стихового развертывания и, наконец, характерный финал: в «Пророке» он достаточно сдержан, но в стихотворении «Подъезжая под Ижоры...» — типичный контрастный завершающий штрих:

Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заведу
И влюблюсь до ноября.

При всем различии этих пушкинских стихотворений можно обнаружить общие, «глубинные» черты, обусловленные общими принципами композиционно-стилистического развертывания. Этот вывод мог бы быть еще более убедительным, если бы взяты были и сопоставлены стихотворения Пушкина по тематическим циклам, стихотворения, близкие по времени создания. Но и само стилистическое разнообразие — важнейшая характерная черта поэтического гения.

В. В. ОДИНЦОВ

...стих Пушкина, в самобытных его пьесах, вдруг как бы сделавший крутой поворот или резкий разрыв в истории русской поэзии, нарушивший предание, явивший собою что-то небывавшее, не похожее ни на что прежнее, — этот стих был представителем новой, дотоле небывалой поэзии. И что же это за стих! Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельно игрою романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явились в нем в удивительной полноте... В нем и обольстительная, невыразимая прелесть и грация..., в нем все богатство мелодии и гармонии языка и рифма, в нем вся нега, все упоение творческой мечты, поэтического выражения. Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистический стих*, — этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина...

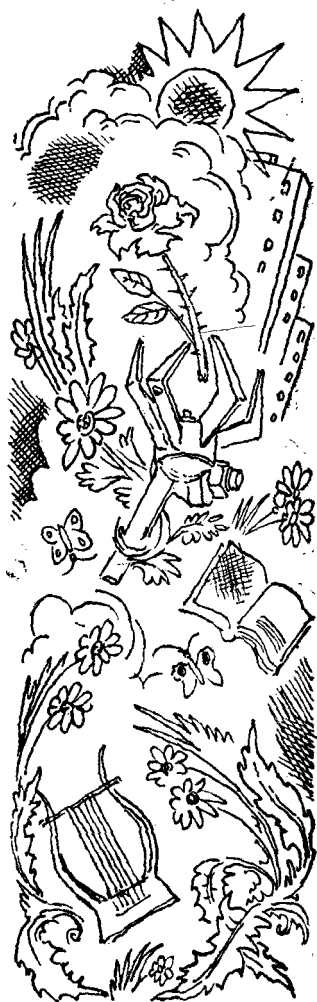
В. Г. Беллинский

РАЗГОВОРНЫЙ СИНТАКСИС В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

СОВРЕМЕННАЯ поэзия характеризуется все большим влиянием на ее язык устной разговорной речи. Этим она значительно отличается от классической поэзии — творчества Пушкина, Некрасова и других. «Разговорность» сегодняшней стихотворной речи обнаруживается и в лексике, и в самих способах организации речевого материала в тексте стихотворения.

Одной из ярких примет разговорности является использование эллиптических словосочетаний и предложений, в которых те или иные члены, необходимые в грамматическом или смысловом отношении, только подразумеваются, но словесно не выражены.

Различные виды неполноты высказывания обычны в устной разговорной речи. Они обусловлены здесь отсутствием предварительного обдумывания сообщения, что связано с непринужденностью повседневного речевого общения людей. При таком общении естественна некоторая незавершенность высказывания, известная «недоговоренность», наличие усеченных выражений и т. п. Смысл высказываний понятен говорящим, недостающие звенья словосочетания или предложения «подсказываются» ситуацией общения.

Разумеется, употребление эллипсиса в поэзии не может быть объяснено аналогичным образом. Каждое слагаемое текста стихотворения как элемент художественной структуры поэтического произведения является носителем художественного смысла. Оно эстетически значимо и представляет собой результат отбора из огромного арсенала возможных речевых средств.

Эллиптические построения используются в поэзии как речевые средства с разговорной стилистической окраской. Они сообщают тексту характер непринужденности, вызывают впечатление непосредственности поэтического сообщения, т.е. передают те свойства, которые характерны для разговорной речи. При этом эллиптические средства в стихотворном произведении составляют лишь отдельную «клеточку» сложного организма — художественного текста стихотворения в целом.

Употребляемые в поэзии эллиптические фигуры разнообразны. «Опущенными» могут быть различные члены высказывания. Необходимость их присутствия как бы «подсказывается» каким-либо из имеющихся членов словосочетания или предложения. Такое «опущение» на письме обычно обозначается знаком тире, который, однако, не является обязательным.

В предложении с простым глагольным сказуемым может отсутствовать спрягаемая форма глагола:

Заунывный рев мотора.
Сумасшедший звон жары.
Задыхаясь — в гору, в гору,
и — зажмурившись — с горы!

Р о ж д е с т в е н с к и й . П о е з д к а

О правды железные розы!
Пусть лучшие силы страны
О нем поподробнее — в прозе...
Но песни зачем нам даны?!

П о п е р е ч н ы й . Н а ч а л ь н и к ц е х а

В предложении с составным сказуемым может отсутствовать его глагольная часть:

На баррикадах любви
ростовщики и барышники
и толмачи не нужны.
В ход — кирпичи и бульжники...
Только бессильны они
против огня и брони.

К а з а к о в а .
«На баррикадах любви...»

При наличии модального предикатива *надо* может отсутствовать его распространение инфинитивом:

Владимир Владимирович,
разрешите представиться!
Я занимаюсь биологией стиха.
Есть роли
более
пьедестальные,
но кому-то надо за источника...

Вознесенский.
Разговор с эпиграфом

И со звездой яркой
он в поле сидит один.

Жаром лицо пылает,
а в спину уперся холод.
Надо спиной к огню.

Шкляревский.
«Свет одинокий в поле...»

При наличии слова с сильным управлением может не быть дополнения:

А тренеру — негромкая хвала.
К нему подходят, руку жмут до хруста:
«А твой-то, твой!.. Спортсменище!.. Орел! ..»
И тренер головой кивает грустно.
Как будто потерял. Не приобрел.

Рождественский. Тренер

Это время нулевого цикла.
Вялая и сонная душа
за ночь к ночи хорошо привыкла —
покидает неспеша.

Слущкий. Подъем

При наличии определения нередко опущено определяемое:

Сначала — в упор, ну а после — штыками добились.
За что? За веснушки его? За его голубые?

Евтушенко.
На красном снегу уссурийском

Сирый цветок из породы репейников,
но его синий не знает соперников.

Вознесенский. Васильки Шагала

При наличии одной части сложного союза может не быть другой:

На пароме, в аэропорту,
на вокзалах, в застольях вечерних
столько выслушал — немогоду! —
что я вам, адвокат или священник?

К у н я е в. «Столько встреч...»

Течет Нева, воспетая поэтом,
Уходит жизнь в свое течение лет.
По городу иду, но даже летом
Мороз по коже, что убит поэт!

Б о к о в. Памяти Пушкина

Эти примеры убедительно свидетельствуют о многообразии эллиптических конструкций, их широком применении в поэзии. Во всех приведенных примерах «опущение» того или иного слова сообщает тексту разговорную стилистическую окраску.

Пропуск того или иного элемента высказывания может быть слабо ощутимым в тексте стихотворения. Так бывает обычно, если слово уже названо и автор лишь избегает его повторения, как, например, в стихотворении Ст. Куняева «Просветленную память храня...»:

Как медлительно катит река
безымянные волны на север...
Здесь не выживешь на шармачка:
только так — то пожнешь, что посеял.

Но в соответствии с замыслом поэта, в целях наилучшего выражения идейно-образного содержания стихотворения эллиптическое средство может быть выделено, каким-нибудь образом оттенено, и его роль, следовательно, значительно усилена. Так, в стихотворении Р. Рождественского «Будьте первыми» конструкция с опущенной глагольной частью составного сказуемого *будьте* гораздо заметнее вследствие ее повтора.

Если вы есть, — будьте первыми!
Первыми — кем бы вы ни были.
Из песен — лучшими песнями.
Из книг — настоящими книгами.

А в стихотворении «Репортаж о лыжной гонке» незавершенная синтаксическая конструкция подчеркнута благодаря повтору слов, родственных по своему образованию и требующих обязательного

дополнения (*добежать, дотерпеть, дотянуть, достонать, дохрипеть* до чего):

Ты, пожалуйста, добеги.
Дотерпи, родной! Дотяни.
Достони. Дохрипи. Смоги!..
Через все чужие «ни в жизнь»...
Через все свои «не могу»...

Стилистическую роль эллиптических средств усиливает также приемы речевой выразительности, увеличивающие экспрессивность высказывания, и связанная с ними интонационная выделенность. Так, в примере, приведенном выше, существенно обратить внимание не только на повтор слов, требующих дополнения, но и на структурную «отдельность» глагольных форм *дотяни, достони, дохрипи, смоги*. Каждая из них выделена интонационно и графически (точкой). Разговорность текста в стихотворении Е. Винокурова «Сосна» помимо отсутствия дополнения (ср. *не ходок куда, к кому*) связана с синтаксической самостоятельностью сказуемого *не ходок*.

Я хаживать к врачам подчас ленился.
Не ведал медицины. Не ходок.
...И наконец-то, вот она, больница,
И градусника, вот он, колодок.

Вместе с разрушением синтаксической связи слов, происходящим при «опущении» одного из членов конструкции, может быть нарушена и устойчивая лексическая связь между словами. Это последнее всегда особенно заметно и поэтому служит усилению стилистической роли эллиптического средства. Так, например, слово *саженки* употребляется обычно в сочетании *плыть саженками*. В тексте стихотворения Р. Рождественского «Выставка детских рисунков» глагол отсутствует, разговорность текста от этого более ошутима.

Река бежит пряткая,
от солнца — вся — желтая...
В речушку я прыгаю
и поперек — саженками!

Словосочетание *копна волос* представлено в стихотворении А. Вознесенского «Июнь-68» только словом *копна*.

Помню, качал рассеянно
целой еще голову,
смахивал на Есенина
падающей копною.

Непринужденный характер этого четверостишия определяется не только использованием словосочетания *копна волос*, к тому же усеченного (*копна*), но также и соседством разговорного слова *смазывать*.

В отдельных случаях эллиптическим средствам может принадлежать центральное место в стилиевой структуре лирического текста. Стилистическое звучание стихотворения Е. Винокурова «Суд» во многом зависит от употребления в нем конструкций, характеризующихся смысловой неопределенностью («выйдет, не выйдет что?») или синтаксической незавершенностью («то ли в рай, то ли в ад» *что сделать?*).

У него областная прописка,
потный лоб и упорная прядь...
Мне читает поэмы парнишка,
и чего-то я должен сказать!..

Как сказать ему:
выйдет, не выйдет?..
Как тут быть:
то ли в рай, то ли в ад?..

...Но пока говорю, что эпитет
в пятой строчке с конца слабоват.

Значимость этих конструкций в тексте стихотворения значительно усилена их смысловым и синтаксическим параллелизмом, поддержана стилистической разговорностью отдельных слов (*парнишка*, *слабоват*) и упоминанием таких деталей, как «потный лоб», «областная прописка». Таким образом, этим конструкциям отводится определяющая роль в создании разговорного стиля стихотворения.

*

Разнообразие и обилие эллиптических средств, свободное включение их в текст многими авторами, их различное участие в создании стиля лирического стихотворения — все это позволяет говорить о заметной роли этих средств в упрочении разговорности в современной стихотворной речи. Разговорность стихотворной речи — это яркое проявление общего процесса ее демократизации в наше время, начало которого восходит к творчеству Пушкина.

Н. Н. ИВАНОВА

Литературно - критическое наследие В. Г. Белинского велико. Ниже мы печатаем отрывок из рецензии В. Г. Белинского на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева, которая впервые была напечатана в журнале «Отечественные записки» 1845.

В. А. Васильев (1819 — 1899) — чиновник морского, а затем военного ведомства, сотрудник «Маяка», беллет-

рист, филолог. Его главные труды по языку: «Грамматические разыскания: 1) о букве ё; 2) об образовании имени существительного рода мужского и женского»; «Об ударениях русского языка»; «Грамматические заметки» и др.

Цитируется: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Изд-во АН СССР, М., 1955, Т. 9, с. 222—225.

Появление книжки г. Васильева очень порадовало нас. В самом деле, давно бы уже пора приняться нам за разработывание русской грамматики. А то — ведь стыдно сказать! — грамматика полагается у нас в основание учебно общественному и частному, — а между тем у нас нет решительно ни одной удовлетворительной грамматики! И как же бы могла она явиться у нас, когда теория языка русского почти не начата, и для грамматики, как систематического свода законов языка, не приготовлено никаких данных? Оттого, если сличить две русские грамматики разных составителей, например, грамматику г. Греча с грамматикой г. Востокова, — подумаешь, что каждая из них рассуждает об особенном языке или что они отделены одна от другой большим промежутком времени. Каждый пишущий в России руководствуется своею собственною грамматикою; нововведениям, этимологическим, синтаксическим и орфографическим, нет числа и меры: всякий молодец на свой образец! И между тем, несмотря на вопли некоторых старых писак против

этой грамматической анархии, в которой они видят злоупотребление и чуть не разбой,— при настоящем положении русского языка, эта грамматическая анархия неизбежна и необходима— даже полезна и благотворна... Русский язык еще не установился,— и дай бог, чтоб он еще как можно долее не установился, потому что чем дольше будет он устанавливаться, тем лучше и богаче установится он. Есть люди, которые верят или только делают вид, что верят, будто Карамзиным русский язык совершенно утвердился и дальше идти не может: много благодарны за этот язык-скороспелку, которому только без году неделя, а он уж и состарелся! Как один из замечательнейших моментов развития русского языка, мы принимаем карамзинский язык с любовью, уважением, благодарностью и даже, если хотите, с удивлением; по нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский... Мы думаем, что если Крылов и обязан Карамзину чистотою своего языка, то все же язык Крылова во сто раз выше языка Карамзина, по той простой причине, что язык Крылова до *plus ultra* язык русский, тогда как язык Карамзина только в «Истории государства Российского» обнаружил стремление быть языком русским, а до тех пор обнаруживал стремление только не быть славянолатинско-немецким, или ломоносовским языком (что и было со стороны Карамзина великою заслугою). Но сфера языка Крылова сама по себе довольно ограничена, и потому не в ней русский язык мог достичь своего установления и не на басне остановиться. Ему надо было идти, и он пошел вперед содействием Жуковского, Батюшкова, Гнедича, самого Карамзина, который в своей «Истории государства Российского» говорил совсем другою манерою, нежели прежде,— правда, манерою еще более искусственною, но зато и более полезною для успеха русского языка. Явился Пушкин — и русский язык обрел новую силу, прелесть, гибкость, богатство, а главное — стал развязан, естествен, стал вполне русским языком. Поэтому, слушая людей, которые наивно утверждают, что Карамзин кончил, так сказать, воспитание русского языка, и совсем умалчивают о Пушкине, как будто бы в деле языка он не заслуживает и упоминения,— невольно вспоминаешь стих Крылова, обратившийся в пословицу:

Слова-то я и не заметил!

Теперь посмотрите: Ломоносов устанавливает славяно-латинско-немецкую форму русского языка, всеми принятую безусловно; но в писателях екатерининского века уже виден в ходе языка значительный успех: Державина и Фонвизина, по отношению к языку, уже никак нельзя сравнивать с Ломоносовым. Карамзин, так сказать, убивает насмерть язык Ломоносова, с одной стороны, представив образцы новой прозы, а с другой, вместе с Дмитриевым, представив образцы стиха, далеко, в отношении к языку (а не поэзии), опередившего стих Державина. Мало этого: лишь только проза его сделалась образцовой и начала развиваться далее содействием Жуковского, как он сам отрекается от нее и в своей «Истории» силится создать совсем другого рода прозу. О Крылове мы говорили. Стих Жуковского и Батюшкова неизмеримо далеко оставляет за собою стих Дмитриева и Карамзина; Гнедич создает русский гекзаметр и делает русский язык способным для воспроизведения изящной древней речи эллинской. Кажется, много сделано? Трудно поверить, что можно было идти дальше? И что же? — Пушкин является полным реформатором языка, увлекает за собою Крылова, писателя, опередившего его целою четвертью века, увлекает Жуковского. Вместе с Пушкиным является Грибоедов и создает язык русской стихотворной комедии, как Крылов создал язык русской басни. Сам Пушкин не стоял на одном месте: с «Полтавы», вышедшей в 1829 году, началась для его поэтической деятельности новая эпоха в отношении и к творчеству и к языку. Прозою он писал до того времени мало, но и в его прозаических отрывках (особенно в «Арапе Петра Великого») видно уже начало совершенно новой русской прозы. И все это сделалось в какие-нибудь *девяносто* лет, считая от первой оды Ломоносова — «На взятие Хотина», написанной правильным тоническим размером, навсегда утвердившимся в русской поэзии (1739), до «Полтавы» Пушкина (1829)!.. Какая же могла тут явиться грамматика? Ведь грамматика есть абстракция языка, существующего в созданиях литературы, а литература изменялась с каждым годом? При таких условиях, какую ни напишите грамматику, — она успеет отстать от языка литературы, пока вы будете печатать ее.

Но почему же, — спросят нас, — мы говорим все о языке литературы, а не о языке народа? По самой простой причине: масса народа отстала от образованного общества, и язык ее сделался для общества слишком бедным и неу-

довлетворительным: ведь не у всякого же достанет духа объясняться *маленько мужицким* слогом. Язык же общества беспрестанно изменялся вместе с литературою.

Однако ж и Пушкиным не кончилось развитие русского языка, который и теперь еще далек от того, чтоб установиться. Особенно беден доселе разговорный, общественный русский язык. Для поэзии, преимущественно высокой, еще нашими писателями до Пушкина (преимущественно Державиным, Жуковским и Батюшковым) сделано было много, а Пушкиным довершено их дело. И не мудрено: русский язык необыкновенно богат для выражения явлений природы и, по своему близкому сродству с древнецерковным славянским языком, причастен гению древних классических языков, способен к передаче произведений древнегреческой и латинской поэзии. В самом деле, какое богатство для изображения явлений естественной действительности заключается только в глаголах русских, имеющих *виды!* *Плывать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыть, приплыть, уплыть, уплыть, наплыть, наплыть, подплыть, подплыть, поплавать, поплыть, расплаваться, расплыться, наплываться, заплываться* — это все один глагол для выражения *двадцати* оттенков одного и того же действия!

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилагается!
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

На каком другом языке передали бы вы поэтическую прелесть этих выражений покойного Кольцова о степи: *расстилагается, пораскинулась, понадвинулась?*..

Да, благодаря уже самому свойству русского языка, поэзия природы, поэзия чувств и мыслей, не ознаменованных ни печатною абстракцией, ни печатною общественности, навсегда установилась у нас Пушкиным, и язык для нее вполне выработался, — так что дальнейший прогресс для

языка будет уже не столько со стороны формы, сколько со стороны содержания. Но такой прогресс возможен не только для юного русского языка, еще далеко не во всех отношениях вышедшего из пелен, но и для вполне развившегося с лишком два века назад французского языка. Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы созерцания. Так, например, в грамматическом отношении нет почти никакой разницы между языком Руссо и Жоржа Занда; но зато какая разница между тем и другим языком в отношении к их содержанию! В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестанет подвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели.

Пушкин был призван быть первым поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства.

●

Поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры: на этом основании общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом...

●

...Особенная принадлежность поэзии Пушкина и одно из главнейших преимуществ его перед поэтами прежних школ — полнота, оконченность, выдержанность и стройность создания. У Пушкина никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего, но все в меру, все на своем месте, конец гармонирует с началом — и, прочитав его пьесу, чувствуешь, что от нее нечего убавить и к ней нечего прибавить.

В. Г. Белинский

НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

•

Орфоэпия как совокупность специфических норм устной речи, в частности система русского литературного произношения, складывалась исторически, вместе со становлением и развитием национального языка. Произносительные нормы современного русского языка сформировались в своих важнейших чертах еще в первой половине XVII века, но первоначально — как нормы «московского говора», которые лишь постепенно, по мере развития и укрепления национального языка, стали приобретать характер общенациональных норм.

•

Как известно, русский народ сложился в северо-восточной, Владимиро-Суздальской, Руси, центром которой уже с XIV века стала Москва. Большое значение имело присоединение к Москве северо-западных земель (Новгорода, Твери), затем Рязани и других южных областей. Именно в Москве в XV—XVII веках на почве одного из первоначально севернорусских окающих говоров — московского (приобретшего впоследствии под воздействием южного диалекта аканье, и тем самым среднерусский характер) — складываются нормы разговорного языка, а также письменного приказного. Последний в связи с постепенным расширением своих функций и обогащением за счет церковнославянских и народных эле-

ментов, а также заимствований из других языков лег в основу русского литературного языка. Установившиеся в Москве нормы, в том числе произносительные, передавались в другие культурные центры, постепенно усваиваясь там на почве местных особенностей. Таким образом, первоначально московские нормы постепенно перерастали в общенациональные.

Язык Москвы XVII века не мог быть однородным, так как его население, как и население всякого большого города, а тем более политического, административного и культурного центра огромной страны, пополнялось из разных мест, которым были свойственны разные диалекты. Немалое значение имело пополнение населения Москвы из южных областей. В связи с ликвидацией мелких удельных княжеств на юге и юго-западе их князья (во многих случаях вместе со своей челядью) нередко шли на службу к московскому великому князю и царю. Во всяком случае среди значительной части населения Москвы, и в том числе самой влиятельной, сложилась фонетическая система, близкая к современной и наиболее «престижная», которую старались усвоить новоселы из разных мест. Есть основания считать, что если в XVI веке еще не было господства аканья, то в XVII веке оно, несомненно, занимало в разговорной речи Москвы доминирующее положение. Вообще в поздние эпохи (особенно в XVII и XVIII вв.) южнорусское влияние начало значительно усиливаться в языке Москвы, что видно по отражению не только аканья, но и некоторых других явлений фонетики, а также грамматических форм и лексики.

Роль обновления населения городов, якобы обязательно ведущего к существенным изменениям в системе языка, иногда преувеличивают. Для каждого исторически конкретного случая это положение действительно не в одинаковой мере. Если до пополнения населения пришлыми элементами уже создалась система «престижная» в политическом, экономическом и культурном отношениях, то таких изменений могло и не быть или они были незначительными. Несомненно, что в XV—XVII веках население Москвы существенно обновилось, как оно обновлялось и позднее. Но так же несомненно, что сложившаяся в Москве к XVII веку система языка была весьма близка к современной (точнее — к старой московской).

Любопытно отметить, что, по данным переписи, в составе населения Москвы к 1882 году из 700 тысяч жителей только 100 тысяч — московские уроженцы. А сколько человек из них были уроженцами Москвы второго, третьего и более поколений? Вероятно, их не так уж много. Между тем никто не сомневается, что к концу XIX века старомосковская произносительная система уже сложилась как национальная норма, хотя и не была кодифицирована (официально закреплена). Сказанное можно отнести, конечно,

с учетом конкретных исторических условий, и к более ранним эпохам: «престижная» наддиалектная система имеет шансы расширяться, а другие — «диалектные» в широком смысле слова — напротив, суживаться.

Разговорному языку Москвы были присущи следующие черты: аканье, то есть совпадение *о* и *а* после твердых согласных в *а* (в старых московских документах написания типа *каторья*, *тарговля*, *привадили*); при этом неясно, была ли ему свойственна и в какой мере редукция (ослабление) гласных в других предударных слогах (кроме 1-го предударного: *за домам*, *в егам*, *стараму*);

еканье, то есть совпадение в одном звуке *е* гласных на месте *е* и *ѣ*, а также на месте *я*; и *а* после мягких шипящих: *десети*, *десеть*, *петерых*, *тысеча*, *чесов*, *пощедил*; впрочем, не исключено также произношение *а* в этом положении на месте *я*, *а*: *ч'асы*, *пои'ш'адил*; [знак ' означает мягкость предшествующего согласного];

различение имен. и местн. пад. ед. ч. в случаях типа *поле*, *море*; об этом свидетельствуют встречающиеся написания *поля* и *в поли*, а также старомосковское произношение: *пол'ъ* и *ф-пол'и*;

взрывной *г*, о чем можно судить по написаниям *к* на месте *г* на конце слова: *берек*, *дарок*, *стерек* вместо *берег*, *дорог*, *стерег*;

в ударном слоге рано вместо *ѣ* стало произноситься *е* (встречаются, хотя и непоследовательно, написания типа *серый*, *белый*). Можно не сомневаться, что говор старой Москвы характеризовался наличием 'о после мягких согласных вместо *е*: *н'ос*, *б'ер'бза*.

Наряду с разговорным языком в XVII веке и позднее — вплоть до половины XIX века — существовала также устная форма собственно литературного языка, в которой сильны были архаические традиции, в том числе церковнославянские, нередко побуквенное произношение. Она характеризовалась рядом специфических черт. Отметим некоторые из них:

оканье — *помыслить*, *доброго*, *пор'адок*; еще И. С. Тургенев писал: Пушкин произнес эти стихи размеренным, певучим голосом и на *о*, как и следует читать стихи (Пушкин и Бабурин);

совпадение безударных гласных на месте *е* и *ѣ* в звуке *е*: *зас'елбм*, *д'елами*, при возможном сохранении гласного на месте *я* (или *а* после *ч*, *ш*) в том же положении: *тяжело* — *т'ежэлб* и *т'ажэ-лб*, *часы* — *ч'есы* и *ч'асы*;

фрикативный согласный *г* (щелевой, длительный): *могла*, *год*, а при оглушении на конце слова — *х*: *друг* — *друх*. Фрикативное образование *г* соответствует фонетической системе церковнославянского языка, сложившегося на юге древней Руси, где оно было присуще также разговорному языку и диалектам. Еще до недавнего времени в ряде слов церковнославянского происхождения (*бога*,

богатый, благо, благодать и др.) произносился ффрикативный звук *g*; слово *бог* и сейчас произносится: *бох*.

У Пушкина в соответствии с поэтической нормой его времени найдем немало случаев, где в рифмах на месте *g* надо читать *x*: *достиг* и *них* — Уже противных скал достиг, Уже хватается за них (Кавказский пленник). Тютчев рифмует: *садах* — *шаг* — Иль в сих цветущих и поднесь садах Их легких ног скользил незримый шаг? (Арфа скальда), а также *друг* — *двух*, *за луг* — *дух*, *вздох* — *мог*, *рычаг* — *глупцах* и др. Или Фет: *миг* — *жених* — Каждый час и каждый миг Приближается жених (Глубь небес опять ясна); *дорог* — *шорох* — Но в двадцать лет, как несказанно-дорог Краспоречивый, летний этот шорох! (Студент). Правда, Тютчев и Фет — уроженцы южных областей, где *g* — ффрикативный, так что местное и церковно-книжное произношение совпадали. Однако, учитывая характер их поэзии, можно считать приведенные случаи отражением высокого поэтического стиля, в своей основе церковнославянского.

Вместе с тем Пушкин охотно пользуется рифмами, в которых на месте конечного *g* следует читать *k* по московской норме, в соответствии с нейтральным стилем: *век* — *Олег* — В мольбах и гаданьях проведенный весь век. И *k* мудрому старцу подъехал Олег (Песнь о вещем Олеге), а также *снег* и *век* (Осень) и др.

Устной форме книжного литературного языка в какой-то мере было присуще различие этимологических *e* (из *e* и *ь*) и *ѣ*. Одни ученые полагают, что это различие было выражено меньшей мягкостью предшествующего согласного перед *e* и большей перед *ѣ*, другие — более широким гласным в первом случае и более узким (или дифтонгическим) во втором.

Наконец, книжной системе произношения было чуждо во многих случаях произношение *'o* после мягких согласных. Приведем несколько примеров из поэзии конца XVIII и первой половины XIX века, по которым можно судить о произношении *e* или *'o* под ударением после мягких согласных и шипящих в рифмах. Дмитриев: *жертвой* — *мертвой* (Человек и конь); Крылов: *квартир* — *нейдет* (Квартет); Пушкин: *лев* — *рев* (Из А. Шенье); Тютчев: *свету* — *звездочету* (Песнь Радости); *мимолетом* — *цветом* (Я помню время золотое), *век* — *упрек* (Как птичка, раннею зарей), *полет* — *свет* (Лебедь), *прилежно* — *безнадежна* (Два голоса). Отметим, что Тютчев употреблял в поэзии ударное *e* вместо совр. энного *'o* не только в 30-х годах, но и в конце 60-х! Любопытны рифмы у этого поэта в глагольных окончаниях: *нет* — *течет* (Над виноградными холмами), в окончании твор. пад. ед. ч. жен. рода: *лучей* — *чешуей* (Смотри, как запад разгорелся), *землею* — *нею* (Весна), но также *землѣю* — *зною* (Летний вечер), *землѣй* — *огневой* (Снежные горы) и даже *стезѣй* — *морской* (По равнине вод лазурной).

В ряде явлений и в поэтическом языке старомосковское произношение стало обычным (а иногда и более частым) наряду с их книжным соответствием. Такого было, например, произношение формы прилагательных на заднебный, обычно на *-кий*, которая, судя по рифмам, часто произносилась как *-кѣй*. У Пушкина: «Знай наших! — молвил он жестоко, — Что, хищник, где твоя краса? Где сила?» — и на шлем высокий Седые вяжет волоса... (Руслан и Людмила); Спи, друг одинокий! Твой старый хозяин тебя пережил: На тризне, уже недалеко... (Песнь о вещем Олеге). Пушкин рифмует: досадой *одинокой* — друг *жестокий* (Простишь ли мне ревнивые мечты), *европейский* — с своею прозою *лакейской* (В журнал совсем не европейский), но и: царь *великий* — палуба и *клики* (Пир Петра Первого). У Тютчева в соответствии с книжной нормой: *крики* — *дикий* (В деревне). У Некрасова: на горе *невысокой* — крест *одинокый* (Рыцарь на час). В большей части приведенных случаев формы им. пад. ед. числа на *-кий* и косвенных падежей на *-кой* рифмуются и произносятся одинаково: *одинокѣй* — *черноокѣй*, *жестокѣй* — *высокѣй*.

В произношении возвратной частицы *-сь*, *-ся* высокая поэзия принимала рифмы, в которых звук *с* был твердым (по старомосковской живой норме). У Пушкина таких рифм меньше, но они есть: Где вечный лавр и кипарис На воле гордо разрослись (Кто знает край, где небо блещет); но: Как черная лента, вокруг ног обвилась: И вскрикнул внезапно ужаленный князь (Песнь о вещем Олеге). Особенно много рифм, указывающих на твердое произношение звука *с* в возвратной частице, у Тютчева: Столетье за столетьем пронеслося: Никто еще не разрешил вопроса (С горы, скатившись, камень лег в долине); у Некрасова: *не довелось* — *колеса* (Плач детей), *не довелось* — *на вопрос* (На Волге) и даже: плакал я не раз, Твоим покоем тяготясь! (На Волге). Как известно, в деепричастиях с частицей *-сь* и ударением на последнем слоге (в соответствии со старомосковскими нормами) рекомендовалось произносить на конце мягкое *с'*.

С давних пор существовало разное произношение сочетания *чн*: *шн* — в словах бытовых, повседневных и *чн* — в книжных, «высоких». Существовало также колебание в произношении многих слов с сочетанием *чн*. В настоящее время произношение *шн* сохранилось в качестве нормы лишь в немногих словах: *конешно*, *скушно*, *яишный*, *яишница*, *пустяшный*, *скворешник*, *прачешная*, *горчишный*, *горячешный*, *перешница* (ср. выражение *чертова перешница*), а также в женских отчествах на *-ична*: Савишна, Никитишна, Кузьминишна, Фоминишна, Лукинишна, Ильинишна. Эти отчества часто и пишутся с *шн*, особенно в художественной литературе.

То, что некогда *шн* произносилось значительно шире, чем теперь, видно из того, что оно укрепилось и на письме в таких случаях, когда смысловые связи с производным словом, имевшим в своем составе *ч*, ослабли или утратились: *дотошный*, *дотошен* вместо этимологического *дотошный*, *доточен*; *рушник* вместо *ручник* (ср. *рука* — *ручной*); *раёшник* вместо *раечник* (ср. *раёк* и «правильное» *раёчный*). О широкой распространенности *шн* на месте *чн* в прошлом свидетельствуют и написания многочисленных фамилий: Сабашников, Калашников, Свешников, Кирпишников, Тряпишников, Ключников, Оловянишников, Шапошников, Рукавишников, Прянишников и др.

Литература XIX века (в особенности первой его половины) свидетельствует о широко распространенном произношении *шн* на месте *чн*. Вот несколько примеров: Вы отгадаете, конечно, Кто этот гость неожиданный был. Немного, может быть, поспешно Любовник смелый поступил (Лермонтов. Тамбовская казначейша). У Пушкина: «Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно да сядь ко мне!» — Что, Таня, что с тобой? — «Мне скучно, Поговорим о старине» (Евгений Онегин). У Баратынского: Ему в гостиных стало душно: То было глупо, это скучно (Цыганка). При господстве в прошлом точной рифмы слово *поспешно* свидетельствует о произношении *конешно*, а слово *душно* — о *скушно*. Отметим написания *кумашный* у Карамзина, *мушной ларь* у Крылова, *табашный* у Гоголя, у Некрасова *грешный* — *сердечный* (С работы). В книгах того времени находим написания: *святошный*, *лубошный*, *кулашный*, *кирпишный*, *буднишний*, *коришневый* и т. д.

Однако уже в пушкинское время существовали два варианта произносительной нормы: *шн* и *чн*. У Пушкина: По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит, Колокольчик однозвучный Утомительно гремит (Зимняя дорога). Нет сомнения, что Пушкин в слове *скушный* произносил и *шн*, и *чн*.

Таким образом, нормы старомосковского произношения и устной формы книжно-литературного языка не были изолированы. Они взаимодействовали, влияли друг на друга, были у них и черты общие. Все это не могло не привести во второй половине XIX века к их объединению в одну общую систему со стилистически различающимися элементами.

Окончание следует

Р. И. АВАНЕСОВ

Речевой этикет и местоимение ОН

Известно, что употребление местоимения *он* (*она*) в адрес третьего лица — неучастника диалога — имеет определенные ограничения. Так, в книгах о правилах речевого поведения не рекомендуется говорить о присутствующих *он* или *она*. Того, о ком идет речь, в разговоре надо называть только по имени. Например: «Петр Иванович приходил», а не «Он приходил»; «Мама просила передать», а не «Она сказала»; «Да, отец дома», а не «Да, он дома».

Несомненно, что ограничения, о которых говорится в правилах речевого поведения, объясняются особенностями самого местоимения *он*, его назначением и содержанием. Эти особенности и влекут за собой своеобразие использования слова *он* в диалоге.

Отметим прежде всего, что в привычном и знакомом нам еще со школьной скамьи соотношении трех лиц *я* — *ты* — *он* (говорящий — собеседник — 3-е лицо) местоимение третьего лица занимает особое положение. Оно противопоставлено первым двум, так как не обозначает непосредственного участника речевого общения, происходящего в данный момент. Местоимения 1-го и 2-го лица (*я*, *ты*, *мы*, *вы*) предназначены для называния лиц, а местоимение 3-го лица имеет более широкие возможности: оно употребляется вместо лица (*он* — человек) и вместо предмета (*он* — дом, *она* — река). Говорящий использует слово *он* в самых разнообразных случаях, чаще всего с целью избежать повторения одного и того же слова. Например:

...Петр Дмитриевич к кому-то обращался и громко говорил: — Я не скажу, чтобы граф Алексей Петрович был фальшивый человек. Но он поневоле кажется таким... (Чехов. Именины).

Кроме подобных, нейтральных, употреблений нередко в диалогах и слова *он*, *она*, которые выражают не обычное замещение, а называют любимого человека, возлюбленного, иногда существующего лишь в воображении. Так, в письме А. А. Лесовой к А. П. Чехову (1894, май) встречается любопытная фраза: «Будьте здоровы и попытайтесь найти её, но не такую жестокую, как Лика...».

В этом же значении употребляет местоимение третьего лица А. С. Пушкин в стихотворении «Она»:

- «Печален ты; признайся, что с тобой».
— Люблю, мой друг! — «Но кто ж тебя пленила?»
— Она...
...— «Кому ж ты жертвуешь душой?»
— Ах! ей! — «Ты скромен, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
— Не то, мой друг! — «Но что ж?» — Я ей не он.

Слово *он* в таком употреблении приобретает признаки существительного — предметное значение — и не нуждается в смысловой зависимости от названия имени.

Одной из причин расширенного, универсального употребления слова *он* является его происхождение. Местоимение третьего лица оформилось в русском языке как личное значительно позже, чем *я*, *ты*, *мы*, *вы*, и до определенного периода относилось к указательным. Такое происхождение не могло остаться бесследным, и, действительно, местоимение *он* (*она*, *оно*, *они*) сохранило в современном русском языке наряду с личным и указательное значение, например слова *он* и *этот* могут быть в некоторых случаях взаимозаменяемыми. Следовательно, широкую употребительность слова *он* и, прежде всего, его способность замещать название не только лица, но и предмета можно объяснить и сохранением указательного значения в личном местоимении третьего лица.

Мы рассмотрели два наиболее типичных употребления местоимения *он*: первое — замещение названия предмета или лица, то есть рабочая, служебная функция местоимения *он*; второе — специфическое употребление в качестве существительного со значением «любимый (-ая)».

Этические ограничения, связанные со словом *он*, о которых пишут авторы книг о правилах речевого поведения, возникают, конечно, только в диалогах. Но не всякое употребление местоимения

он и в диалоге является невежливым. Допустимо это слово тогда, когда отсутствующее лицо уже было названо самим говорящим в вежливой форме и дальнейшее многократное повторение становится бессмысленным. Например: «Да, отец дома, *он* сейчас подойдет». А вот начинать сообщение со слова *он, она*, повторять его, да еще в присутствии называемого лица — крайне невежливо.

Иногда это происходит нарочито: говорящий намеренно избегает прямого названия третьего лица, то есть осуществляет своеобразный запрет. Причины этого различны: таинственность, враждебность, отчуждение, пренебрежительное отношение к лицу. Подобные оценки можно объединить общим значением «отстраненности». Пример такого употребления слова *он* находим в рассказе Ю. Яковлева «Он убил мою собаку» в диалоге директора школы и мальчпка:

- Ты можешь помириться с отцом?
- Я с ним не ссорился.
- Но ты с ним не разговариваешь?
- Я отвечаю на его вопросы.
- Он тебя когда-нибудь бил?
- Не помню.
- Обещай мне, что ты помирись с отцом.
- Я буду отвечать на его вопросы... Пока не вырасту.

Прямое название лица — *отец* — мальчик счел для себя запретным. Преднамеренное употребление местоимения *он* привело к активизации в нем древнего указательного значения. Говорящий тем самым сознательно отстраняет себя от лица, называемого словом *он*.

Особенно резкая, демонстративная отстраненность проявляется в слове *он* в том случае, если произносится в присутствии самого третьего лица:

— Но как же так? — повернулся Сашка к очереди. — Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой в плаще.

— Хватит — не был он в магазине! (Шукшин. Обида).

Слово *он* заменяет в этом случае более уместное обращение к лицу как адресату — *вы*, вместо естественного обращения — отстраненное *он*. Адресат становится «третьим лицом», то есть игнорируется как возможный собеседник. *Он* приобретает оскорбительный характер; личное значение уступает значению указательному.

Очевидно, именно указательное значение делает то или иное слово этически неприемлемым для называния лица, особенно при-

существующего при данном разговоре. Так, указательное местоимение *этот (эта)*, обращенное к человеку, звучит грубо, пренебрежительно: «А *этот* что здесь делает?». Данное значение активизируется, если лицо не называется по имени и в предшествующих репликах диалога, если местоимение *он* — преднамеренное, подчеркнутое и не вызвано необходимостью избежать назойливого повтора.

Речевой этикет не случайно предполагает умение пользоваться и столь маловыразительным, на первый взгляд, словом *он*. Местоимение третьего лица — универсальное обозначение для лиц и предметов — сохраняет в себе и указательное значение. Оно может быть средством отстраненности, обезличивания, фамильярности и поэтому требует особой осторожности при использовании в диалоге.

В. В. ХИМИК
Чебоксары

СРЕДИ КНИГ

Р. А. Будагов.

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

В 1980 году издательство Московского университета выпустило в свет книгу известного советского языковеда, члена-корреспондента АН СССР, профессора Р. А. Будагова «Филология и культура». Она посвящена гуманистическим основам филологии, общественной роли науки о языке в современную эпоху. В объемистом томе собраны статьи и исследования автора, написанные в основном за последние годы. Многие из них были опубликованы ранее и получили широкую извест-

ность среди специалистов: Обоснование языковых стилей, Язык в эпоху научно-технической революции, Система и антисистема, Русский язык в современном мире и др. Часть статей публикуется впервые: Что может дать наука о языке науке о литературе?, Многозначность слова и «экономия языка», Стилистическое новаторство «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и некоторые другие. Материал книги расположен по пяти разделам: Общие вопросы; К теории слова; К теории грамматики; К теории и практике стилистических исследований; К отдельным проблемам филологии.

Даже по этим, чисто внешним, данным можно судить о том, что в книге Р. А. Будагова говорится о достаточно широком круге филологических проблем. Это и связи истории языка с историей литературы, и развитие языка в эпоху НТР и в условиях со-

диалистического общества; особенности языка и стиля выдающихся русских и зарубежных писателей, понятие нормы литературного языка, вопросы сознательного воздействия человека на язык и мн. др. Особое место в книге занимает проблема новаторства писателя в языке и стиле.

Р. А. Будагов напоминает читателям положение Г. О. Винокура о том, что во всяком выдающемся художественном произведении «язык отражен тройко — как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства» (см. статью Г. О. Винокура «„Горе от ума“ как памятник русской художественной речи»). Это значит, пишет далее Р. А. Будагов, что литературовед, анализирующий текст великого художественного произведения, должен прекрасно знать живую речь эпохи, в которую было создано произведение, и нормы литературного языка той же эпохи. Только на таком широком фоне исследователь сможет определить, что вносит писатель «от себя», в какой степени индивидуален язык изучаемого произведения, насколько повторима или неповторима сама манера изложения автора.

Одна из наиболее примечательных в этом отношении глав книги посвящена стилистике «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, тех ее особенностей, мимо которых обычно проходили другие исследователи. Говоря о стилистических ресурсах писателя, Р. А. Будагов отмечает дублированность повествования «Мертвых душ», впервые вводимый в русскую литературу метод «сплошного потока сознания», а также не-

ожиданность сопоставлений (сравнений) и приемы «полуутверждений» или «полуотрицаний», так характерных для поэмы Гоголя: *как будто, несколько, отчасти, не без (чего-нибудь), впрочем* и т. п. И все это направлено к усилению общего замысла «Мертвых душ», к достижению социально значимых целей, к эффекту художественного воздействия на мысли и чувства читателя.

Гоголь прекрасно понимал роль больших писателей в развитии литературного языка. И в этом смысле он — наш современник, точно так же, как и Л. Н. Толстой, который резко осуждал «безобразие языка, вытекающее из безобразия мысли».

Мысль и язык непосредственно связаны и взаимообусловлены и в нашем повседневном бытовом общении, и в языке художественной литературы. При этом важно подчеркнуть, что общие нормы литературного языка ни в коей мере не препятствуют выявлению творческой индивидуальной манеры, своеобразного стиля выражения писателя-мастера. Правильность не противоречит яркости и образности, как простота не противоречит богатству речи.

Р. А. Будагов убедительно и остро полемизирует с ложным, хотя и имеющим подчас хождение, тезисом о том, что в эпоху НТР филология якобы безнадежно устарела и мало кому нужна. Ведь филология, — напоминает автор, — это совокупность гуманитарных наук, изучающих историю и культуру народа, его духовные богатства — так, как они выражены в языке, воплощены

в вершинных образцах художественного творчества. Ф. Энгельс в письме к Ф. Лассалю (1859, 14 марта) назвал филологию «колоссально обширной наукой». Такой же обширной остается филология и в наши дни. Она развивается вместе с развитием общества, выполняя новые и все более сложные задачи, совершенствуя методику и приемы исследования. А это значит, что она никогда не сможет устареть. Произведения Пушкина и Л. Толстого, Гоголя и Достоевского, Тургенева и Чехова, литература советской эпохи непосредственно участвуют в формировании всей культуры нашего народа (наряду с книгами Бальзака и Флобера, Бокаччо, Гете, Шекспира и других писателей); они вносят весомый вклад в современную общемировую культуру.

В книге Р. А. Будагова последовательно проводится мысль о том, что филология, как и другие гуманитарные науки, нельзя ни умалять, ни противопоставлять по значимости, скажем, физико-математическим наукам. Ведь современному человеку нужны все науки, для него полезны и ценны — в разных отношениях — любые знания о природе и обществе. Филология и художественной литературе в этом принадлежит далеко не последнее место. А. И. Герцен в письме к своему двадцатилетнему сыну, упрекая его в недостаточном интересе к чтению художественных книг, замечал: «...Гете и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик,

вместе шагая и сбиваясь с дороги».

Все разделы и главы книги Р. А. Будагова «Филология и культура» объединяются общей концепцией автора, которая состоит в том, что естественные языки неотделимы от говорящих на них людей.

«Язык всецело человекен» — этот, казалось бы, бесспорный, тезис нередко толкуется весьма и весьма различно и противоречиво. В разных теоретических направлениях он может быть обращен и на пользу человека (когда языкознание и филология вообще не выйдут за пределы собственно гуманитарных знаний), но может быть обращен и против человека — в угоду и «в пользу» абстрактных отношений и схем. Общий вывод книги Р. А. Будагова состоит в том, что широкая и многоаспектная проблема «филология и культура» остается злободневной, а подчас и идеологически острой в наши дни, в эпоху научно-технической революции.

Эта книга — приглашение к спору и к серьезным размышлениям, и к дальнейшим плодотворным исследованиям актуальных проблем филологии, и просто к увлекательному чтению. Стиль изложения в ней характеризуется ясностью и простотой в соединении с глубиной научной мысли, подлинным литературным мастерством и изяществом. С большим интересом и с пользой для себя прочтет ее всякий читатель, любящий язык, живо интересующийся вопросами современной лингвистики и филологии вообще.

Л. И. СКВОРЦОВ

Б. Н. Головин.

ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Учение о культуре речи имеет длительную и сложную историю. Начало его восходит к ораторскому искусству Древней Греции и Древнего Рима. В России на материале отечественной литературы развивал это учение М. В. Ломоносов. Крупнейшие писатели XIX и XX веков Пушкин и Толстой, Чехов и Горький и др. оказали несомненное влияние на совершенствование речевого мастерства народа. Передовая революционная мысль России находила воплощение в статьях и речах Белинского, Добролюбова, Писарева и др. В. И. Ленин обосновал главные задачи развития речевой культуры в Стране Советов. В настоящее время культура речи — новая лингвистическая дисциплина, включаемая в программы средней и высшей школы.

В 1980 году издательство «Высшая школа» выпустило учебное пособие «Основы культуры речи» (автор — доктор филологических наук, профессор Горьковского университета Б. Н. Головин). Это первый опыт создания такого пособия по новому университетскому курсу. Книга состоит из «Введения» и 15 глав. В конце книги приведены литература и терминологический указатель, который поможет читателю быстро найти ответ на интересующий его конкретный вопрос.

Во «Введении» автор определяет следующие педагогические задачи, поставленные им в учебном пособии: 1) дать

читателю теоретические сведения о речевой культуре; 2) включить позитивный и негативный речевой материал, чтение и обдумывание которого могло бы помочь укреплению нужных речевых навыков и ослаблению ненужных; 3) содействовать воспитанию чувства личной и социальной ответственности за речевое поведение и за состояние речевой культуры того микроколлектива, в котором живет, учится и работает читатель (см.: с. 8). Главная задача пособия — теоретическое обоснование и описание речевой культуры как совокупности и системы ее коммуникативных качеств: правильности, точности, логичности, чистоты, выразительности и др.

В главе 1 «Теоретические предпосылки понимания и описания культуры речи» рассматриваются терминологические вопросы: язык и речь, речевая деятельность, текст, смысл текста и др. К числу теоретических предпосылок понимания речевой культуры автор относит «различение языка и речи, осмысление языковой нормы, знания о стилях языка и стилях речи». Важнейшей предпосылкой Б. Н. Головин считает «осмысление типовых системных связей структуры речи с неречевыми структурами» (с. 21).

В главе 2 «Структура речи в ее отношении к неречевым структурам — основа теории культуры речи» вводится понятие качеств хорошей речи. Наша речь — явление не только лингвистическое, но и психологическое и эстетическое. Поэтому «люди давно заметили хорошие и плохие стороны

речи и давно делаются попытки объяснить их, в частности, прибегая к таким словам, как „точная“, „правильная“, „красивая“, „ясная“, „доступная“ и т. д.» (с. 22). В этой главе особое внимание уделено художественной речи: «Для улучшения качества художественной литературы пристальное внимание писателей и критиков должно быть направлено и на речевую культуру художественной речи, в особенности на ее эстетические свойства» (с. 39).

В главах 3—10 описаны коммуникативные качества речи: правильность — нормы ударения и нормы грамматики, точность, логичность, чистота, выразительность, богатство (разнообразие), уместность. Здесь читателю наряду с теоретическими положениями предлагается большой и разнообразный иллюстративный материал. Так, в главе 3 рассматриваются нормы ударения у существительных, прилагательных, глаголов, причастий, приведен перечень слов с неподвижным ударением на основе и на окончании, даны слова и их формы, которые надо запомнить.

Такое качество речи, как ее чистота, описано автором на основе соотношения речи с литературным языком и нравственной стороной человеческого сознания. Чистой называется такая речь, в которой «нет чуждых литературному языку элементов (прежде всего слов и словосочетаний) и нет элементов языка, отвергаемых нормами нравственности...» (с. 166). Наше общество заинтересовано в осуществлении широкой системы образовательных и воспитательных мер, целью которых является

развитие общей и речевой культуры человека, в частности искоренение из речи люда языковых средств, разрушающих ее чистоту. К этим средствам относятся неуместные диалектизмы, варваризмы, жаргонизмы, вульгаризмы, бранные слова и обороты речи и др.

Вопрос о чистоте речи беспокоит писателей, ученых-филологов, педагогов. «Чистая речь, — читаем мы в книге, — нужна нам так же, как и чистый воздух, — нужна для того, чтобы легче жилось и дышалось. Объяснить это людям — задача науки и школы, задача радио, телевидения и печати» (с. 184).

Особое место в учебном пособии Б. Н. Головина занимает глава 14 «Ленин и речевая культура», в которой автор показывает выдающуюся роль В. И. Ленина в развитии культуры русской речи. «Как высокий пример, как образец для подражания, — говорится в пособии, — должно осознаваться отношение В. И. Ленина к языку и его личное влияние на речевую культуру своего времени» (с. 301). Здесь приведены материалы редакционной правки В. И. Лениным газетных статей и деловых документов, дан анализ стиля его устных выступлений.

В пособии приведен материал для обучения речевому мастерству, нормативному владению русским языком. В качестве образцов литературной речи и для анализа языка и стиля использованы стихотворения Пушкина, Фета, Маяковского, Твардовского, Р. Рождественского и других поэтов,

даны примеры из произведений художественной прозы и современных газет.

Книга Б. Н. Головина «Основы культуры речи», безусловно, будет необходимым учебным пособием прежде всего для преподавателей нового университетского курса. Пропагандисты и агитаторы найдут в ней конкретные советы, как убедительно, доходчиво и ярко построить выступление (глава 13 «Культура речи и публичное выступление»). Читатели, интересующиеся вопросами речевой культуры и любящие родное слово, также получат много полезных и нужных сведений.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

Л. И. Скворцов.

КУЛЬТУРА ЯЗЫКА — ДОСТОЯНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Издательство «Просвещение» выпускает интересную и нужную серию, которая называется «Мир знаний». Большой популярностью пользуются также, например, книги, как «История русского языка в рассказах» В. В. Колесова, «Русский язык среди других языков мира» В. Г. Костомарова, «Русское слово в языках мира» А. А. Брагиной, «Новые значения старых слов» В. Н. Сергеева. А недавно в той же серии вышла еще одна почетильная книга. Называется она «Культура языка — достояние социалистической

культуры», написал ее доктор филологических наук Л. И. Скворцов.

Эта книга предназначена для внеклассного чтения старшеклассников. Чем она полезна школьникам, что она им дает? Прежде чем ответить на этот вопрос, перескажу эпизод, который приводит автор.

Однажды в Институт русского языка Академии наук СССР, в котором работает Л. И. Скворцов, пришло письмо от школьников. Они писали: «Зачем нас в средней школе заставляют не только учить грамматику русского языка, но еще и различать всякие стилистические тонкости? Мы вот, например, все хотим стать инженерами, врачами, агрономами, математиками и совсем не собираемся быть литераторами...».

Думаю, что этот вопрос не случаен. Школьники учат правила грамматики, пишут сочинения по литературе, изучают историю и обществоведение и не задумываются над тем, что все эти дисциплины тесно связаны между собой. Их органическую связь конкретно, на многих ярких примерах показывает Л. И. Скворцов в книге. И становится понятно, что культура речи — важнейший фактор в жизни каждого человека. Русский язык — это подлинная душа, история, характер, психология нашего народа. А культура речи, которой посвящена книга, — важнейшая часть общей культуры человека. Владимир Ильич Ленин завещал молодежи овладевать всеми знаниями, которые выработало человечество. Это насущная задача строителей нового, коммунистиче-

ского общества. Значит, каждый человек, независимо от того, кем хочет быть или кем он работает, непременно должен беречь наш прекрасный русский язык, как утверждал И. С. Тургенев, «этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками».

Во «Введении» к книге дано определение культуры речи, выделившейся в самостоятельный, особый раздел науки о языке.

В первой главе говорится об основных понятиях культуры речи, о новых общественных функциях русского языка в условиях развитого социалистического общества.

Особенно интересна для старшеклассников вторая глава, которая посвящена культуре речи молодежи. Здесь ставятся и решаются злободневные задачи борьбы с порчей и засорением языка. Читатель узнает, что такое сленг, арг, жаргон, профессиональная речь. Л. И. Скворцов рассказывает о социальных, бытовых и психологических предпосылках появления жаргонов — этой опасной болезни, которую надо вдумчиво и тщательно лечить.

Третья глава называется так: «Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли». Все мы изучали русскую литературу и совершенно не задумывались, что одновременно с литературой, в теснейшей связи с ней развивался и креп «могучий русский язык». На примерах, взятых из современной художественной литературы, в книге показано, насколько велика и ответственна роль писателя перед обществом в правильном развитии

народного, общенационального языка.

Последняя, четвертая, глава посвящена словарям — свидетелям культуры, истории народа, жизни народа, как утверждает автор. И одновременно они — учителя, наставники наши.

В заключение хочется отметить, что книга Л. И. Скворцова написана живым, образным языком. Она содержит глубокий научный материал и в то же время доступна массовому читателю. Эта книга — хорошее пособие для молодежи, вступающей в самостоятельную жизнь.

О. Л. КУРИНА

«ТЕСНЫЙ КРУГ ДРУЗЕЙ МОИХ»

Так называется книга Н. М. Лобиковой, выпущенная издательством «Просвещение» в 1980 году. Это — пособие для учащихся; оно состоит из трех глав: «Гроза двенадцатого года»; Пушкин и герои 14 декабря; «Раевские мои». Ярко и увлекательно автор рассказывает о друзьях Пушкина, героях Отечественной войны 1812 года и декабристах, об их образах в произведениях великого поэта. Книга поможет школьникам подробнее познаться с творчеством Пушкина. Ее прочтут также с большой пользой для себя самые широкие круги читателей, интересующиеся отечественной литературой, историей и культурой своего народа.

Высокий уровень науки и техники, их роль в жизни современного общества оказывают определенное влияние на общелитературный язык:

терминологическая лексика получает широкое распространение не только в специальных текстах — в научных книгах, учебниках, пособиях и т. п., но и в литературных жанрах, рассчитанных на массового читателя, на читателя-неспециалиста, — в рассказах, романах, стихах, материалах неотраслевых газет и т. д. Особенно часто специальные слова употребляются в языке прессы и радио, в передачах на научные, промышленно-экономические, сельскохозяйственные и разные производственные темы.

Многообразно используются термины науки и техники в художественной литературе. Роль их при этом обусловлена той задачей, которую ставит автор, его эстетическим вкусом и мастерством. В тексте произведения термины выполняют определенные стилистические функции, несут особую эмоциональную нагрузку. И если вполне закономерно использование терминов в современных художественных произведениях, то тем более оно оправдано в языке научной фантастики.

Популярность этого жанра сейчас, особенно среди молодежи, чрезвычайно велика. Увлекательность и необычность сюжета, условно-поэтические образы, пафос предвидения будущего придают особую окраску научно-фантастическим произведениям. «Одно то, что она [научная фантастика] как бы подготавливает

общественное мнение к вторжению в жизнь очередного научно-технического чуда, делает ее незаменимой. Именно благодаря усилиям нескольких поколений фантастов человечество приняло как нечто давно ожидаемое и первый искусственный спутник, и первый орбитальный полет, и высадку людей на Луну» (Шарнов Е. Земной облик внеземного разума. — В кн.: Космический госпиталь. М.: Мир, 1972, с. 9).

НАУЧНАЯ фантастика как новый литературный жанр утвердилась с произведений Жюль Верна и Герберта Уэллса. В XX веке фантастика расширила свой тематический диапазон. Тесная связь с развитием науки и техники определила ее специфические особенности. В произведениях данного жанра представлены новейшие достижения человечества в области физики, астрономии, ракетной техники, освоения космического пространства, а также жизнь человеческого общества в отдаленном будущем. Это приводит к частому употреблению в текстах большого количества терминов. Важно подчеркнуть, что писатели используют не только существующие термины физики, химии, астрономии и других областей науки и техники, но и создают новые слова для обозначения несуществующих понятий и реалий.

В научно-фантастической литературе выработаны опре-

Термин в научной ФАНТАСТИКЕ

деленные способы введения в тексты специальной лексики. Некоторые из них будут рассмотрены в настоящей статье (о способах включения терминов в газетно-публицистическую речь см., например, статью Коготковой Т. С. — Русская речь, 1980, № 1).

При анализе исследуемого материала необходимо иметь в виду, что многие специальные слова функционируют в научной фантастике, как элементы художественных текстов. Они включаются не специальными, внешними по отношению к языку художественной литературы приемами, а самим текстом, вернее, контекстом, всем содержанием произведения. Так, подробного разъяснения и описания в научно-фантастических произведениях не требуют, как правило, такие термины, которые созданы «по образу и подобию» реально существующих в языке. В этих случаях раскрытию значения вводимых новообразований помогает не только словообразовательная структура слова, но и в определенной степени контекст.

Например: И вдруг это что-то, что он принял поначалу за часть ее одежды, какую-нибудь финтифлюшку из искусственного меха *криптолона*, пружинисто вздыбилось под рукой и прыгнуло с кресла (Лапин. Старинная детская песенка); На девушке сиял-переливался этот золотистый *лирбелон*, на котором теперь помешаны женщины, и зеленые полосы на широкой юбке ходили волнами (Войскунский, Лукодьянов. Плеск звездных морей).

Здесь используется и прямое название — *искусственный мех*, и прилагательное — *золотистый*, и связь с модой (во втором примере). Выделенные существительные *криптолон*, *лирбелон* образованы по одной модели, широко применяемой в современном русском языке для наименования нового вида волокон (по типу *ней-*

лон, капрон, дедерон и т. п.). Это позволяет узреть новое слово. Элемент *-он* в данных наименованиях соединяется с основами, значение которых не всегда ясно. Только в отдельных случаях можно лишь предположительно попытаться его раскрыть. Например, в терминах *теплон, секстон, септон, октон* основа *тепл-* связывается в нашем сознании со словом *тепло*, а *секст-, септ-, окт-* — с латинскими числительными *шестой, седьмой, восьмой*. Но, видимо, авторы и не стремятся к полной прозрачности внешней формы своих образований. Достаточно некоторой внешней соотнесенности их с известным типом реально существующих слов.

В научной фантастике имеются и иные способы раскрытия содержания термина, помимо контекстного окружения. Одним из таких приемов является словарь, помещаемый, как правило, в конце рассказа или книги. Такой словарь дан в виде примечания к книге Е. Парнова и М. Емцева «Уравнение с Бледного Нептуна». Например: гравиконцентраторы — аккумуляторы энергии гравитационных полей (фантастическое); причинная релятивистская теория — единая теория поля, дающая зависимости между энергией и временем (фантастическое); пси-связь — связь, основанная на распространении телепатических волн (фантастическое); фрелон — синтетическая бумага, навечно сохраняющая написанный или напечатанный на ней текст (фантастическое); спин — собственный внутренний момент вращения, присущий элементарной частице. От слова «спин» образован термин «спиновое уравнение»; деспинатор — устройство, компенсирующее спин элементарной частицы (фантастическое); нелинейное уравнение — уравнение, содержащее члены с функциями в степени выше первой.

Обращает на себя внимание то, что наряду с общепринятыми терминами высшей математики здесь находим придуманные авторами слова, называющие несуществующие предметы и понятия, которые даются с пометой «фантастическое». Среди этой группы выделяются *гравиконцентратор, деспинатор* и *фрелон*, четкая соотнесенность которых с определенными словообразовательными моделями играет существенную роль в расшифровке читателем «фантастического» термина.

Толкование новых слов нередко дается непосредственно в сносках. Вместе с «фантастическими» терминами, которые, как правило, имеют помету «фантастическое», объясняются и собственно научные, но малоизвестные широкому читателю термины, а также сокращения: *ареолог* — специалист по геологии Марса (Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры); *ридер* — человек, способный непосредственно воспринимать и расшифровывать чужие мысли [фантастическое] (Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень,

XXII век); *зимотроны* — электрохимические устройства, выполняющие функции радиоламп, полупроводников и т. д. (Альтов. Клиника «Сапсан»); *пенетраторы* — информационные исследователи большой чувствительности [фантастическое] (Савва. Дальний полет); СДН — Союз Дружественных Наций; МСК — Международный Совет Космонавтики (Назаров. Силайское яблоко).

Однако часто аббревиатуры раскрываются в тексте: Поколебавшись, Ирина нажала кнопку, сигнализируя, что контролирует положение, и второй кнопкой вызвала «ТУЗ» — Танк Универсальной Защиты (Валентинов. Планета Гарпий); Володькин звонок был совсем не ко времени, но он был кибернетиком, а я ПАКом, то есть психоаналитиком компьютеров, и не ответить на его зов в сущности не имел права (Максимович. Призвание).

Одним из наиболее употребительных приемов включения специальной лексики в фантастическую литературу является толкование значения термина в самом тексте средствами описания некоторых его свойств, качеств, назначения и т. п.: — Истерика, — бросил Сип встревоженному Шану. — Ничего страшного. Реакция после *чаки*. Не заметил, когда он к ней успел прчложиться... — *Чака*? Что еще за гадость? — А те семена в зеленых пакетах, что в трюме... Из листьев *чаки* варят настои (Назаров. Силайское яблоко); Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый *когергон* — небольшое слабо вогнутое альфа зеркало (Павлов. Чердак Вселенной); Кутузов включил оптический *пантовизор* — аппарат для дальновидения (Шагурин. Возвращение «Звездного охотника»); Кружилась голова — может быть, от избытка кислорода, может быть, от дурмящих запахов. Впрочем, скорее всего, это сказывалось действие только что принятого *мицеллина* — антибиотика, парализующего чужих бактерий (Альтов, Журавлева. Баллада о звездах) и т. д.

В анализируемой группе слов довольно четко выделяются названия лекарственных препаратов — *мицеллин*, аппаратов — *пантовизор*, растений — *чака* и некоторые другие. Их описание в тексте служит не только для объяснения термина, но и для создания яркого образа представленного предмета, явления и т. п. Тем самым значительно усиливается впечатление от прочитанного. Ср., например: *Мыслетика*? Что ж... Новое, многообещающее, сложное искусство... Сплав живописи, скульптуры, стереокино, а может, еще и драматургии с биотоникой, с голографией (Биленкин. Кем ты станешь); — *Пента-волна*, коллега, это... Возможно, это какой-то пе-

обычный вид излучений, присущий живым организмам (Назаров. Зеленые двери земли).

Нами рассмотрено несколько возможных приемов подачи специальных слов в научно-фантастической литературе. Как правило, включение их в текст связано с определенными стилистическими задачами, поэтому им и свойственна некоторая языковая изолированность. В отдельных случаях, вероятно, с целью более яркого показа необычности подобных элементов, авторы сопровождают их употребление кавычками, ремарками и т. п. Например: «Оверсан», или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод (Стругацкий А., Стругацкий Б. Путь на Амальтею).

Приведенный иллюстративный материал показывает, что в произведениях научной фантастики широко представлена специальная лексика, при этом не только отдельные термины, но и целые терминологические группы. Но несмотря на такое широкое употребление, почти каждый термин в произведениях научно-фантастической литературы получает разъяснение. Как правило, не подлежит «переводу» специальная лексика в текстах художественных произведений (исключая научную фантастику), где термины «остаются именно стилистическим средством, особым знаком, элементом кода, неизвестного читателю, т. е. своего рода инкрустацией» (Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 170).

Выполняя в художественном тексте определенные стилистические функции, термин обогащает литературный язык новыми изобразительными средствами, но при этом их роль не сводится только к сообщению каких-то конкретных научных или технических данных: «...вводимые в художественное произведение специальные термины обычно не столько помогают точному раскрытию существа изображаемой работы, производственных процессов, сколько направлены на то, чтобы создать впечатление подлинной профессиональной атмосферы, чтобы заставить читателя воспринять специальную работу как бы глазами ее непосредственных участников» (Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964, с. 43).

Н. В. НОВИКОВА

Рисунок В. В. Толстоногова

Что такое СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО?

Читатели «Русской речи» в своих письмах в редакцию часто просят объяснить значение тех или других лингвистических терминов, понятий. В предлагаемой статье А. А. Лукашанец рассказывает о грамматическом термине «словообразовательное гнездо».

Существует большое количество слов, которые имеют один и тот же корень и соотносятся по своим значениям. Это однокоренные слова, например: *вода, водица, водный, водяной, паводок, наводнение, водопад; белый, белеть, беловатый, белизна; писать, писанина, письмо, переписать, написать, подписать, записка* и т. д.

Однокоренные слова имеют формальное сходство (общий корень) и смысловое (общий элемент значения). Таким образом, они представляют собой как бы одну семью. Выдающийся исследователь и собиратель живого русского языка В. И. Даль писал, что очень многие слова «показывают очевидную семейную связь и самое близкое родство... никто, например, не усомнится, что *стоять, стойка* и *стояло* одного гнезда птенцы...» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка). Однокоренные слова объединяются в одну группу, в которой они взаимосвязаны друг с другом отношениями производности и располагаются в определенном порядке. Такое объединение называется словообразовательным гнездом.

Словообразовательное гнездо имеет сложную разветвленную структуру. Оно состоит из более простых объединений однокоренных слов. Минимальным объединением слов, связанных между собой родственными отношениями, является словообразовательная

нара, в которой одно слово исходное (производящее), другое — образованное от исходного (производное). Например: сад → садик, книга → книжный, синий → синева, строить → построить, копать — выкопать и т. д. Производное слово в свою очередь может образовывать новые слова. Следовательно, многие производные слова являются таковыми по отношению к одним словам и производящими по отношению к другим. Слова, связанные отношениями последовательной производности, образуют словообразовательную цепочку: строить → построить → постройка; копать → выкопать → выкапывать ⇔ выкапывание; копать → окопать → окоп → окопный → окопник ⇔ окопница.

Как правило, словообразовательное гнездо состоит из словообразовательных пар и словообразовательных цепочек. Структурная сложность гнезда зависит от количества входящих в его состав слов. Приведем примеры гнезд из «Школьного словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова (М.: Просвещение, 1978):

а к в а л а н г → акваланг-ист → аквалангист-к-а

б е р ё з (а) →	берёз-к-а
	берёз-оньк-а
	берёз-ин-а
	берез-ник
	берез-няк
	берёз-ов-ый
	под-берёз-овик
	под-берёз-ник

н и т ь →	нит-к(а) →	ниточ-к-а
	нит-чат-ый	ниточ-н-ый
	нит-ян-ый	

Однако не все слова в русском языке, имеющие сходство, могут быть объединены в одно словообразовательное гнездо. В результате исторического развития некоторые однокоренные слова утрачивают смысловые связи друг с другом и образуют разные гнезда. Так, в современном русском языке столица не соотносится со словом стол, хотя в свое время было образовано от него. Теперь слова стол, столик, столовый и т. д. входят в одно гнездо, а столица, столчный и т. д. — в другое.

Таким образом, словообразовательное гнездо объединяет в своем составе лишь те однокоренные слова, которые связаны между собой смысловыми связями и отношениями, характерными для современного состояния языка. Этим словообразовательное гнездо от-

личается от этимологического, которое устанавливает исторические связи слов. Например, с точки зрения происхождения родственниками являются слова *город, горобить, ограда, огород*, а относятся они к разным словообразовательным гнездам, так как в современном языке связи между этими словами утеряны.

Как видно из приведенных примеров, распределение производных слов в словообразовательном гнезде основано на принципе иерархии: от исходного слова образуются производные (первая ступень словообразования), которые в свою очередь образуют другие слова (вторая ступень) и т. д. Приведем примеры. От исходного слова *пахать* на первой ступени образуются следующие слова: *пахарь, пашня, перепажать, распахать* и т. д.; от *строгать* → *строгальщик, выстрогать, обстрогать, сострогать* и т. д.; от *точить* → *токарь, выточить, заточить, наточить, переточить* и т. д. На следующей ступени образуются новые слова: *пашня* → *пашенка*; *перепажать* → *перепаживать, перепашка*; *обстрогать* → *обстрагивать*; *выточить* → *вытачивать, выточка*; *заточить* → *заточиться, заточка, заточник*.

При определении места слова в гнезде, то есть при установлении последовательности образования производных слов, должны учитываться два момента: формальная и смысловая сложность производного слова по отношению к производящему.

Производным является то слово, которое, как правило, имеет более сложную формальную структуру. На первой ступени находятся слова, отличающиеся от исходного только одним аффиксом (приставкой, суффиксом и т. д.): *мыть* → *вы-мыть*, *береза* → *березняк*. И, наоборот, чем больше аффиксов выделяется в слове, тем дальше оно находится от исходного слова в гнезде: *копать* → *выкопать* → *вы-кап-ыва-ть* → *вы-кап-ыва-ние*.

Однако встречаются случаи, когда производным является слово менее сложное (или одинаковое) по своей формальной структуре, чем производящее. Поэтому всегда нужно учитывать и смысловую сложность слова. Производное слово обычно бывает более сложным по значению. Очень часто большая смысловая сложность совпадает с большей формальной сложностью. Например: значение слова *сад* + значение «маленький» (суффикс *-ик*) → *садик* «маленький сад»; значение слова *дом* + значение «большой» (суффикс *-ище*) → *домище* «большой дом»; значение слова *вымыть* + значение несовершенного вида (суффикс *-ва-*) → *вымывать*.

В то же время бывает и так, что большей сложности по значению не всегда сопутствует большая формальная сложность слова.

В таких случаях производным является слово, такое же или менее сложное по своей формальной структуре, но более сложное по значению. Это слово находится на следующей ступени словообразования. Например, слова *мойщик* и *мойщица* имеют одинаковую структуру: корень + суффикс. А по смыслу слово *мойщица* представляется более сложным: *мойщик* + значение лица женского пола. Поэтому эти слова должны находиться на разных ступенях словообразования, и производящим для *мойщица* является не *мыть*, а *мойщик*; *мыть* → *мойщик*, *мойщик* ⇔ *мойщица*. Приведем еще несколько примеров: *шлифовать* → *шлифовальщик* и *шлифовальщик* → *шлифовальщица*; *резать* → *резчик* и *резчик* → *резчица*; *полировать* ⇔ *полировщик* и *полировщик* → *полировщица*.

При расположении слов в словообразовательном гнезде обращает на себя внимание еще одно явление. Иногда встречаются такие производные слова, которые можно считать образованными не от одного, а от двух или нескольких производящих: *умывать* → ⇔ *умывать-ся* и *умыться* ⇔ *умы-ва-ться*. В подобных случаях принято говорить о множественности словообразовательной структуры слова. Здесь возможны два объяснения: *умывать* (глагол совершенного вида) + значение возвратности (-ся) → *умываться* (возвратный глагол несовершенного вида) и *умыться* (возвратный глагол совершенного вида) + значение несовершенного вида (суффикс -ва-) ⇔ *умываться* (возвратный глагол несовершенного вида). Как можно заметить, результат получился один. В структуре словообразовательного гнезда подобные слова занимают не одну, а две ячейки, то есть завершают две цепочки: *мыть* ⇔ *умыть* ⇔ *умыться* → *умываться* и *мыть* ⇔ *умыть* ⇔ *умывать* ⇔ *умываться*. Данное явление весьма характерно для словообразовательной системы современного русского языка: *невежлив(ый)* ⇔ *невежлив-ость* и *вежливость* → *не-вежливость*; *радоваться* ⇔ *об-радоваться* и *обрадовать* → *обрадовать-ся*; *игл(а)* → *игольчат-ый* и *иголк(а)* → ⇔ *игольчат-ый* и т. д.

Рассматривая структуру словообразовательного гнезда, необходимо учитывать, что в современном русском языке многие слова, и в первую очередь непроизводные, то есть исходные, имеют несколько значений. При этом разные значения обладают неодинаковыми словообразовательными возможностями. Это приводит к тому, что ряд производных слов в гнезде относится не к исходному слову, а лишь к отдельному его значению. Так, слово *мести* имеет следующие значения: 1. Очищать какую-либо поверхность от сора, пыли, снега (при помощи метлы, щетки и т. п.) // Волочить, тащить по земле, по полу (обычно одежду). 2. Развевать что-либо, вздымая, переноса с места на место. // Кружить снег (17 томный Словарь).

Некоторые производные слова соотносятся с обоими значениями *мести*: *замести*, *заметать*; *намести*, *наметать* и т. д. Большинство же слов отчетливо обнаруживает свои связи лишь с отдельными его значениями. С первым значением *мести* связываются производные: *метла*, *метелка*, *метельщик*, *метельщица*, *помело*, *обмести*, *обметать*, *подметать*, *подметала* и др., а со вторым — *метель*, *метелица*, *метелистый*, *метелить* и т. д. Исходным же в словообразовательном гнезде является слово со всеми его значениями, и производные, образованные от отдельных значений слова, входят в одно гнездо.

Таким образом, словообразовательное гнездо — это объединение слов, в котором отражаются все объективные словообразовательные связи и взаимоотношения между однокоренными словами.

А. А. ЛУКАШАНЕЦ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Одинаковые ли по значению и употреблению слова *логический* и *логичный*?»

И. А. Кобзев, Свердловск

Однокоренные прилагательные *логический* и *логичный* имеют некоторые различия в значениях и употреблении.

Логический — значит «относящийся к логике (как науке)», а также «отвечающий законам логики». Например: *логическое суждение*, *логический довод*, *логическая ошибка* и т. п.

Логичный — значит «проникнутый логичностью», а также «поступающий последовательно, разумно». Например: *логичный вопрос*, *логичный шаг*; *логичный человек*; *поступать логично* (наречие) и т. п. Сочетания со словом *логичный*, обозначая внутреннее свойство закономерности, упорядоченности чего-нибудь, лишены тех специальных, терминологических значений, которые обычно свойственны конструкциям с прилагательным *логический* (ср. *логический довод*, т. е. «основанный на законах логики», и *логичный довод* — «разумный, правильный» и т. п.).

К 85-летию
со дня рождения

Павел
Яковлевич
ЧЕРНЫХ
1896—1970

Выдающийся советский ученый-русист, доктор филологических наук, профессор Павел Яковлевич Черных прожил жизнь, полную неустанныго труда. Он создал свыше ста научных работ, в которых отразилась энциклопедическая широта знаний ученого. Его исследования, посвященные исторической грамматике русского языка, диалектологии, истории русского литературного языка, лексикологии и лексикографии, топонимике и исторической географии, являются ценным вкладом в советское языкознание.

Около сорока лет П. Я. Черных вел педагогическую работу в высших учебных заведениях Иркутска, Ярославля, Москвы. Будучи профессором МГУ, он работал с такими выдающимися учеными, как В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, создававшими непередаваемую атмосферу творческого горения на кафедре русского языка Московского университета. П. Я. Черных воспитал многих диалектологов и историков языка, успешно работающих в разных городах нашей страны — в Москве, Иркутске, Калининне, Киеве, Кишиневе, Туле, Ереване, Южно-Сахалинске и Ярославле. Под его руководством проходили стажировку и писали научные труды молодые ученые ряда зарубежных стран: Англии, Венгрии, Польши, Финляндии, Франции.

П. Я. Черных родился в Иркутске 26 июня (9 июля) 1896 года. В двухлетнем возрасте он потерял отца, и его воспитывала мать — сельская учительница. В 1914 году (после окончания Иркутской

гимназии) он поступает в Казачский университет, который закончил в 1918 году с дипломом первой степени. Его учителями были В. А. Богородицкий, Е. Ф. Будде, А. М. Селищев.

И снова Иркутск. Здесь Павел Яковлевич работает преподавателем учительского института, затем доцентом и профессором университета. Выполняя заветы А. М. Селищева, он занимается изучением говоров Восточной Сибири. В 1919—1920 годах совершает ряд диалектологических экспедиций в приангарские поселения: Верхнее Суворово, Громы, Мамыри. В 1927 году с одним из своих учеников П. Я. Черных проплывает свыше 250 километров в берестяной лодке по Илиму, правому притоку Ангары. Впервые в истории науки он собирает диалектологические материалы говоров старожильческого населения междуречья средней Ангары, Илима и Лены. Выводы и обобщения экспедиций, ряд статей, опубликованных в этот период, — все это нашло отражение в 3-м издании книги «Сибирские говоры» (Иркутск, 1953).

Диалектологией интересовался П. Я. Черных всю жизнь. Ученый не терял связи с Сибирью и тогда, когда переехал из Иркутска в Ярославль, а затем в Москву. Он наметил программу изучения говоров, осуществлял научное руководство диссертациями по сибирской диалектологии. Неслучайно в одном из писем его ученицы, кандидата филологических наук Е. Н. Поповой (1961, 19 февраля) мы читаем такие строки: «Вы также тесно связаны с Сибирью, заботитесь о ее лингвистическом будущем, и собиратели произносят Ваше имя с глубоким уважением и признательностью».

Ученый исследовал также письменные памятники — древнерусские и среднерусские. Первая статья этого типа опубликована в Иркутске в 1921 году. В ней содержится анализ языка рукописного памятника XVI—XVII веков. Интересно отметить, что молодой ученый сразу же определил основной объект дальнейших исследований: через 22 года, в 1943 году, он защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Язык Уложения 1649 года».

Большое внимание уделил он и языку сочинений протопопа Аввакума, в котором отмечал особенности севернорусской речи XVII века. П. Я. Черных написал ряд статей о языке и стиле писателей — Пушкина, Некрасова, Л. Толстого, Горького, Ершова, в которых отмечал и диалектные черты. Позже, работая в Москве, ученый создал учебники и учебные пособия. В 1952 году выходит «Историческая грамматика русского языка», выдержавшая три издания и переведенная на белорусский, немецкий и чешский языки. Одновременно П. Я. Черных публикует «Русскую диалектологию», в которой подводит итог своим диалектологическим изысканиям и дает в руки студентов надежное пособие по изучению говоров русского языка.

Книга «Язык Уложения 1649 года», представляющая собой расширенную и дополненную докторскую диссертацию, издана в 1953 году. В книге рассмотрены вопросы орфографии, фонетики и морфологии Соборного уложения 1649 года — свода законов Русского государства, намечены пути развития письменного делового языка периода формирования русской нации. «Очерк русской исторической лексикологии» вышел в 1956 году. Этот труд посвящен изучению лексики древнерусского и среднерусского периодов развития русского языка до начала XVIII века.

Кроме отдельных монографий, учебников и учебных пособий, П. Я. Черных создал серию работ, которые характеризуются глубиной поставленных проблем и четкостью методологии. Это статьи: Заметки об употреблении местоимения «Вы» вместо «ты» в качестве формы вежливости в русском литературном языке. XVIII—XIX вв. (1948); К истории форм вежливости в русском языке. О частице «с» (1949); Язык и письмо (1951) и брошюра «Происхождение русского литературного языка и письма» (1950). Тщательно изучал автор историю отдельных слов: *пять, крестьянин, рабочий, шинель, варяг, Москва* и другие.

В трудах П. Я. Черных нашли отражение и события Великой Отечественной войны. В статье «Русский язык в дни войны» ученый подытожил свои наблюдения над языком той поры. Интересовался он и русской речью эпохи Отечественной войны 1812 года. В его архиве хранится рукопись «О языке писем Кутузова к родным», в которой показано своеобразие языка и стиля Кутузова, отмечено употребление в его письмах более ста иностранных слов, не зарегистрированных словарями той эпохи.

Во всех работах ученого — и в больших монографиях, и в сравнительно небольших по объему статьях — мы находим огромный и тщательно отобранный фактический материал, оригинальность трактовки лингвистических вопросов, обоснованность выводов. Основная мысль — об органической связи истории языка с историей народа — пронизывает все его труды.

Примером интересного лексикологического анализа является разработка истории слова *водерень* (или *одерень*, или *водеревень*) в значении «навек», «навсегда», встречающегося в некоторых архаических говорах. П. Я. Черных прослеживает связь этого слова с современным *дери* и древнерусским термином *дерная грамота*, который восходит к одному старинному обычаю: новому владельцу земельного участка при вводе его в земельное владение подносили кусок земли, поросшей травой (О связи развития языка с ис-

торией народа.— Известия АН СССР. ОЛЯ, 1951, № 3). В более поздних работах отмечается, что кусок земли, поросшей травой, клали на голову человека в знак того, что земля передается ему навсегда.

Итогом огромной научно-исследовательской работы П. Я. Черных является «Историко-этимологический словарь современного русского языка», над которым он работал свыше пятидесяти лет и которому посвятил целиком последние пятнадцать лет жизни, отказавшись от педагогической работы. Тяжело больной, он неотрывно занимался этим словарем и успел закончить его незадолго до кончины (10 августа 1970 года). Академик С. П. Обнорский в письме Павлу Яковлевичу 27 июня 1958 года писал: «Из русистов Вы первый. Очень меня интересует этимологический словарь. Это дело большое». [Письмо С. П. Обнорского хранится в архиве П. Я. Черных.] В этом словаре ученый использовал достижения отечественных и зарубежных этимологов, собрал огромный фактический материал, систематизировал и обобщил его, создав исследование нового типа (в настоящее время словарь готовится к печати).

Большой интерес представляет и переписка ученого. В его архиве хранятся письма Л. А. Булаховского, С. П. Обнорского, Б. Унбегауна. Ему писали многие молодые ученые, аспиранты, студенты. В одном из писем студенты просят Павла Яковлевича прислать им «Историческую грамматику русского языка», так как близятся экзамены, а книга давно разошлась, и они нигде получить ее не могут. На конверте этого письма пометка Павла Яковлевича: «Книга отослана 20 IX 1952 года».

Характерно, что незадолго до кончины Павел Яковлевич выразил желание, чтобы его уникальная лингвистическая библиотека, в которой только словарей — свыше 400, была передана Иркутскому пединституту. П. Я. Черных родился в Иркутске, там начинал научную и педагогическую деятельность. И туда, согласно воле ученого, его вдова Е. В. Черных к 80-летию со дня рождения профессора, в 1976 году, безвозмездно передала библиотеку, представляющую огромную ценность.

Имя крупного ученого-русиста, замечательного педагога высшей школы Павла Яковлевича Черных по праву занимает почетное место в советской науке.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

13 ноября 1980 года в Институте русского языка АН СССР состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Сергея Ивановича Ожегова (1900—1964).

Заседание открыл директор Института член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. Он отметил значительную роль С. И. Ожегова в создании первых советских словарей, теоретической лексикографии. С. И. Ожегов обобщил достижения и традиции советской лексикографии и в то же время отразил изменения, происшедшие в языке. В современной отечественной лексикографии имя С. И. Ожегова не уходит в историю, остается реальным, живым, а его нормативный, доступный широкому читателю однотомный толковый «Словарь русского языка» получил огромную популярность в нашей стране и за рубежом. С. И. Ожегов долгое время ра-

ботал в Институте, был создателем сектора культуры русской речи. «Дело Сергея Ивановича живет, продолжается», — сказал в заключение Ф. П. Филин.

С докладом «С. И. Ожегов — выдающийся советский лексиколог и лексикограф, организатор науки» выступил заведующий сектором культуры русской речи доктор филологических наук Л. И. Скворцов. Докладчик отметил, что круг интересов С. И. Ожегова был очень широким: его перу принадлежат многие труды по истории русского литературного языка, по лексикологии и теории лексикографии, фразеологии, культуре речи и стилистике. Глубокие и оригинальные социолингвистические исследования, проведенные С. И. Ожеговым, нашли отражение в ряде статей и заметок, написанных им в 50-е годы. Закономерным итогом этой работы явилось выдвижение им широкой научной проблемы «Русский язык и советское общество».

Центральное место в кругу лингвистических интересов С. И. Ожегова занимала лексикография. Он был прирожденным и талантливым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой и весьма трудоемкой работе. Деятельность С. И. Ожегова как сло-

варника началась в конце 20-х годов, когда он включился в редактирование «Словаря русского языка» (1895—1937). В 1927—1940 годах С. И. Ожегов участвовал в составлении «Толкового словаря русского языка» — первенца советской лексикографии, который вышел в 1935—1940 годах в 4-х томах под редакцией Д. Н. Ушакова. Тогда же зародилась идея однотомного словаря.

Таким словарем стал «Словарь русского языка» С. И. Ожегова («Словарь Ожегова» или «Ожеговский словарь», как его обычно называют). Он был впервые опубликован в 1949 году, а в 1978 году вышло 12-е издание. Это самый массовый, популярный и один из наиболее авторитетных толковых словарей современного русского литературного языка. Л. И. Скворцов рассказал об истории создания Словаря, который выдержал семь прижизненных изданий тиражом в несколько миллионов экземпляров. Словарь оказал и продолжает оказывать большое влияние на словари различных типов в нашей стране и за рубежом. С 1972 года (9-е и последующие издания) Словарь выходит под редакцией Н. Ю. Шведовой. В новой редакции он существенно пополнился: в него вошли неологизмы последних лет, внесено немало

поправок и уточнений. Однако по своей структуре, характеру и направленности он до сих пор остается «Ожеговским словарем». В настоящее время готовится новое издание. Современность, актуальность, научная достоверность, нормативная определенность и компактность — все эти качества обеспечивают надежную долговечность «Словарю русского языка».

Л. И. Скворцов подчеркнул, что С. И. Ожегов как ученый всегда остро чувствовал общественное назначение науки о языке и филологии вообще. Он постоянно был связан с редакцией газеты «Известия», Центральным телевидением, вел большую консультационную работу во Всероссийском театральном обществе, в Комитете технической терминологии АН СССР, в комиссиях Моссовета по наименованиям учреждений и улиц города Москвы и др. Обширной и разносторонней была деятельность С. И. Ожегова, связанная с проблемами культуры устной и письменной речи. В 1-м выпуске сборника «Вопросы культуры речи» (1955) С. И. Ожегов выступил с программной статьей «Очередные вопросы культуры речи», в которой дал научное определение языковой нормы и наметил главные направления и задачи

теоретических разработок в области культуры речи.

Имя С. И. Ожегова входит в сокровищницу национальной русской культуры. Живая мысль ученого воплотилась в его лучших статьях и работах. В издательстве «Просвещение» готовится к изданию книга, посвященная жизни и научно-педагогической деятельности С. И. Ожегова.

С воспоминаниями об ученом выступили ученики, друзья и соратники С. И. Ожегова, которые слушали его лекции в Московском университете, занимались в аспирантуре, пользовались его советами.

Об Ожегове-теоретике рассказал директор Института русского языка имени А. С. Пушкина член-корреспондент АПН СССР В. Г. Костомаров. «Вкус» к отдельному слову у С. И. Ожегова был непревзойденным, отчего и стал популярным, поистине народным его Словарь.

Доктор филологических наук, профессор Московского университета В. П. Вомперский отметил, что С. И. Ожегов был великолепным лексикологом, имевшим свою четкую методологическую концепцию познания. Для него характерна тонкость и углубленность анализа лингвистического материала,

поразительная творческая интуиция. С. И. Ожегов — выдающийся деятель высшей школы: он читал курс истории русского литературного языка, создал программу этого курса для университетов.

Об Ожегове-руководителе, воспитателе рассказала в своем выступлении Л. К. Граудина, которая подчеркнула, что долгом учеников и сотрудников Сергея Ивановича является продолжение и развитие его исследований в русском языке. Чем дальше в прошлое уходят от нас годы жизни и деятельности С. И. Ожегова, тем значительнее и весомее предстает перед нами его научное наследие. С. И. Ожегов был не только крупным специалистом по истории и современному состоянию литературного языка, по русской лексике и лексикографии, по проблемам культуры речи. Каждому, кто знал Сергея Ивановича, — сказала Л. К. Граудина, — он запомнился как человек неповторимого обаяния, чрезвычайно добрый и отзывчивый, надежный товарищ, мудрый учитель, замечательный руководитель. И в этой светлой памяти — залог продолжения жизни С. И. Ожегова.

О. В. ВИДОВА

Недавно я проехал по всему нашему огромному Северу от Кольского полуострова до Чукотки. Как известно, на этой территории проживает более двух десятков народов разных национальностей, многие тысячелетия тому назад обживших эту землю и назвавших ее своей родиной.

В последние годы к исконным обитателям северных окраин нашей страны присоединились представители и других национальностей. Здесь работают геологи, горняки, железнодорожники, моряки, чей труд буквально преобразил облик суровой северной земли, поставил на службу социалистической экономике несметные богатства недр и природы. Ранее малолюдный Север стал многолюдным. На смену стойбищам и одиноким ярангам давно пришли города и благоустроенные рабочие поселки, жители которых пользуются всеми достижениями современной цивилизации. Несмотря на разноязычность населения современного Севера, жители свободно общаются между собой, не испытывая языковых затруднений. И это понятно: у наших народов есть могучее средство межъязыкового общения — русский язык. Поэтому даже в глубинной чукотской тундре, в оленеводческой бригаде, у таежных охотников — всюду люди понимают друг друга.

Зимой мне довелось побывать в старинном юкагирском

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ**

**Слово
писателю**

ИСТОЧНИК СВЕТА И ТЕПЛА

селении Нелемное, в среднем течении реки Колымы. В охотничьей избушке, затерянной в тайге, звучала чукотская, якутская, юкагирская речь, но объединяла, сплачивала этих людей в коллектив русская речь, русский язык.

Вслушиваясь в разговор окружавших меня людей, я все более убеждался в том, что русский язык звучит здесь естественно и свободно, органично сливаясь с языком саамов, чукчей, ненцев и других народов моего родного края. И сердце мое радовалось, когда сквозь завывания таежной пурги были слышны широкая русская песня и народная песня долган. Я думал о том, что великий, могучий и добрый друг всех людей на земле — русский язык — стал источником света и тепла, радости и счастья самых забытых и отсталых в прошлом народов Севера.

А ведь я хорошо помню себя, не знающим ни слова по-русски. Начало тридцатых годов... Незнакомая речь, непонятный язык, на котором общались русские жители моего родного селения Уэлен, и даже те чукчи, которые уже успели им овладеть, казались чужими.

Чтобы поскорее овладеть русским языком, мы, еще не ходившие в школу, придумывали игры «в русских», подражая в своей речи звукам живого русского языка, который нам доводилось слышать.

До мельчайших подробностей жива в моей памяти картина первого урока в школе. Моим первым учителем был чукча Татро. Он и теперь любит вспомнить то далекое время, когда сам, только что выучившийся грамоте, мог учить нас.

Татро вошел в класс и положил на парту перед каждым учеником по две книги. Потом отошел к своему учительскому столу возле большой черной доски и, волнуясь, сказал: «Перед вами две книги. Одна из них на чукотском языке и называется „Чычеткин вэтгав“. Вторая книга — на русском языке и называется „Родная речь“, что также означает „Чычеткин вэтгав“. Эти книги введут вас в мир двух языков, один из которых пока еще не знаком вам, на скоро станет „чычеткин“, то есть „родным“».

Татро познакомил нас со звучанием русского стиха, и музыкальность русской речи окончательно покорила меня. Пусть мы не понимали многих слов (да и сам Татро, как я потом догадался, не все хорошо понимал), но

нельзя было не почувствовать прекрасную музыку таких строк:

Заунывный ветер гонит
Стаи туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо плачет темный лес.

Вместе со мной в школе учились два русских мальчика — Владилен Леонтьев и Петр Павлов. Оба они приехали на Чукотку, в Уэлен, еще совсем малышами и, естественно, знали русский язык едва ли лучше нас. И все-таки их родители были русскими, и это обстоятельство немало способствовало нашему овладению русским языком. Владилен Леонтьев сегодня известный ученый, специалист по языку и этнографии чукчей; писатель, автор интересных романов и повестей. Петр Павлов тоже посвятил всю свою жизнь изучению полярных областей земного шара, зимовал на полярных станциях, в Антарктике.

Много теплых слов хочется сказать об учителях.

Лев Васильевич Беликов и его мать Прасковья Кузьминична Беликова преподавали в нашей школе, в Уэлене, русский язык и литературу. Ленинградцы, люди высокой культуры, они с таким уважением и тактом относились к нам, терпеливо объясняли смысл порой даже самых простых вещей. Помню, я никак не мог одолеть пушкинскую строку — „Открой сомкнуты негой взоры“ и читал ее так — „Открой сомкнуты негром взоры“. Я не понимал, что такое *нега*, слово *негр* мне было знакомо, тем более я уже знал о предке Пушкина — Ганнибале...

Часто после уроков я приходил в нашу школьную библиотеку, робко останавливался перед рядами книг и, глядя на них, с отчаянием думал о том, как много еще надо приложить труда, чтобы овладеть волшебным языком, который поможет легко и свободно войти в этот прекрасный, удивительный мир книг.

Да, порой русский язык казался мне незнакомым, но приветливо шумящим лесом, полным таинственных звуков. Я спешил понять их, но меня охватывало чувство растерянности и даже потерянности, и тогда я снова возвращался в стихию знакомого родного чукотского языка.

В те годы чукотская письменность делала свои первые шаги. Появились книги на чукотском языке, большинство из которых были переводами с русского. Через русский

получил развитие письменный литературный чукотский язык. Много лет спустя, когда я сам начал писать, я почувствовал, какую силу дал моему родному языку русский язык. Малые народы Севера получили свою письменность, обрели утраченное ранее чувство национальной гордости и заняли достойное место в дружной семье братских народов.

Через русский язык мы познакомились с такой литературой, которая была кровно связана с думами о свободе, стремлением народа к справедливости и счастью. О жизни народов Чукотки рассказывали книги на русском языке, написанные народовольцами, сосланными на окраину России царским правительством. О чукчах и эскимосах написали позже первые русские учителя, ставшие впоследствии известными советскими писателями, такие, например, как Тихон Семушкин и Николай Шундик. Через русский язык мы познакомились с литературой и культурой других народов нашей многонациональной страны, со всемирно известными советскими писателями — Чингизом Айтматовым, Абдижамилом Нурпеисовым, Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым и многими другими.

Русское слово, русский язык, русская классическая и советская литература способствовали зарождению и развитию национальной литературы у самых отсталых в прошлом народов. И сегодня мы с гордостью произносим имена таких замечательных писателей Севера, как Юван Шестапов (манси), Григорий Ходжер (наваец), Владимир Санги (нивх), Леонид Лапцуй (ненец), Антонина Кымытваль (чукчанка), Огдо Аксенова (долганка).

Многие современные писатели, представители младописьменных народов, избрали для своего творчества русский язык, не потеряв при этом ни грана национальной самобытности, своеобразия художественного мышления своего народа.

Нет ничего удивительного в том, что для писателей Севера русский язык стал вторым родным языком. Ведь даже малолетние дети в детских садах и школах обучаются двум родным языкам, и один из них — русский. Мне довелось побывать на уроке родного языка в детском саду эскимосского селения Ново-Чаплино. Занятия вела учительница Марина Сигунелик, автор многих учебников родного языка. «Когда человек с самого детства знает два языка, он в два раза духовно богаче, возможности для его

внутреннего развития шире...», — сказала мне Марина Ивановна.

Восприятие русской культуры, русского языка сближает народы нашей страны, способствуя развитию национальных культур на основе взаимного обогащения.

Характерно, что за границей советского человека любой национальности называют русским. Поначалу я принимался объяснять, что я чукча, родился на Чукотском полуострове...

«Да, это верно, — сказал мне представитель племени масаи в Кении. — Но ты приехал из Советского Союза, ты говоришь на русском языке, поэтому для нас ты — русский».

На курсах по изучению русского языка в Эфиопии я спросил одного молодого человека, почему он изучает русский язык, и он взволнованно ответил: «Но ведь это язык Революции!».

Да, весть о наступлении новой эры в истории человечества прозвучала в октябре семнадцатого года, на русском языке. На русском языке говорил и первый космонавт планеты Земля Юрий Гагарин, впервые нарушив вечное безмолвие Космоса человеческим голосом. На русском языке звучат слова мира и дружбы, обращенные ко всем народам и континентам, государствам и международным организациям. И я вновь вспоминаю первые русские слова, услышанные в далеком детстве, в Уэлене.

У нас выстроили пекарню на берегу лагуны и сказали, что в ней будут печь настоящий русский хлеб. Приехал белоголовый великан с громким голосом. Мы смотрели в окно и видели, как он разжигал печь, месил тесто, укладывал его в формы, а потом на широкой деревянной лопате с длинной ручкой засовывал формы с поднявшимся тестом в печь.

Через некоторое время он вышел на крыльцо и позвал нас в пекарню. В белой одежде, слегка обсыпанный мукой, человек был похож на охотника, собравшегося в снежную тундру, и мы, подталкивая друг друга, веселой гурьбой поспешили за ним.

От огромной печи на нас дохнуло сухим жаром и удивительным запахом свежее испеченного хлеба. Пекарь вынул из печи форму, выбил из нее румяную, пышущую жаром буханку, разломил своими сильными руками и сказал, подавая нам теплые, мягкие ломти:

— Хорошо! Хлеб!

С тех пор прошли годы, но и теперь я с волнением произношу это русское слово — хлеб.

Многие мои книги я написал на русском языке. Иногда, задумываясь, ловлю себя на мысли о том, какой же я счастливый человек, что владею таким богатством, таким совершеннейшим инструментом человеческого мышления, как русский язык! От всего сердца, от всей души говорю спасибо великому, могучему и доброму русскому языку — языку русских былин, русской песни, языку русского народа — источнику света и тепла, радости и счастья людей.

Ю. С. РЫТХЭУ

ЗАДАЧИ НАУКИ — ЗАДАЧИ ЖИЗНИ

Известный узбекский советский писатель Гафур Гулям сказал однажды: «Куда бы ты ни приехал — в Мордовию или Хакассию, в Аджарию или Якутию, достаточно знания русского языка — и тебя поймут все, и ты поймешь всех». Общность целей объединила в Союзе Советских Социалистических Республик более ста наций и народностей. Именно русский язык стал для многомиллионного и многонационального советского народа средством общения, открыл каждой нации и народности доступ к культурным ценностям других народов СССР, богатствам мировой цивилизации. «Свободное владение, наряду с родным, русским языком, добровольно принятым в качестве общего исторического достояния всеми советскими людьми, способствует дальнейшему упрочению политического, экономического и духовного единства советского народа», — писал Л. И. Брежнев в приветствии участникам Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР», проходившей в мае 1979 года в Ташкенте. За прошедшее после конференции время значительно улучшилась постановка обучения русскому языку в школах, ПТУ, высших и средних специальных учебных заведениях. В каждой республике издано большое количество учебников, методических пособий, словарей и т. п. В академиях наук союзных республик созданы сектора, отделы, группы, советы по русскому языку, которые руководят большой и сложной работой по развитию изучения и преподавания русского языка в республиках, распространению его как средства межнационального общения.

Накопленный опыт этой деятельности был обобщен на состоявшемся в ноябре 1980 года в г. Душанбе координационном совещании руководителей секторов русского языка академий наук союзных республик и филиалов АН СССР, посвященном актуальным проблемам изучения русского языка как средства межнационального общения, итогам и перспективам работы секторов русского языка.

Открывая совещание, президент АН Таджикской ССР, член-корреспондент АН СССР М. С. Асимов подчеркнул, что изучение русского языка как языка межнационального общения — неотъемлемая черта практики языкового строительства в СССР, а двуязычие — характерная примета нашего времени. Растущие требования к преподаванию русского языка, к повышению культуры речи выдвигают перед учеными ряд неотложных задач, таких, как исследование форм и путей взаимодействия русского и национальных языков, разработка основных принципов терминообразования, изучение влияния русского языка на процесс обогащения и развития фонда терминологии. М. С. Асимов указал также на необходимость общими усилиями АН СССР и всех республиканских академий вести большие монографические исследования роли и места русского языка во всех сферах жизни советского общества, социологические разработки проблем культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия и многоязычия.

Исчерпывающая характеристика и глубокий, всесторонний анализ современного состояния и перспектив развития науки о русском языке как средстве межнационального общения были представлены в докладе «Основные направления в изучении русского языка как средства межнационального общения в лингвистических учреждениях академий наук республик» заместителя директора Института русского языка АН СССР В. В. Иванова.

Чем шире развертывалась деятельность Института русского языка АН СССР и лингвистических учреждений республиканских академий по распространению и изучению русского языка как средства межнационального общения, — сказал докладчик, — тем яснее становилась необходимость создания долгосрочной программы этой деятельности, определения основных направлений в разработке большой и чрезвычайно важной для нашей страны проблемы. В настоящее время такая программа подготовлена в Институте русского языка АН СССР.

Далее В. В. Иванов подробно охарактеризовал каждый пункт этой программы, выделив следующие первоочередные задачи:

— изучение общественных функций русского языка в условиях национально-русского двуязычия, сфер его распространения и использования;

— расширение исследований процесса воздействия на русский язык того или иного национального языка, особенно в сфере лексики, фразеологии и межъязыковой интерференции;

— изучение вопросов культуры русской речи в условиях билингвизма;

— лингвистические исследования художественного творчества писателей-билингвов, пишущих на русском языке;

— создание русско-национальных и национально-русских словарей, которые отвечали бы современным научным требованиям и удовлетворяли бы многоплановые нужды массового читателя;

— дальнейшее развитие сравнительно-типологических исследований русского и национальных языков, что имеет прямое отношение к созданию оптимальной системы обучения русскому языку нерусских, к разработке научных основ преподавания русского языка в условиях национально-русского двуязычия.

В заключение докладчик подчеркнул, что во всех перечисленных направлениях разработки проблемы изучения русского языка как средства межнационального общения нет чисто теоретических вопросов, то есть таких вопросов, которые не имели бы выхода в практику. Основная цель исследования определяется острыми нуждами современной жизни — оказание практической помощи национальной школе, вузам и взрослому населению союзных и автономных республик в овладении русским языком.

С большим интересом был встречен доклад кандидата филологических наук А. М. Маниязова (Институт языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР) и доктора филологических наук М. И. Исаева (Институт языкознания АН СССР) «Русский язык и национальная культура», в котором освещена роль родных языков и межнационального языка в развитии культур народов СССР. В докладе было подчеркнуто, что культуры советских народов являются национальными по форме, социалистическими по содержанию, по своей главной сути, и интернациональными по направленности своего развития и духу. Обычно родной язык, прежде всего в литературе, выступает как форма национальной культуры и основное орудие ее развития. Это значит, что, например, художественная литература, как правило, существует на родных языках. Вместе с тем у многочисленных народов нашей страны появилась своя литература на русском языке, представленная произведениями таких национальных писателей, как Айтматов, Ходжер, Санги, Каписев, Рытхэу, Уруймагова и др. Каждый из них пишет на родном и на русском языках, внося весомый вклад в развитие своих национальных культур. Это явление, называемое обычно художественным (или литературным) билингвизмом, прогрессивно и несомненно будет развиваться,

Как подчеркнули докладчики, русский язык служит тем средством, которое дает возможность различным нациям и народностям широко знакомиться с достижениями друг друга и, следовательно, взаимообогащаться. Можно утверждать, что без русского языка не были бы всесоюзно известны такие выдающиеся писатели, как Гамзатов, Кугультинов, Кулиев и др.

В докладе также освещались вопросы взаимодействия родного и межнационального языков в более широких сферах духовной и материальной культуры народов СССР.

В заключение докладчики отметили, что значение первого и второго языков необходимо рассматривать на фоне развития национальных отношений в СССР, характерной чертой которых является расцвет и сближение наций и народностей.

Об основных этапах распространения межнационального языка в Таджикистане, таджикско-русских литературных взаимосвязях говорила на совещании кандидат филологических наук С. Д. Холматова (Институт языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР), отметившая в своем докладе, что история литературных взаимоотношений русского и таджикского народов своими корнями уходит в глубь веков, составляет одну из ярчайших страниц дружбы народов нашей страны.

На совещании были также заслушаны сообщения руководителей секторов русского языка академий наук союзных республик и филиалов АН СССР об итогах и перспективах работы секторов русского языка.

Живо и заинтересованно прошла беседа участников совещания за «Круглым столом» по проблемам культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Выступавшие говорили о том, что задачи современной борьбы за повышение уровня культуры русской речи органически сливаются с практическими задачами обучения русскому языку в национальных условиях. Чтобы иноговорящие овладели живым русским литературным языком и вооружились необходимыми знаниями, следует организовать обучение с учетом тенденций развития современного русского языка. В задачу русистов, занимающихся культурно-речевой проблематикой применительно к условиям двуязычия, входит прежде всего разработка основ обучения этой дисциплине национальных преподавательских кадров.

В заключение участники координационного совещания приняли рекомендации, в которых, в частности, подчеркнуты важнейшие задачи, выдвигаемые XI пятилеткой перед советской наукой и культурой. Усилия подразделений академических институтов, филиалов АН СССР и советов по координации работы по русскому языку должны быть направлены на всемерное развитие гармонич-

ческого национально-русского двуязычия, основным признаком которого является свободное владение, наравне с родным, русским языком как средством межнационального общения. Для успешной реализации намеченных планов совещание рекомендовало уточнить ряд научных проблем русистики и некоторые организационные вопросы работы советов по координации, отделов (секторов, групп) русского языка республиканских академий наук и филиалов АН СССР.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

СРЕДИ КНИГ

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В 1977 году вышла в свет книга «Русский язык как средство межнационального общения», в которой были освещены общие вопросы функционирования русского языка в национальных республиках СССР, охарактеризована языковая ситуация в нашей стране, рассмотрены социальные функции русского языка как средства межнационального общения, показана роль русского языка в общественно-политической, экономической и культурной жизни народов Украины, Белоруссии, Узбекистана, Азербайджана, Литвы, Латвии.

Продолжением этой книги явилась коллективная моно-

графия «Русский язык в национальных республиках Советского Союза» (М., 1980), созданная совместными усилиями сотрудников сектора изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР Института русского языка АН СССР, Института языкознания АН СССР, НИИ преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР, при участии лингвистических институтов академий наук и вузов союзных республик.

В настоящем издании так же, как и в предыдущем, рассматриваются процессы, связанные с функционированием русского языка и его ролью в жизни народов Советского Союза, а именно: в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Молдавии, Грузии, Армении и Эстонии. Таким образом, создается целостное представление о функционировании русского языка, социальных традициях его распространения во всех союзных республиках, кроме РСФСР. Действительно, в каждой из глав I раздела проблема раскрывается с разных сторон и с разной степенью детализа-

нии приводимых исторических, социологических и лингвистических сведений.

В первом разделе книги концентрируется основная описательно-исследовательская часть. Глава, открывающая этот раздел, посвящена вопросам развития функций русского языка в Казахской ССР. Тема раскрыта прежде всего в социологическом аспекте, показаны особенности распространения русского языка в республике и наиболее существенные факторы, поддерживающие сложившиеся здесь традиции двуязычия. В главе приводятся материалы, из которых ясно, как преподается русский язык в школе, вузе; затрагиваются вопросы культуры речи и те трудности, которые возникают в условиях тюркско-русского двуязычия. Элементы исторического описания вводятся автором при характеристике функционирования русского языка в последние революционные годы. Выделены хронологические этапы, совпадающие с этапами культурного и экономического развития с 1917 года по настоящее время.

Иначе решается тема в главе, посвященной Грузии. Здесь больше элементов исторического описания, рассказывает о контактах русского и грузинского языков, начиная с XVI века. При характеристике грузинско-русских языковых контактов в советское время на первый план выдвигается политический аспект языкового «сотрудничества». Лингвистически интересна часть, характеризующая становление и развитие современной грузинской терминологии. Автор приво-

дит любопытные сведения о заимствованиях из русского языка в грузинской художественной литературе и даже в грузинских диалектах.

Интересна в лингвистическом отношении глава, посвященная характерным чертам молдавско-русского двуязычия. В компактной, композиционно стройной форме автор раскрыл особенности функционирования русского языка в Молдавии, рассказал о древней истории славяно-романских отношений, привел любопытные лексико-семантические данные из «Словаря русского языка XI—XVII вв.»

Глава, характеризующая функционирование русского языка в Киргизской ССР, по характеру описания материала и подходу к теме напоминает главу о Казахстане. Сходство, видимо, не случайно. История двуязычия в этих республиках содержит немало параллельных моментов. В каждой из глав дается социологическая и культурно-историческая характеристика условий, в которых протекает контактирование русского и национального языков.

В главе «Русский язык в Таджикистане» конкретно показано, какую роль сыграли социальные, этнические и демографические факторы в истории национально-русского двуязычия в Таджикской ССР. Отличительная черта этой части: здесь в большей степени обращено внимание на вопросы культуры русской речи в национальном аспекте. На конкретных примерах с привлечением диалогов городской речи показаны различия в степени владения таджиками русским языком. Отклонения

от нормы характеризуются на фонологическом, фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Такое пристально-углубленное изучение самого типа двуязычия на разных языковых уровнях, как нам кажется, и должно составить отличительные черты всей темы в целом.

Глава, освещающая роль русского языка как средства общения в ЭССР, завершает общую характеристику состояния русско-национального двуязычия в Прибалтике (в первой книге были представлены материалы по Литве и Латвии). Языковая ситуация в Эстонии, радиус функционирования русского языка в сфере массовых коммуникаций — все эти моменты обрисованы в главе с той степенью полноты, которая возможна в рамках одной главы.

Особняком в I разделе книги стоит глава «Русистика в Армении». В ней речь идет об истории школьных учебников по русскому языку для армян и затрагиваются вопросы методики преподавания русского языка.

Второй раздел монографии посвящен очень важной практической задаче — постановке преподавания русского языка на филологических факультетах вузов национальных республик. Этот раздел — новый, в предшествующей монографии его не было, и поэтому он вызывает особенно пристальный интерес.

Важно не только объективное обозрение того, как развивается русский язык в национальных республиках, но еще важнее наладить сознательную и целенаправленную преподавательскую дея-

тельность. Идея необходимости активных мероприятий в этой области пронизывает весь II раздел книги и особенно его первую главу. Материал представлен таким образом, что первая часть его посвящена общим проблемам подготовки учителей русского языка и литературы в педвузах союзных и автономных республик, а все другие главы раскрывают тему преподавания русского языка в вузах отдельных республик — Белоруссии, Грузии, Молдавии, Туркмении, Эстонии. Проблемная глава характеризуется критической направленностью. В ней вскрываются недостатки в области подготовки учителей-русистов в республиканских педвузах, анализируются их причины и предлагаются меры по их устранению. Глава написана очень живо и публицистично.

В каждой из частей этого раздела рассказывается о том, как развивалась и складывалась история подготовки русистов в республиках. Приводятся конкретные данные, называются те учебники, которые созданы с целью улучшения работы преподавателей вузов и т. д.

Третий раздел книги посвящен критике и библиографии. В библиографию рецензируемой книги включены наиболее значительные труды, не вошедшие в предшествующее издание, а также все работы, напечатанные с 1975 по 1977 год.

Трудно переоценить важное научное и общественное значение вышедшего в свет нового исследования.

Л. К. ГРАУДИНА

РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЧЕРЕЗ
РУССКОЕ
СЛОВО
К
ПОЗНАНИЮ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Изучение иностранного языка должно быть связано с изучением современной жизни и недавней истории страны, где данный язык господствует. Сюда должно входить изучение и экономической, и политической, и культурной жизни страны.

Н. К. Крупская

ИМЕННО эта мысль Н. К. Крупской выражает основное направление в работе Международного симпозиума по изучению вопросов лингвострановедения в преподавании русского языка иностранцам, состоявшегося 24—30 ноября 1980 года в Воронеже.

Организованный Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, симпозиум продолжил обсуждение одной из ведущих тем, разрабатываемых МАПРЯЛ — «Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного». Обсуждению этих вопросов, как известно, был посвящен I Международный симпозиум в Ленинграде (1971). Большое внимание страноведческой проблематике уделялось на всех четырех международных конгрессах преподавателей русского языка и литературы. Второй международный симпозиум в Воронеже (1980) проведен также по плану деятельности МАПРЯЛ на базе Воронежского государственного университета имени Ленинского Комсомола.

Место проведения симпозиума выбрано не случайно. Воронежский университет — один из старейших и крупнейших вузов нашей страны. Он был создан 18 мая 1918 года по декрету, подписанному В. И. Ле-

ниним, и тем самым открыл одну из первых страниц истории советского университетского образования. Профессорско-преподавательский коллектив филологического факультета, работая в тесной связи с Институтом русского языка имени А. С. Пушкина (Москва), накопил большой опыт в обучении иностранных учащихся русскому языку на лингвострановедческой основе.

Вместе с тем Воронеж — город с большими революционными, трудовыми и культурными традициями. На сцене его драматического театра выступали М. С. Щепкин, П. С. Мочалов, А. А. Остужев, М. Н. Ермолова, В. Ф. Комиссаржевская. Знаменитые песни А. Кольцова, проникновенные стихи И. С. Никитина, полотна И. Н. Крамского, сказки, собранные А. Н. Афанасьевым, знаменитый Воронежский русский народный хор — все это и многое другое — бесценное достояние не только края, но и всей нашей Родины. Культурные традиции знаменитых земляков-воронежцев продолжают сегодняшние жители города. И это понятно: без связи традиций, имен, времени непостижима жизнь современного человека. И воронежцы свято чтут все, что напоминает о прошлом города. Его богатая история неразрывно связана с судьбами русского народа и

Русского государства. Об этом говорят названия городских улиц, замечательные памятники старины, музеи. Не удивительно, что зарубежные участники симпозиума после экскурсий по городу пришли к единодушному мнению о том, что им удалось прочесть по памятникам его великую историю.

Международный симпозиум в Воронеже привлек внимание многочисленных советских и зарубежных ученых. В связи с тем, что в настоящее время повысилось содержание страноведческой информации в языковых учебных материалах, созданы и создаются специальные страноведческие пособия, начался качественно новый этап в разработке лингвострановедческого аспекта в преподавании русского языка иностранцам, возникла необходимость обобщить накопленный опыт. Более 250 специалистов из Советского Союза и 29 зарубежных стран приняли участие в работе симпозиума. На заседаниях было заслушано 128 докладов и сообщений, которые охватывали самые разнообразные вопросы, касающиеся лингвострановедческого аспекта в преподавании русского языка иностранцам. Были рассмотрены общие во-

просы лингвострановедения в преподавании русского языка иностранным учащимся, источники лингвострановедческой информации и методика их реализации в языковом учебном процессе; лингвострановедческая работа в различных формах и видах обучения русскому языку. Эти вопросы нашли широкий отклик не только среди советских преподавателей русского языка, но и зарубежных гостей. С интересными докладами и сообщениями выступили представители Болгарии, Монголии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Кубы, ГДР, ФРГ, Австрии, Индии, Финляндии и других стран. Выступающие охватили широкий круг вопросов, связанных с изучением современной советской действительности в учебном процессе, с отбором лингвострановедческого материала в зависимости от целей и форм обучения, с разработкой принципов создания различных лингвострановедческих пособий, анализом имеющихся лингвострановедческих учебников русского языка и др. Каждый выступавший старался раскрыть преподавательскую и научную деятельность филологов-русистов своего коллектива, представить на обсуждение накопленный им опыт преподавания русского языка на лингвострановедческой основе.

В секции «Общие вопросы лингвострановедения и страноведения в преподавании русского языка иностранцам» были затронуты такие темы, как: проблемы взаимосвязи курса страноведения СССР с профилирующими дисциплинами в процессе подготовки филологов-русистов; страноведение на занятиях по развитию речи; проблемы лингвострановедческой подготовки преподавателя; лингвострановедение и современная русская лексикография; формирование страноведческих знаний на материале книг Л. И. Брежневца «Малая земля», «Возрождение», «Целина»; страноведение и лингвострановедение: к разграничению близких понятий; и другие.

В секции «Источники лингвострановедческой информации и методика их использования в языковом учебном процессе» заинтересованно обсуждались вопросы, связанные с лексикой и фразеологией русского языка в аспекте лингвострановедения, с проблемами учебной лексикографии, с особенностями страноведческой работы в лингафонном кабинете, говорили о средствах наглядности в обучении русскому языку на страноведческой основе, об использовании художественной литературы и критериях отбора обучающего текста.

В секции «Лингвострановедение в различных формах и видах обучения русскому языку» рассматривались конкретные вопросы методики работы по указанной проблеме, был обобщен полезный опыт по созданию лингвострановедческого учебного пособия, особенно интересно были представлены в докладах вопросы преподавания русского речевого этикета. Следует отметить, что в своих выступлениях участники симпозиума отталкивались от главных положений пленарного доклада Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «О предмете, объеме и функциях лингвострановедения». Как видно из названия доклада, в нем были затронуты наиболее актуальные вопросы лингвострановедческой проблематики, которые и явились предметом активного обсуждения во всех трех секциях.

Большое внимание в докладах было уделено вопросам лексики и фразеологии в лингвистическом преподавании русского языка. Опираясь на одно из положений доклада Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, выступавшие, в частности, отмечали важность изучения новых языковых единиц, то есть тех новых слов, которые имеют огромное социальное звучание. Вспоминая высказывание Л. И. Бреж-

нева о появлении в русском языке слова *целинник*, которым обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени, и которое отражает это героическое время, выступающие высказали единодушное мнение о том, что знакомство иностранных учащихся с ключевыми словами нашей эпохи есть надежный путь к раскрытию советского образа жизни.

В беседе с участниками симпозиума не трудно было убедиться в том, что все они единодушно признают важность этих положений.

Оценивая работу симпозиума, М. Леонидова (НРБ) отметила, что «одинаковые или близкие по теме доклады, представленные на обсуждение, говорят о том, что преподаватели всех стран правильно понимают лингвострановедческий аспект русского языка, правильно нацупали те слова и выражения, которые подвергаются лингвострановедческой обработке. И это радует.

Опыт русских преподавателей, носителей языка, обогатил каждого слушателя, каждого зарубежного участника симпозиума. Расширились и наши представления о дальнейшей работе. Появились новые идеи.

Иностранные делегаты симпозиума поделились полезными наблюдениями в решении

этой проблемы и помогли тем самым посмотреть на русский язык со стороны.

Симпозиум убедил в том, что вопрос отбора материала имеет очень важное значение в практической работе и при составлении пособий. Симпозиум мобилизовал всех нас на еще более активную работу в области преподавания русского языка на лингвострановедческой основе».

Участник симпозиума Л. Горалик (Чехословакия) обратил внимание на то, что «симпозиум в Воронеже показал дальнейшие возможности в теоретической разработке и в дидактико-методическом применении страноведческих компонентов в преподавании русского языка как иностранного. Симпозиум подтвердил, что

уровень этого преподавания повысился благодаря лингвострановедческому аспекту, внедрение которого в практику представляется не только полезным, но и необходимым. Учитывая все это, можно сказать, что лингвострановедческий симпозиум в Воронеже выполнил намеченные им задачи и стал событием в жизни для каждого зарубежного гостя».

Подводя итоги работы на заключительном пленарном заседании, участники симпозиума единодушно отметили его высокий научный уровень и большой вклад в развитие лингвострановедения, а также в подготовку V Конгресса МАПРЯЛ.

И. Б. ЕСЬКОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В телепередаче „Клуб кинопутешествий“ часто говорят об аборигенах. А что означает слово *абориген*, откуда оно к нам пришло?» — интересуется А. С. Коротков (Раменское).

Аборигенами называют коренных, исконных жителей какой-нибудь страны или местности. В биологии — это растения и животные, которые возникли в процессе эволюции в какой-нибудь местности и поныне в ней обитают.

Поскольку уже в самом слове *абориген* есть значение «местный, коренной» (латинское *ab origine* «от начала»), избыточны и неправильны словосочетания *коренной абориген*, *местный абориген* и т. п. В литературной речи они расцениваются как тавтологические.

Феофан Прокопович родился 8(18) июня 1681 года в Киеве в семье мелкого торговца (светское имя его было Елеазар). Он блестяще окончил Киево-Могилянскую академию, а затем для продолжения образования поехал в Рим.

В Риме Прокопович серьезно занимался философией, физикой, астрономией и математикой, читал классических и новых поэтов, увлеченно знакомился с живописью и архитектурой. Возвращаясь в 1704 году из Рима в Киев, он побывал в европейских странах, где познакомился с виднейшими учеными того времени. Пребывание в Риме сыграло значительную роль в формировании мировоззрения Прокоповича. Резко критически относился он к схоластике и догматизму католицизма, знакомство с фанатизмом иезуитов вызвало у него неприятие всякого религиозного фанатизма. Вместе с тем в нем крепло убеждение в необходимости просвещения, вера в «свет» науки и культуры.

В Киеве он постригся в православное монашество, получив имя Феофан, и начал свою преподавательскую деятельность при Киево-Могилянской академии. Феофан Прокопович преподавал здесь поэтику, риторiku, богословие, а также физику, арифметику, геометрию — науки, новые для академической программы. Ученики с необыкновенным усердием записывали его лекции, отличавшиеся ясностью изложения, конкретностью мыслей. Прокопович выступал против модных в то время искусственности и вычурности в риторике, стихотворных ухищрений в поэзии. Основными достоинствами он считал естественность, здравый смысл в поэзии, простоту, содержательность в риторике.

К 300-летию со дня рождения

Феофан Прокопович — крупнейший деятель литературы и культуры Петровской эпохи, один из наиболее просвещенных и свободомыслящих ее представителей. Видный церковник, он при этом был сторонником прогресса во всех областях российской жизни, без колебаний встал в поддержку реформаторской деятельности Петра I, помог ему сломить сопротивление церкви и подчинить ее государственной власти, чем вызвал ненависть в кругах православного духовенства. Всю жизнь Прокопович посвятил развитию культуры и просвещения в России.

Лекции Прокоповича по поэтике и риторике были изданы лишь после его смерти, в конце XVIII века. С курсом поэтики можно познакомиться и в современном издании, где воспроизводится латинский текст оригинала и перевод его на русский язык (см.: Феофан Прокопович. Сочинения. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961).

Интересно вступление к лекциям: оно характеризует Феофана Прокоповича как лектора и педагога нового типа, стремящегося к контакту, взаимопониманию с учениками, действующего не принуждением и страхом, а возбуждением интереса к предмету, любви к знаниям. Он пишет, что думал больше об удобстве и пользе учащихся, чем о том, чтобы раздуть свою славу множеством исписанных листов. А вот мнение Феофана о «поэтической науке»: «Так велика ее приятность и услада, когда мы применяем ее или упражняемся в ней., что не только плоды, приносимые ею, но даже и самые труды, как бы велики они ни были, представляются чрезвычайно сладостными. И я не колеблясь объявляю того, кто, трудясь для муз, тяготится трудом, не рожденным для поэзии и не достойным называться поэтом» (Феофан Прокопович. Сочинения, с. 338).

Нововведением для того времени было включение в курс риторики особого трактата об историографии. «Не просит ли помощи у красноречия наше Отечество, когда столько славных деяний его совершенно забыты», — писал Прокопович. Он высоко ценил достижения науки, признавал систему Коперника, учение Галилея. Смелым для церковника было посвященное Галилею латинское стихотворение, обращенное к папе: «Зачем ты мучишь, о, нечестивый

папа, усердного служителя природы? Чем, о, жестокий тиран, заслужил этот старец такую участь?.. Его земля истинная, твоя же ложная, его звезды создал бог, а твои — обман».

Независимость взглядов, ориентация на европейскую науку, активная общественная позиция привели Прокоповича в лагерь Петра. В 1715-м году он был вызван Петром в Петербург, а в 1718-м посвящен в епископы. Прокопович становится активным помощником Петра в церковных и государственных делах. В обоснование отмены единоличной патриаршей власти он подготавливает «Духовный регламент» — устав «Духовной коллегии», или Синода, учрежденного Петром в 1721 году.

Жизнь Прокоповича осложнилась после смерти Петра I, когда усилились нападки на Феофана со стороны идейных противников. «Мое положение было так стеснено, что я думал, что все уже для меня копчено... Казалось, я находился уже в царстве молчания», — писал он в одном из писем 1727 года. Однако, участвуя в опасной политической борьбе, Феофан вновь добился укрепления своего влияния в царствование Анны Иоанновны. Он объединяет вокруг себя наиболее талантливых и передовых людей того времени, таких, как Кантемир и Татищев, убежденных в необходимости продолжения дела Петра, распространения культуры и науки. Они образуют «ученую дружину», о которой, к сожалению, до нас дошло очень мало сведений. По-видимому, это было одно из первых общественно-политических объединений просвещенных русских людей. «Дружина» отстаивала идею «реформаторского абсолютизма», выдвинутую прежде всего Прокоповичем.

Основной жанр литературной деятельности Феофана Прокоповича — его ораторские произведения, проповеди, содержание которых было подчинено поддержке реформаторской деятельности Петра и защите его идей. Проповеди Феофана никогда не ограничивались религиозной тематикой, они были подлинно государственными, исторически злободневными, имели значительное влияние на политическую жизнь того времени. Интересна с этой точки зрения одна из первых проповедей, посвященная Полтавской битве, — «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе». Она была произнесена Феофаном в 1709-м году в присутствии Петра и понравилась ему. В Слове этом, лишенном риторической шумихи, обычного нагромождения эпитетов, мысли выражались конкретно и выразительно. Так, об измене Мазепы Феофан сказал: «Лжет бо, сыном себя российским нарицая, враг сий и ляхолюбец».

Одними из самых значительных проповедей Феофана были «Слово похвальное о флоте российском», «Слово о власти и чести

царской», произнесенное в связи с судом над царевичем Алексеем, а также «Слово о состоявшемся между империею Российскою и Короною Шведскою мире», в которой он писал: «А мир весь ясно видел, как парод российский, когда весьма ему исчезнути мнози провещали, возрастал высоко и аки бы подымался — от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу». Все эти проповеди проникнуты патриотизмом, исторической дальновидностью, желанием сохранить силу и могущество России.

Проповеди Феофана и по своему языку были значительным и новым для того времени явлением. Основное их достоинство хорошо охарактеризовал Сумароков: «Многие говорили о архиепископе Феофане, что проповеди его не очень хороши, потому что они просты; что похвальней естественныя простоты, искусством очищенной?..».

Большой интерес представляют и публицистические произведения Феофана. Одним из самых значительных был трактат «Правда воли монаршей», в котором он оправдывал суд над царевичем Алексеем, обличал ревнителей старины. «Разумный есть и человек и народ, который не стыдился перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чужого же и доброго принять не хочет», — писал он.

Интересен язык публицистической прозы Феофана Прокоповича. Для людей XVIII века Прокопович — первый преобразователь русского литературного языка, один из тех писателей, которые, объединив достоинства «славянского» и русского языка, «очистив его от гречества, латинства и всего ему не свойственного, произвели способное и богатое слово». Таково мнение литератора второй половины XVIII века Ф. Г. Карина. В своем письме «О преобразителях российского языка», напечатанном в Москве в 1778-м году и представляющем собой по существу один из первых литературно-критических опытов, он писал, что Феофан Прокопович «первый стошел от первообразности славянского языка и для того ввел употребительное наречие, дабы быть для каждого вразумительну» (см.: Сайтов В. И. Федор Григорьевич Карин. СПб., 1893).

Прокопович много сделал для сближения книжного, литературного языка с живым современным ему языком. Он значительно упростил синтаксис, отказавшись от сложных витиеватых оборотов, постепенно перестал употреблять архаические глагольные формы имперфекта и аориста, формы склонения, чуждые живому языку, широко использовал просторечие.

Стремление к простоте и ясности языковых средств в ораторской и публицистической прозе соответствовало и требованиям Петра I, видевшего настоятельную необходимость создания понятного общегосударственного языка на основе его демократизации.

Но изменения в литературном языке происходили медленно и трудно. Подтверждением этому служит язык прозы Прокоповича, представляющий собой сложное соединение самых разнородных элементов, в том числе и старославянских, от которых он не мог отказаться полностью. Вот характерный пример из «Духовного регламента»: «Не надобно проповеднику шататься вельми, будто в судне гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упираться, смеяться, да нечадобе и рыдать, но хотя бы и возмутился дух, чадобе елико мощно унимать слезы. Вся бо сия лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущают». Прокопович широко использует и западноевропейские лексические заимствования, новые для русского языка: эмблема, трофеи [трофеи], генерально (сказать), мастерство, аммуниция, викториа, регуламент, диктатор, навигадиа, архитектура.

Будучи прекрасным лектором и много занимаясь преподаванием ораторского искусства, Феофан стремился к большей свободе публичной речи. Отказываясь от господствовавших в церковной риторике классификаций ораторской речи (слог — «цветущий», «остроумный», «удивительный» и мн. др.), Прокопович оперировал тремя основными разновидностями стиля — высоким, средним и низким. Однако он не стремился к их строгому разграничению (по различным жанрам литературных произведений), а пользовался элементами всех стилей, прежде всего просторечными. Эта особенность определялась своеобразием содержания его произведений. Для прозы Прокоповича было характерно сочетание торжественно-панегирических и резко сатирических тем. В этом многие современники видели недостатки стиля. Однако благодаря этой особенности произведения Прокоповича положили начало и сатирам Кантемира, и героико-патриотической теме в русской поэзии XVIII века.

Поглощенный политической борьбой, Феофан редко находил время для собственно литературной работы и занимался ею для себя, не думая о печатании. Невелико по объему, но очень значительно драматическое и поэтическое наследие Прокоповича. Уже первый его литературный опыт — трагедокомедия «Владимир» — заслуженно считается лучшим произведением в жанре «школьной» драмы, которые ставились в учебных заведениях в просветительских и воспитательных целях. Пьеса была написана, так сказать, по долгу службы преподавателя Киевской академии и разыграна студентами в 1705 году. В произведении использован конкретный исторический сюжет — принятие христианства на Руси. В хвалебных тонах дан образ князя — реформатора, сатирически изображены противники Владимира — невежественные, жадные, распутные

жрецы. Новым здесь было широкое использование комических обличительных элементов, которые пронизывали всю пьесу и смело сочетались с серьезными хвалебными темами. Трагедокомедия «Владимир» имела глубоко общественный и злободневный характер, а выведенные в ней жрецы очень напоминали консервативных церковников, поборников старины, обличаемых в проповедях Феофана.

Немногочисленны, но очень разнообразны по содержанию стихотворения Прокоповича, искренние и эмоциональные, утверждавшие в поэзии светскую, гражданскую тематику. В них мы находим и отклики на важные исторические события, например: строительство Ладожского канала, битва на реке Прут. Первое из известных стихотворений Феофана (и единственное напечатанное при его жизни) — «Епиникιον» (по-гречески «победная песнь») — посвящено Полтавской победе, прославлению Петра I; интересно оно и тем, что давало первое в новой русской поэзии описание боя.

Стихотворным приветствием встретил Прокопович и появление первой сатиры Антиоха Кантемира, тогда еще молодого и неизвестного поэта:

Не знаю, кто ты, пророче рогатий,
знаю, коликой достоин ты славы.

Некоторые стихотворения Прокоповича — грустные, шуточные или ироничные — очень личны по содержанию: «К лихорадке в лихорадке», которая его мучила, или «Благодарение от служителей домовых за солод нововымышленный домовому эконому Герасиму». Интересна эпитафия другу, по-видимому, веселому и насмешливому человеку; кончается она так:

Позван же в небесны горы,
еще смешные начал ругать наши здоры.
А мы плачем о тебе горко, неутешно,
что на тебе нашла смерть так рано, так спешно.
Да ты стал и на сие смехотворно врать,
и мы ж уже по тебе перестаем плакать.

Полно глубокой печали стихотворение «Плачет пастушок в горьком ненастье», аллегорически рисующее переживания автора в тяжелый для него период после смерти Петра I:

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно,—
все ненастье.

Нет и надежды. О многобедно
мое щастье!

Прокопович добивается значительной легкости и выразительности стиха, заметно опередив в этом своих предшественников. Современники высоко оценили эту особенность его поэзии. Известен восторженный отзыв В. К. Тредиаковского об оде Прокоповича «К Петру Второму». А Кантемир, сравнивая Феофана с другими поэтами его времени (трудно точно утверждать, кого из поэтов имел он в виду под именами Сенька и Федька), писал:

Сенька и Федька когда песнь пели,
Пред тобою
Как намазаны двери скрипели
Ветчиною...

[стихи Сеньки и Федьки, в сравнении с твоими, скрипят, как двери, не смазанные салом].

Недаром стихи Прокоповича — «Плачет пастушок...», «За Могилою Рябою», «Что мне делать...» — были положены на музыку анонимными музыкантами и в качестве песен широко распространились в демократической среде.

Достоинством стиха Прокоповича было и разнообразие формы. Он сумел обновить силлабическое стихосложение, применявшееся в то время в книжной русской поэзии, усилил ритмику стиха, использовал новые и выразительные рифмы. В его стихотворениях встречается самое различное количество слогов в строке, а классический тринадцатисложный силлабический стих он использовал преимущественно в героической поэзии (так написан «Епиникион»).

Феофан Прокопович впервые ввел в русскую поэзию октаву, следуя образцам поэзии Торквато Тассо, одного из самых любимых своих поэтов (октавами написано обращение Феофана к Кантемиру и стихотворение «О Ладожском канале»). Он оживил забытое тоническое стихосложение, свойственное русской народной поэзии. Можно сказать, что «Плачет пастушок...» написано тоническим стихом на силлабической основе. Тонические элементы есть и в стихотворении «Прочь уступай, прочь».

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Солнце всходит,
Свет воводит,
Радость родит.

Встречаются в поэзии Прокоповича и зачатки силлабо-тонического стихосложения, распространившегося в более поздней рус-

ской поэзии, начиная с Ломоносова. Элементы хорей заметны в стихотворениях «За Могилою Рябою» и «Запорожец кающийся».

Что мне делать, я не знаю,
А безвестно погибаю:
Забриол в лесы непроходны,
В страны гладны и безводны...

Запорожец кающийся

Многие стихотворения Прокоповича отличаются простотой и разговорностью языка. Он смело вводил в поэзию бытовую лексику: *плюнь* на их грозы, злость *дураков*, *вракать*, *здоры*. Элементы народной речи широко использованы в стихотворении «Благодарение от служителей домовых...». Здесь и просторечные слова — *шалыги*, *ярыги*, и характерные для разговорной речи суффиксальные образования — *хлебец*, *обиходец*, *питейцо*, *пивце*, *бородушка*, *солодушка*, *где-сь*. Интересно это стихотворение и попыткой индивидуализации языка изображаемых в нем лиц: по-разному говорят Илья-интендант, учитель Федорович, казак, дети.

Более традиционен язык торжественной, официальной поэзии Прокоповича, в которой широко представлены церковнославянизмы (глагольные формы аориста и имперфекта, архаические формы склонения), а также украинизмы, так характерные для литературного языка XVII века. Вот типичные примеры из «Епиникиона»: церковнославянизмы — *победихом*, *бъше*, *рече*, *прославися*, *мняху*, *победил еси*, *под нозе*, *градове*, *своима очима*, *златый*, *всуе*; украинизмы — *зменник*, *зменнический*, *требе*, *користи*. Правда, в более поздних стихотворениях Прокоповича количество церковнославянизмов резко уменьшается.

Труды Феофана Прокоповича занимают очень заметное место в истории русской словесности, велика его роль в историческом процессе становления русского литературного языка. Прокопович был не только выдающимся для своего времени поэтом, публицистом, оратором, но и обогатил разрабатываемые им жанры новыми языковыми средствами. По словам Н. И. Новикова, Феофан Прокопович был «первым из наилучших наших писателей, который многообразным учением столь себя прославил, что в ученой истории заслужил место между славнейшими писателями».

Л. Е. ЛОПАТИНА

Рисунок В. С. Комарова

Древнейший период русской литературы во многом связан с деятельностью Киево-Печерского монастыря. На рубеже XI—XII веков в стенах его были созданы главные летописи Киевского государства, в том числе и основная редакция «Повести временных лет», составителем которой был игумен этого монастыря Нестор-летописец. К этому времени он уже приобрел известность как автор «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского».

«Житие Феодосия Печерского», написанное около 1088 года, одно из первых оригинальных русских сочинений агиографического жанра. Как и другие произведения древнерусской литературы, жития имеют ярко выраженный публицистический характер и неразрывно связаны с историей Киевского государства, с его борьбой против настойчивого стремления Византии влиять на политику русских князей через христианскую церковь. Русские церковники при великокняжеской поддержке неоднократно выступали против засилья греческого духовенства в церковной иерархии. Наличие собственных «святых» должно было служить бесспорным доказательством зрелости и самостоятельности отечественной церкви, а следовательно, и русского государства. Так, уже Ярослав Мудрый поднимает вопрос о канонизации (причислении к лику «святых») первых русских христиан — княгини Ольги, варягов-мучеников, князей Бориса и Глеба, а позднее и Владимира-крестителя. С этой целью и составляются повести о крещении и кончине Ольги, о крещении Руси Владимиром, об убийстве Бориса и Глеба. Более того, Ярослав Мудрый впервые ставит митрополитом не грека, а «русина» Илариона, некоторое время возглавлявшего русскую церковь.

Феодосий Печерский — известный церковно-политический деятель середины XI века, автор ряда сохранившихся посланий и поучений о христианской вере, а также упомянутых в житии «епистолий» (посланий) к князю Святославу Ярославичу, в которых он резко осуждает княжеские междоусобицы. Канонизация Феодосия, во время игуменства которого скромная обитель в «пещерах» над Днепром превратилась в первый на Руси монастырь, утвердила бы позиции Киево-Печерского монастыря как ведущего христианского

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

центра русского государства в противовес Киевской митрополичьей кафедре, которую занимал митрополит-грек. В ожидании этой канонизации и создается «Житие Феодосия Печерского».

Агиографический жанр на Руси развивался на основе греко-византийских образцов, как жанр со сложившимися устойчивыми традициями. Русский книжник имел в своем распоряжении отдельные переводные жития и сборники житий «Патерики» или «Отечники», которые оказывали влияние и на сюжетное построение, и на литературные приемы оригинальных произведений. Нестор, по собственному признанию, пишет так, «яко же пишеться в отеческих книгах».

Традиционность ярче всего проявляется в сюжетном построении. Житие начинается со вступления в форме молитвы автора, «недостойнаго съповѣдателя», в которой он выражает надежду на божественную помощь в составлении жития. Затем следует рассказ о рождении «блаженаго детища» от родителей «всяческими благочестиями украшеннаго», о детстве «святааго сего отрока», который рос «послушая божественных книг», а к детям играющим «не приближашеся», об уходе его из дому и пострижении в монастырь. Далее житие рассказывает о «подвигах святого», которые заслужили ему славу и почитание современников и должны стать причиной канонизации после смерти. В конце жития автор говорит о своем «дерзновении» написать «доброе и чистое житие» и заканчивает повествование словами благодарственной молитвы.

Однако содержание жития целиком не укладывается в схематические житийные рамки. Нестор рассказывает об основании монастыря, о его «устроении» при Феодосии, о быте «печерников» и

их взаимоотношениях с киевскими князьями, о позиции монастыря во время городских восстаний 1068 и 1073 годов. Наличие реальной исторической основы, на фоне которой прославляются христианские добродетели и подвижнические деяния Феодосия, описываются чудеса, совершенные по его молитвам, обусловило появление двух отличных, но взаимопроникающих и переплетающихся стилистических пластов повествования: традиционного торжественно-риторического, который создается по византийским книжным образцам, и конкретно-описательного, основанного на непосредственных жизненных наблюдениях автора, на реальном историческом материале. Причем автор сознательно избирает тот или иной способ повествования, хорошо представляя себе возможности книжной речи. Рисуя образ Феодосия, он традиционно пишет: «И бысть въдовицам заступник, и сирым помощник, и убогим заступник», и тут же добавляет: «И съпроста рещи, вся приходящаа уча и утѣшая, отпущааще».

Выбор способа повествования зависит не только от предмета изображения, но и от отношения к нему автора. Для Нестора с его религиозным мировоззрением реальны и чудеса, вот почему «отрок», приносящий «гривну золота», церковь, висящая в воздухе, явление иконы боярину Климентию и другие чудеса изображены в конкретно-описательной манере. В эти эпизоды легко проникают приметы русского быта: *сусек, деревяное масло, льняное семя, кунь, гривна* и т. п.

Автор постоянно присутствует в повествовании, настойчиво убеждая читателя не только художественными средствами, но и прямым обращением, — в правдивости и важности изображаемого: «Послушайте, братие, с всякъмъ прилежаниемъ, испълнь бо есть пользы слово се». Каждый эпизод жития опровергается ссылкой на источник сведений, на свидетеля событий, ведь только правдивый, почти документальный рассказ мог служить достаточным обоснованием для канонизации: «Се же житие блаженааго отца нашего Феодосия мати же его съповѣда единому от братия именемъ Феодору... Азь же от него вся си слышавъ» и т. п. В том, что изображаемое «истинна есть», автор убеждает и примерами из современной ему действительности: «И донынѣ остров тот зовом есть... боляров».

Главное богатство словесной ткани произведения — это литературно-художественные средства, составляющие его основу. Заметно концентрируясь в торжественно-риторическом контексте (лохвалах и проповедях), они переходят и в событийную часть повествования, претерпевая некоторые изменения.

Наиболее употребительна метафора, сближающая отдельные понятия по сходству или по контрасту. В основании преобладаю-

щего числа метафор лежит символ книжно-библейского происхождения. Так, в соответствии с евангельской традицией, новое христианское учение осмысливается как «свет», разгоняющий «тьму» язычества, а его распространители — как источники света.

Как правило, Нестор расширявает метафору, то есть дает ее в форме метафорического сравнения. «И бѣ видѣти свѣтила три суца въ пещерьъ, разгоняща тьму бѣсовскую молитвою и алканиемъ, мѣню же преподобнаго Антония и блаженаго Феодосия, и великаго Никона». Метафорические сравнения в житии, как и метафоры, часто строятся на сопоставлении отвлеченного понятия и предмета материального мира: «И оттолѣ часто приходяще къ нему и духовнаго того брашна насыщаея паче меду и съта. Се же суть словеса блаженнаго». Как видим, духовная пища ставится автором выше меда и сыты — медового напитка. Метафоры и метафорические сравнения являются отличительной чертой торжественно-риторического контекста.

Сравнения, основанные на непосредственных жизненных наблюдениях, характерны для конкретно-описательного повествования: Феодосий «изволи быти, яко единъ от убогихъ», мать Феодосия «бѣ бо и тѣльмъ крѣпка и сильна, яко же и мужъ», «пламень тѣ являше ся... яко дуга стоя единѣмъ коньцьмъ на върху церковньмъ, таче и другыимъ на нареченѣмъ мѣстѣ».

В повествовательном же контексте встречается прием реализации метафоры, когда метафорическое выражение дается в прямом смысле, теряет образность. Так, сравнение христианского учения со светом «овеществляется» в видениях, очевидцами которых якобы были миряне: «Разбойници... видѣша свѣт причюднъ в церкви сущъ», «игумену... Софронию... ѣдущю бо ему в монастырь свои, нощи же суци, тѣмъ же и се видѣ свѣт над монастырьмъ», «благовѣрныи же князь Святослав... видѣ стълъп огнь до небесе сущъ над монастырьмъ тѣмъ».

Житийные эпитеты, или художественные определения, преимущественно метафоричны, традиционны, имеют постоянный характер и не прикреплены к определенному стилистическому контексту: «честная братия», «духовные словеса», «светлый отрок», «чистое житие» и т. п. Встречаются и составные эпитеты: «брат, лъкѣмъ (т. е. легкий) сердцьмъ и тепл на любовьъ божию».

Перифразы, заменяющие название предмета или человека указанием на его характерный признак, так же как и большинство эпитетов жития, имеют традиционный, постоянный характер и распространяются по тексту равномерно, вне зависимости от стилистического окружения. Таковы «небесный владыка», «вселукавый враг», «золодѣй враг», «змий лукавый», «пронырливыи», «супостатная рать» и т. д. В своеобразный перифраз превращаются постоянные

эпитеты, отрываясь от определяемого персонажа: «святыи», «преподобный», «блаженный» Феодосий, «христолюбець», «христолюбивый» князь Изяслав, «благыи», «благоверныи» князь Святослав.

Стилевое своеобразие жития характеризуется и наличием синтаксических фигур, распределение которых по стилистическим пластам в значительной мере обуславливает различие последних.

Так, Нестор неоднократно прерывает повествование риторическими вопросами и восклицаниями: «Къто исновѣсть милосердие божие?», «Кто же възможесть по достоянию его похвалити?». Насыщена риторическими вопросами и прямая речь Феодосия, что придает ей характер проповеди: «Како же мы убъжим муки бесконьчъныи, коньчавающе время жития сего в лѣности, а не имуще покаяния?».

Речь Феодосия возвышается до проповеди также благодаря анафорам (одинаковое начало фраз) и повторам: «Покаяние бо есть путь, приводя к царству. Покаяние есть ключь цесарствия... Покаяние есть путь, въводя в породу».

Средством «украшения» текста служат анноминации (пары однокоренных слов): «О утаения таино!», «прозорчъвыма очима прозря».

Любимый прием Нестора — употребление синонимов и параллельных конструкций, которые, вместе с повторами, ритмически организуют текст, делают его легко произносимым вслух. Синонимы встречаются в проповедях Феодосия: «Сих [грехов], братие, уклонимъся, сих възгнушаемъся, не осквърнавыи си душа своея». Но еще больше синонимов, особенно парных, встречается в повествовательном контексте: «Они же [разбойники], видѣвъше чюдо се, ужасошася и трепетьни бывше возвратишася». Часто ритмичность достигается включением отрицаний, которые соединяются с антитезой (противопоставлением контрастных качеств или действий): «Всякому же хотящю быти чьрноризьну и приходящему к нему, не отрѣваше ни убога, ни богата, нъ вся приимаше съ всякымъ усърдиемъ».

Заметную черту словесной ткани жития составляют афористические выражения. Это обычно мораль, вывод, заключающий тот или иной эпизод. Иногда такой вывод из происшедшего делает сам Феодосий: «Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать нас бог оставити, аще надѣемъся на нъ въсѣмь сердцьемъ». Но чаще вывод звучит в авторской речи: «Аще чьто утаим от него [игумена], нъ от бога нѣсть потаено ничьто же».

Как памятник христианской литературы, житие написано на церковнославянском языке (старославянском по происхождению). Восточнославянские черты проявляются в ряде постоянных лексических замен, например, *неделя* вместо *седмица*, *целовати* вместо

лобызати; в склонении слова *тело* без наращения (*тела, телу* вместо *телесе, телеси*); в почти регулярном употреблении *ь* вместо *ъ* в окончаниях 3-его лица («мнози приидуть», «да нарекуть»).

Немногочисленные восточнославянские фонетические варианты, употребляемые наряду со старославянскими, способствуют разграничению стилистических пластов внутри повествования. Они встречаются почти исключительно в конкретно-описательном контексте и заметно тяготеют к прямой речи (чаще оформленной как несобственно-прямая). Это полногласные варианты: «ворота», «възворотися», «из молада», «оболочашети», «опворотихъ» (перевернул), «порозьднъ» (празден) и др.; *ж* на месте *жд*: «да вижю», «одежа»; *ч* на месте *щ*: «печера», «въдаваюче». В восточнославянской огласовке даны русские географические названия: «градъ Володимеръ», «Володимерьска оболость». Употребление восточнославянизмов в соответствии с объектом изображения, возможно, служит доказательством того, что они принадлежат самому Нестору, а не позднему переписчику; автор сознательно или бессознательно включал их в изображение привычных явлений и ситуаций, и, следовательно, язык жития может рассматриваться как отражение определенного этапа развития русского литературного языка.

Создавая «Житие Феодосия Печерского», Нестор ориентировался на литературные нормы агиографического жанра и широко использовал традиционные риторические приемы, творчески преобразуя их в языке памятника в соответствии с авторскими задачами и характером изображаемой действительности.

Г. В. ВОСТОКОВА

Рисунок В. В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В одном из номеров русской газеты, издаваемой по приказу Петра I, писалось: „Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона. Слон тот благополучно прибыл в Астрахань. Корму ему на день приходится по 40 калачей, а питье по два ведра *чихирю* астраханского“. Что означает слово *чихирь*?».

Оля Васильева, Калининград

В 4-томном «Словаре русского языка» сказано: «*Чихирь*, л. м. Кавказское красное неперебродившее вино домашнего приготовления».

Письмо, что грамоткой
простой народ зовет,
С отсутствующими обычю
речь ведет...

А. Сумароков

”За СММ

Зачины и концовки писем
в XVII—XVIII вв.

В наше время написание частного письма особой выучки от нас не требует. Мы можем начать его как угодно: со слов *здравствуй(те)* и обращения по имени или имени и отчеству, или же просто одним обращением, сопровождаемым словами *уважаемый (уважаемая)*, *дорогой* и так далее. Все зависит от характера наших отношений с адресатом, от цели письма, от принятых в той или иной среде норм этикета.

В старину же составление письма регламентировалось определенными правилами, традицией. Существовали даже специальные руководства — письмовники, с помощью которых наши предки овладевали подчас нелегким искусством писать эпистолы (отсюда и эпистолярный), или «грамотки». Особое значение придавалось их зачинам и концовкам. «Именно в этих частях,— отмечает Н. П. Панкратова,— наиболее ярко отражена закрепленная в письмовниках эпистолярная традиция» (Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963). Они интересны и тем, что зачастую содержат в себе те слова, которыми мы обмениваемся сейчас при встрече и расставании (*здравствуй, здорово, здоров, будь здоров* и т. д.). Прежде они выполняли иные функции и редко выступали самостоятельно, без сопровождения других слов.

Старинные письма в их образцовом, «классическом» виде четко разделяются на три части — зачин, «деловую» часть и заключение. Первая из них, в свою очередь, может состоять из нескольких самостоятельных формул и сообщений. Рассмотрим для примера, как построено письмо, адресованное В. В. Голицыну его женой Евдокией Ивановной. Начинается оно со слов: «Государю моему князю Василию Васильевичу женишко твоя Дунка челом бьет»

ТАКИ ЗДРАВСТВУЙ!»

(обратите внимание на частые в подобных случаях формы самоуничужения). Далее идет традиционное пожелание здоровья: «Здравствуй, государь мой, на многие лета». Здесь *здравствуй* еще не наше приветствие, оно осмысливалось только как пожелание здоровья и благополучия. Далее — просьба: «Прикажи, государь мой, писать о своем многолетнем здоровье...» И тут же оговорка: «А изволишь, государь, ведать про государнию мою матушку княгиню Татьяну Ивановну и про государя батюшка Ивана Федоровича [тещу и тестя Голицына] и про Алешенку и про Оринушку [детей его] и про меня, государь мой, изволишь памятовать, и мы июля в 29 день все, дал бог, здоровы...» (дата написания «грамотки»; указание на нее при сообщении о собственном здоровье и здоровье близких — обычная черта писем, относящихся к этому времени). Затем следует «деловая» часть грамотки, содержащая какую-либо просьбу, новость, ответ и т. д. В нашем примере просьба заключается в том, чтобы царь помолился, дабы ей «женишке Дуньке», «здорово родить» и с ним «в радости видитца», а также сообщение, что стольник Головин женился. Конец письма: «Потом тебе, государю своему, много множество челом бью» (Временник Московского Общества истории и древностей российских. М., 1851).

Деловая часть писем могла быть весьма обширной, а зачин преднамеренно свернут. Так, в письме царя Алексея Михайловича из Калязина от 11 июля 1650 года при полном отсутствии здравицы очень своеобразно сокращена (до двух слов) та часть зачина, где спрашивается о здоровье адресата (она выделена нами курсивом): «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стольнику нашему Афанасию Ивановичу Матюшкину. По здо-

рово ль...» После этих слов сразу же начинается обширная деловая часть, посвященная соколиной охоте: «...за то спасибо, что птицами вопче промышляете с Васильем, а робят держите в руках, чтоб перед вами были вежливы...» и т. д. (Собрание писем царя Алексея Михайловича... М., 1856).

Встречаются письма без здравий, но с пожеланием получить известие о здоровье адресата, чтобы после этого писавшему «радосну быти».

В конце и, реже, в зачинах писем нередко употреблялось выражение *целом бити* как одна из общепринятых формул приветствия.

Вниманпе привлекают разнообразные здравицы в эпистолярных зачинах и концовках этого времени. Вот некоторые их образцы: «Буди, государь мой, здоров на многия лета»; «Милостивый мой государь приятель Давила Иванович, здравствуй на веки!»; «Подай тебе, государю моему, многолетно здравствовать во всяком благом пребывании»; «здравствуй со всем своим праведным домом»; «Да здравствуй, государыня моя сестрица...» и другие.

Как видно из примеров, личные формы глагола *здравствовать* «быть здоровым» в письмах конца XVII — начала XVIII веков зачастую выступали в сопровождении других слов. Одиночное употребление этих форм — явление еще весьма редкое для данного периода. «Да здравствуй!» — так заканчивает в 1655 году свое письмо к стольнику А. И. Матюшкину царь Алексей Михайлович (Собрание писем царя Алексея Михайловича...). Это, пожалуй, один из самых ранних случаев одиночного употребления этого глагола в роли здравицы. Здесь интересна и церковнославянская по своему происхождению форма повелительного наклонения с частицей *да*, которая в наше время сочетается только с формой третьего лица этого глагола в пожелании успеха и процветания (*да здравствуете.., да здравствуют...*). Близка к рассмотренному примеру и шутивная концовка в другом письме Алексея Михайловича другу его детства А. И. Матюшкину: «А потом здравствуй и не унывай, и нас не забывай!».

*

В первой половине XVIII века *здравствуй(те)* постепенно утрачивает длинный «хвост» сопровождавших его слов. Появляются такие зачины, как, например, в письме Т. Стрешнева А. Меншикову: «Государь мой Александр Данилович, здравствуй», хотя в иных письмах Т. Стрешнева к этому же адресату продолжают удерживаться старые виды здравий. Сравните еще: «Василей Тимофеевич, Иван Михайлович, Михайло Иванович, здравствуйте» — это начало

письма Ф. А. Головина к дьякам Посольского приказа, 1704 год. «Тетка и matka, здравствуйте!», «Matka, здравствуй!», «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» — так начинаются письма Петра I к своей жене, датированные 1708, 1709 и 1711 годами. Аналогичны и их концы: «За сим здравствуй! Петр», «За сим паки здравствуй» и т. д. (Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. М., 1861).

*

Во второй половине XVIII века слово *здравствуй(те)* уже закрепляется в языке как приветствие. Очень показательны в этом отношении недавно вышедшие отдельной книгой «Письма русских писателей XVIII в.» (Л., 1980). Интересно, что только М. Н. Муравьев (1757—1807), отец двух будущих декабристов, в своих «граммотках» (первая часть которых, как правило, адресована отцу, а вторая — сестре) продолжает следовать старой эпистолярной традиции, да и то непоследовательно: «Матушка сестрица, Федосья Никитишна, желаю тебе от всего сердца, чтоб ты была здорова и довольна собою и мною»; «Матушка сестрица, желаю здравствовать» — начало письма 1777 года; «Будь здорова и довольна» — в заключительной части письма, написанного в том же году и т. д. В конце некоторых писем мы находим характерные для М. Н. Муравьева приписки, обращенные к родственнице, жившей в его семье в качестве «компаньонки» его сестры Федосии Никитичны: «Матушка Татьяна Петровна, здравствуй» или «Татьяна Петровна, здравствуй». Одна подобная приписка в конце письма 1777 года адресована и сестре.

Подавляющее большинство писем, собранных в данной книге и принадлежащих другим русским писателям, начинается со слов «милостивый государь», «всемилодивейшая государыня» или с обращения по имени и отчеству.

Письмо И. И. Дмитриева к В. А. Жуковскому (август 1835 г.) начинается так: «Здравствуйте, любезнейший Василий Андреевич». Подобное обращение хорошо показывает ту роль, которую стала играть эта глагольная форма в эпистолярных текстах нового времени.

Письма без традиционной здравицы были нетипичны для грамоток XVII — начала XVIII веков. Здравницы (равно как и вопросы о состоянии здоровья адресата) являлись настолько обязательной частью писем, что их, как мы видим из примеров, нередко повторяли и в конце. В отдельных случаях они появляются в эпистолярных текстах и трижды, как, например, в письме Алексея Ми-

хайловича, посланном в 1655 году из Вязьмы членам своей семьи.

Встречаются письма, состоящие только из одного пожелания здоровья, просьбы к адресату сообщить о своем здоровье, иногда к ним добавляются скудные сведения о себе. Таковы, например, четыре письма царевича Алексея, написанные им в 1703—1709 годах, приведем их полностью: «Дарья и Варвара Михайловны, здравствуйте! Alexei»; «Дарья и Варвара Михайловны, здравствуйте! Я жив, Alexei»; «Катерина Алексеевна, Анисья Кирилловна, здравствуйте!»; «Катерина Алексеевна, здравствуйте!» (Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Федоровны. М., 1862). Мы бы очень удивились, получив подобное письмо, на первый взгляд, не содержащее никаких сведений. Однако в начале XVIII века такая эпистола являлась свидетельством особого расположения ее автора к лицам, которым тот адресует свои пожелания.

*

Пожелать кому-либо здоровья, провозгласить здравицу, спросить о состоянии здоровья или сообщить о своем — все это было одним из принятых требований этикета. Тому мы находим немало свидетельств в памятниках письменности. Вот как, например, описана встреча псковичей с приехавшим к ним великим князем Василием Ивановичем: «а псковичи стретоша [встретили] его за три версты от града; удариша псковичи государю своему в землю челом, и государь спросил у них здоровья, и псковичи ему молвили: ты бы, государь наш, здрав был» (Псковские летописи. М., 1955).

Пожелания здоровья и вопросы о состоянии здоровья входили в свадебный обряд, как это видно из «Домостроя», памятника XVI века: «И входит ту свекор с бояры... и сына своего целует и здоровает... да невестку свою... здоровает... и все здоровают», «да потом ходят к тещи, и теща спрашивает о здоровье» и т. д. Интересно, что здоровались раньше и при завершении какого-нибудь важного дела, например, после составления брачного договора, когда «по чину свадьбы учинити невозможно»: «и написав рядные и зарядные, меж себя здороваются».

В наставлениях Петра I о том, как обращаться с находящейся в заточении в Новодевичьем монастыре царевной Софьей, специально оговорено: «Со здоровьем посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиных, а иных и баб и девок не посылать» (Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1901).

Таким образом, в живой и письменной речи этого времени в ходу были слова с корнем *-здоров-* (*-здрав-*). Поздравить чаще означало «пожелать здоровья». Сравните в «Путешествии стольника

П. А. Толстого» (1698 г.): «...все вдруг, поздравя мне, выпили и рюмки все за почтение наше побили»; «тут копящий поздравил меня от папы» (Русский архив. М., 1888). Со старым значением глагол *здравствовать* сохраняется в пословичных текстах: «На чих кошки здравствуй, зубы болеть не станут» (В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957), «На всякий (каждый) чих не наздравствуешься». Со значением «приветствовать кого-либо по случаю чего-либо радостного, приятного» в XVII — начале XVIII века глагол *здравствовать* употреблялся довольно редко. Например, в «Псковской 3-й летописи», под 1610 годом: «И зазвониша во все колоколы троицкие, и пеша молебен за царя Василия и, здравствующе друг другу, целовахуса любезно» (Псковские летописи. М., 1955). В письме царевича Алексея от 10 июля 1709 года: «Здравствуй с сею преславною викториею», то есть Полтавской победой (Письма русских государей и других особ царского семейства). Примечательно, что в приписке к этому письму Алексей в том же значении употребил глагол *поздравить*. Современный русский язык уже не знает глагола *поздравить* с общим значением «приветствовать» (не по случаю какого-нибудь события), который мы находим среди примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: «...все животные встают с солнцем, некоторые и прежде восхождения пением оное поздравляют».

*

С течением времени различные формы здравий и вопросов о здоровье собеседника, встречного или адресата, освобождаясь от дополнительного словесного окружения, превращаются в слова приветствия и прощания, которые мы употребляем сейчас. При этом когда-то тождественные по смыслу и употреблению слова *здравствуй(те)* и *будь(те) здоров(ы)* начали выполнять противоположные функции: первое стало произноситься как приветствие при встрече, а второе выражение превратилось в разговорно-просторечный синоним *до свидания*.

Итак, наблюдения над особенностями стиля и словоупотребления в документах частной переписки XVII — начала XVIII веков позволяют нам не только лучше понять нормы речевого этикета того времени, но и проследить историю тех слов, которыми мы с вами так привычно обмениваемся при встрече и расставании.

Е. С. ОТИН

Донецк

Рисунок В. Леонова

В 1733 году видный русский ученый, один из питомцев Петра Великого, И. К. Кирилов составил проект освоения юго-восточной окраины Российского государства и развития торговли со среднеазиатскими народами, а также с Индией. По проекту предусматривалась постройка на юго-восточной границе Российской империи большого города (крепости), который должен был стать впоследствии военным, торговым и административным центром. Проект И. К. Кирилова был утвержден, и его автору поручалось основание города Оренбурга и устройство всего края.

В августе 1735 года И. К. Кирилов основал крепость Оренбург на реке Урал (в прошлом Яик) в том месте, где река, сбегая с Уральских гор, круто поворачивает на запад и принимает в себя с востока степную речку Ор. Поэтому крепость получила свое название по реке Ор — *Оренбург*. Наименование реки Ор — это русифицированное тюркское слово *ор*, которое означает «рытвина, канава, место с крутыми берегами». В связи с этим напомним, что Перекоп (большой ров), который отделял Крымский полуостров от материка, в прошлом был известен также под тюркским названием *Ор*. Вторая часть наименования *Оренбург* — немецкое слово, кото-

рое переводится на русский язык как «город, крепость». Следовательно, *Оренбург* буквально означает «крепость на реке Орь». Впервые такое толкование наименования города было дано П. И. Рычковым в его книге «Топография Оренбургская» (СПб., 1762).

«Топография Оренбургская» — это выдающийся труд русского ученого, в котором обобщены многолетние личные наблюдения автора над природой, населением и хозяйственной деятельностью Оренбургского края. Подобных капитальных работ в русской и мировой географии тогда еще не было. М. В. Ломоносов, ознакомившись с книгой П. И. Рычкова, дал восторженный отзыв о ней.

*

В прошлом у многих вызывало недоумение немецкое слово *бург*, вошедшее в состав наименования города: «Среди азиатской пустыни и вдруг немецкий город Оренбург». С. Т. Аксаков по этому поводу писал: «...Оренбургская губерния!.. Дико звучат два эти последние слова! Бог знает, как и откуда зашел туда *бург*!..» (Аксаков С. Т. Семейная хроника). Появление немецкого *бург* в русских названиях связано, во-первых, с большими преобразованиями в России во времена Петра I, когда в русский язык проникли многочисленные слова из западноевропейских языков, особенно из немецкого; во-вторых, с деятельностью правителей после смерти Петра I. Оренбург был основан в царствование Анны Иоанновны, когда Россией правил любимец царицы немец Бирон. Немецкое влияние в это время усиливается. Всем этим и объясняется распространение иностранного слова *бург* в названиях русских городов и крепостей: Петербург, Екатеринбург, Оренбург и др.

Вскоре после застройки Оренбурга выяснилось, что место для большого города было выбрано неудачно. Город оказался слишком удаленным от ближайших населенных пунктов, к тому же местность около города ежегодно весной заливалась на большом пространстве. Поэтому решено было построить город на новом месте — ниже по течению реки Урал около урочища Красная Гора. В 1740 году было начато во второй раз строительство Оренбурга, а укрепление на реке Орь (старый Оренбург) стало называться Орской крепостью (сейчас город Орск). Однако и на новом месте обнаружилось различные неудобства. В третий раз для будущего города была выбрана территория еще ниже по реке, недалеко от впадения в Урал большого притока Сакмары. Здесь в 1743 году и был окончательно построен Оренбург.

Несмотря на то, что Оренбург переносился с одного места на другое, первоначальное его название, данное по реке Орь, за ним сохранялось. Это обстоятельство, на наш взгляд, обусловило появ-

ление целого ряда неправильных толкований наименования города. Так, например, из книги Е. М. Галкиной-Федорук «Современный русский язык. Лексика» (Изд-во МГУ, 1954) мы узнаем, что в названии *Оренбург* не только вторая часть (*бург*), но и первая часть (*Орен*) является немецким словом (от немецкого *Ohr* — ухо, *Ohren* — уши). Следовательно, Оренбург буквально означает «город-уши». Оренбург, построенный на границе с кочевыми народами, должен был служить своего рода «ушами», с помощью которых правители края узнавали бы о событиях в степи и предпринимали бы соответствующие меры. Разъяснение названия Оренбург как «город-уши» уже в прошлом вызывало критику и иронию. В связи с этим журнал «Неделя» в конце XIX века писал: «...Думалось, что *Орен* (уши) прибавлено к *бургу* не по хорошим поводам. Кому-то в этом *бурге*, должно быть, резали уши, может быть, даже носы, а то так и головы... *Орен* прибавлено к *бургу* не в память отрезанных ушей, а по реке Ори, при впадении которой в Урал первоначально был построен Оренбург» (Неделя, 1891, № 7).

Б. А. МОИСЕЕВ

Оренбург

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Встретила слово *какофония*. Что оно обозначает?».

М. Н. Юргова, Смоленск

Какофония (греч. *kakophōnia* — дурное звучание). Неблагозвучие, режущее слух сочетание звуков. Нередко какофония в речи создается назойливым повторением одних и тех же звуков, их скоплением в предложении, например: *Какая река так широка, как Ока?*

По Золотому кольцу России

Путь от Ярославля до Костромы идет вдоль великой русской реки. О названии *Волга* на страницах «Русской речи» уже рассказывалось (см. статью Матвеева А. К. «Волга» — 1971, № 2).

Первый крупный населенный пункт на нашем пути — поселок Туношна. Он, как это часто бывает, получил свое название по реке Туношне. Точное значение имени *Туношна* пока не установлено.

Понятным является наименование другого крупного населенного пункта, расположенного на этой же дороге. Поселок *Малые Соли*. Он стоит на реке Солонице. Как известно, слово *соль* в русском языке в составе местных названий первоначально обозначало «соленый источник». Отсюда — возникновение таких географических наименований, как *Солигалич*, *Соликамск*, *Сольвычегодск*, *Соль-Илецк* и другие. Наличие залежей соли являлось для наших предков характерным признаком местности, который вполне мог лечь в основу ее названия. Так возникло и имя села *Малые Соли*. Почему *Малые*? Дело в том, что раньше существовало и другое наименование — *Большие Соли*. Так называли село, известное еще в XIII веке и расположенное неподалеку от впадения речки Солоницы в Волгу. Теперь этот населенный пункт носит имя — *Некра-*

совское. Противопоставления (лингвисты называют их бинарными оппозициями) типа «Большой — Малый», «Старый — Новый» часто встречаются среди русских названий сел, деревень: *Большое Саарасово — Малое Саарасово, Большое Успенское — Малое Успенское, Старое Сырово — Новое Сырово*. Слово *малый* входило, как правило, в наименование населенного пункта, который как бы выделился из другого, возник, естественно, позже. Поначалу существовало только село Большие Соли, а затем его жители основали новую деревеньку Малые Соли, чуть выше по течению реки Солоницы.

Замена названия *Большие Соли* на *Некрасовское* произошла не случайно. Дело в том, что поэт хорошо знал эти места. Село Большие Соли под названием *Усолово* упоминается в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

...Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие...
Усоловцы крестились...

В современном поселке Некрасовское установлен памятник поэту. Старое название *Большие Соли* вошло в состав другого имени собственного. «Большие Соли» — так называется санаторий, расположенный в поселке Некрасовское.

Немного в стороне от маршрута «Золотого кольца» расположено еще одно любопытное селение — *Островское*. Такое имя носит теперь бывшая усадьба известного русского писателя А. Н. Островского *Щельково*; расположена она в 80 км от Костромы. Драматург проводил здесь каждое лето. В Щелькове им были написаны пьесы «Поздняя любовь», «На всякого мудреца довольно простоты», «Последняя жертва», «Бесприданница» и др. Недалеко от усадьбы есть лесная поляна, которую называют *Ярилина долина*. Поляну со всех сторон окружают столетние ели. Посреди нее стоит небольшой бревенчатый колодец. Его называют по-разному — *Святой ключ, Голубой ключ*. Но есть у него еще одно наименование — *Сердце Снегурочки*. По преданию, именно на этом месте от лучей теплого весеннего солнца и от горячей своей любви растаяла Снегурочка.

О происхождении топонима *Щельково* судить трудно: мы предполагаем крайне малым числом исторических документов. В «ревизских сказках» середины XVIII века место это упомянуто как «сельцо Щельково владения статского советника Ивана Федоровича Кутузова» (см.: Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелькове, Кострома, 1957),

На левом берегу Волги — древний русский город Кострома.

Предполагаемая дата его основания — середина XII века. Однако впервые Кострома упоминается в источниках лишь XIII века (см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956).

Кострома отличается от многих других городов «Золотого кольца» тем, что расположена на одноименной реке — Костроме. Принято считать (см., например, «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова. М., 1966), что город получил свое название по реке. Думается, этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Действительно, в русской топонимии отмечено много случаев перехода названия реки на построенный на ней город: река Таруса — город Таруса, река Орел — город Орел, река Вязьма — город Вязьма и т. д. Но вот что любопытно: после того, как город получает название по реке, имя самой реки приобретает, как правило, уменьшительную форму. Река Коломна спустя некоторое время стала Коломенкой, Орел — Орликом, Пенза — Пензяткой, Палех — Палешкой и т. д. Почему? Потому что иначе в языке возникает омонимия, совпадение, когда трудно сразу понять, о чем идет речь — о городе или реке. В случае с названием *Москва-река* совпадение имен реки и города во многом «снимается» тем, что слово *река* в гидрониме закрепляется в конце названия и выполняет таким образом роль своеобразного суффикса.

Название *Кострома* носят город и река. Нет реки Костромки, Костромьяти и т. п. Пока трудно судить, что явилось тому причиной. И, думается, не случайно существует мнение о том, что город мог сам передать свое название реке.

При выяснении происхождения названия *Кострома* мы сталкиваемся со многими версиями.

Пожалуй, самое живописное объяснение происхождения названия *Кострома* было дано историком и археологом И. Миловидовым, обратившимся в своих поисках к древнерусской мифологии и реликтам языческой обрядности. Он установил довольно широкое распространение обряда «похорон костромы», восходящего к древнему летнему языческому празднику. *Костромой* называлась кукла, сделанная из соломы и наряженная в женское платье. Ее укладывали в корыто и несли на берег реки, где собравшиеся разделялись на две половины: одни защищались, охраняя куклу, а другие нападали и, захватив кострому, срывали с нее платье, топтали ногами и бросали в воду. Защитники куклы предавались безутешному горю (см.: Миловидов И. Древности Костромы. — Труды VIII археологического съезда. Т. 1, СПб., 1890). Несмотря на очень древние корни описанного обряда, связанного с культом умирающей и возрождающейся природы, упомынутая форма его является, види-

мо, поздней и содержит явные игровые элементы. Возникает вопрос — когда появилось слово *кострома*, связанное с обрядностью? Интересно, что в ряде областей подобный обряд известен как *похороны Ярилы* или *Лады*.

Обряд «похорон костромы» имеет явно выраженный сельскохозяйственный характер. Совершался он перед началом страды. Связь праздника с циклом полевых работ ставит под сомнение его местное и, в особенности, мерянское происхождение. Допустимо, что он мог быть перенесен переселенцами с юга: на Украине известен обряд похорон Кострубельки (или Кострубоньки), то есть Веснянки. Макс Фасмер писал в своем «Этимологическом словаре русского языка»: «*костромá* — «соломенная фигура богини плодородия...», «покойник, умерший неестественной смертью, который представляет опасность для живых и которого торжественно хоронят накануне троицы»; также название детской игры... Сюда же Костромá — название города и левого притока Волги».

Возможно, название города Кострома в какой-то степени связано с корневой частью слова. В Толковом словаре В. И. Даля наряду с другими значениями к слову *костер* приведены такие: «высокий сруб», «выступ площадкой городской стены», «башня» («сделаша врата и костер на верху большой»).

По наблюдениям известного слависта доктора филологических наук Н. И. Толстого, у восточных славян слово *костер* означало раньше всего кладку, сложенные друг на друга предметы («костер блинов», «костер дров» и т. д.). Между прочим, в книге Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология» можно найти такие любопытные примеры: *груд* — «куча, куча хвоста» и *груд* — «костер»; сербское слово *ломач* означает «большой костер», а слово *лом* — «куча хвоста». Можно обнаружить и ряд других подобных аналогий.

Приведенные значения позволяют предполагать, что *костромой* могло быть названо укрепление.

И все же, как нам кажется, при определении возможного значения топонима *Кострома* нельзя пройти мимо одного очевидного факта. Дело в том, что элемент *-ма*, (*-ома*), который может быть выделен в названии *Кострома*, весьма характерен для гидронимов Севера, средней полосы Европейской части СССР и для Сибири. В самой Костромской области есть такие гидронимы, как *Шекшема*, *Шильдома* и другие. Известна на карте России еще одна речка Кострома — в Кировской области. На связь формантов *-ма*, (*-ома*) с наименованиями рек указывает в своем «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонов: «...нельзя игнорировать *-ма*, оно указывает на происхождение из неизвестного языка, оставившего особенно много названий в Сев. Заволжье».

Между прочим, еще в прошлом веке выдающийся русский языковед А. Х. Востоков обратил внимание на то, что часто встречающееся сходство в географических названиях не может быть случайным, а объединяется каким-либо общим значением. В работе «Задача любителям этимологии» А. Х. Востоков, в частности, писал: «Сии одинаковые, значительные звуки суть: 1) в названии рек и озер северной России *га*, также *ва*, *ба*, *ма*... Пижма, Кострома, Клязьма...» По мнению ученого, подобные элементы могли обозначать в каких-то языках воду, поток, реку, текущую воду (см.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974).

История Костромы весьма похожа на историю других городов «Золотого кольца». Кострома подвергалась набегам татар, новгородских ушкуйников, пылала в огне феодальных войн.

Немало примечательных фактов связано с городом. В 1613 году после изгнания из Москвы отряды поляков продолжали бродить по стране, грабя население. Один из них пришел в деревню Деревеньку, неподалеку от Костромы (название, на первый взгляд, необычно, однако в русской топонимии есть масса примеров наименований населенных пунктов, образованных от нарицательных слов, обозначающих тип поселения: *Село*, *Сельцо*, *Деревенька*, *Выселки*, *Починки* и т. д.). Враги забрали все, что могли унести. Переночевав, на утро они потребовали проводника. Им вызвался быть Иван Сусанин. Он намеренно завел отряд в непроходимый болотистый лес, за что был изрублен шляхтичами. Но ни один из врагов не уцелел — все погибли в непроходимом болоте. Подвигу Ивана Сусанина посвящена опера М. И. Глинки. Костромичи чтут память своего земляка-героя. В городе в честь Ивана Сусанина названа улица, воздвигнут гранитный памятник. Есть в окрестностях Костромы и населенный пункт Сусанино.

При слиянии двух рек — Волги и Костромы — высятся белые стены и башни Ипатьевского монастыря. В нем, как известно, была найдена знаменитая Ипатьевская летопись. Территория Ипатьевского монастыря состоит из двух участков, которые носят названия *Старого* и *Нового города*. Каменные стены Старого города сооружены в конце XVI века. В конце первой половины XVII века к монастырю был присоединен квадратный по форме участок, обнесенный каменными стенами с башнями, который и получил название *Новый город*. Новый город иногда называли еще и *Китай-городом* — в подражание Москве.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок С. Ю. Гавриловой

Берёза в названиях народных

ЛЮБОВЬ народа к родной природе, к ее красотам отражается в различных наименованиях предметов и явлений окружающего мира. Остановимся лишь на народных названиях самого распространенного у нас и самого «русского дерева» — березы, которое писатель М. С. Бубеннов назвал «песенным».

Чаще всего встречаются береза пушистая (*Betula pubescens*) и береза бородавчатая (*Betula verrucosa*), объединенные общим понятием «белая береза». Именно эти виды и получили в народе наибольшее количество названий, в которых в той или иной мере отразились характерные черты и особенности дерева и отношение людей к нему.

Как показывают материалы областных словарей и картотеки «Словаря русских народных говоров», в Псковской, Смоленской, Московской и других областях

Европейской России березу пушистую издавна называют *веселкой*: «Веселка — это березка с мягким листом, ее ломают для веников...»; «Веселкой париться хорошо, у нее листья зелененькие, лопушистые».

Кроме того, в Псковской области так называли срубленное дерево, которое ставили для украшения в праздник Троицы: «В троицу ставят веселки березовые...».

Березу бородавчатую в тех же говорах называют «глушняк» или «глухарь»: «У нас березу, на какой есть шишечки, кто глушняк, кто глухарь зовут...»; «У глушняка жесткий листочек. На веник глушняк не годится»; «Листочек шершавый у глухаря, а ветки ломкие, ее на веник не берут»; «У глухаря ветки висят и на ней шишечки, как будто она цветет»; «Пойти в лес наломать березы, да у нас тут один глухарь».

Встречается и вариант этого наименования «глушина»: «Глушина — береза плохая, хрупкая, ломается».

В качестве названия березы бородавчатой в Псковской области встретилось и слово «глушница».

Перечисленные наименования восходят к прилагательному *глухой*. Как видим, народ подметил характерную черту этого вида березы — нечувствительность ее ветвей, «глухоту».

Есть и другое объяснение, приведенное в выходящем в настоящее время многотомном сводном «Словаре русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина: *глушина* — береза, растущая в глухом лесу, противоположность березе-веселке.

В Московской, Вологодской и Тульской областях существительные *глушняк* и *глушина* могут употребляться и в значении «лес, состоящий из березы бородавчатой», а также вообще как «глухой, непроходимый лес».

И литературный язык знал эти названия. Например, «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806) зафиксировал *глушняк* в значении «глухой, непроходимый лес», как слово общеупотребительное.

Что касается березы пушистой, то она получила в говорах и второе «веселое» название — «светелка»: «Светелка — такая береза, с нее венчики хорошие»; «По весне светелки распускаются, ими избу в праздник украшают»: «Из светелки прут выломи, он гибкий, его не ломаешь».

Интересное наименование березы пушистой *пелева* отмечает «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (Москва, 1969): «Пелева — это береза, из которой делают венчики, у нее листочек мягкий»; «Веник из пелевы держится дольше, чем из глухаря»; «Пелева-то отдельно растет, участками»; «Лучше пелева на венчики, чем глухарь».

Не совсем понятна этимология слова *пелева*. Возможно, здесь тот же корень *пел-*, что и в слове *пелена* (ср. греч. *pellas* — «кожица, пленка», нем. *Fell* — «шкура» и т. д.).

Наряду с однословными наименованиями в говорах широко используются и описательные.

В Подмосковье береза бородавчатая зовется «глухой березой», в противоположность «чуткой березе», или «пушистой».

«А у нас две березы: береза глухая и чуткая; у глухой березы почки большие, а листок плохой, а у чуткой лист ширче, лучше на веники идет...»; «Тут у нас и осина, и глухая береза; у глухой березы листочек потолще и лохматенький»; «Есть глухая береза, где лист толстый и круглый, а у веселки тонкий и длинный»; «У чуткой березы листок тоненький с мысиком, чуткую березу мы на веник ломаем, иной раз и старая береза, с шишками, а она чуткая береза-то».

Пушистая береза, кроме того, имеет название «прямская», то есть «прямая»: «У глухой березы листок толстый, а у прямой тоненький-тоненький»; «Ветви у прямой березы прямые, вверх стоят, ее еще чуткой березой называют».

Не совсем понятно происхождение прилагательного *чисноговый*, характеризующего березу пушистую. «Словарь говоров Подмосковья» приводит следующие примеры из народной речи: «Береза бывает чисноговая и глушина, у чисноговой листик чистенький, тоненький, а у глушины лист шершавый, чисноговая хороша на веники, лист год не отвалится, а у глушины — сейчас отпадет»; «Чисноговая береза — веселое дерево, тоненький листик у нее весной, будто пухом зеленым покрыт».

Приведенные сведения о народных названиях одной из интереснейших представительниц наших лесов — березы — представляют собой лишь часть данной группы областной лексики.

Народ неистощим в своем творчестве.

Еще в 1839 году в статье «Нечто о собирании областных слов» профессор Казанского университета Г. С. Суровцев писал: «Мы поступили бы вопреки очевидности, когда бы вздумали лишить народ наш природной его смысленности и досужества до того, чтобы он, беседуя с глазу на глаз с природой, копаясь в недрах ее, своими руками разрабатывая ее сокровища, не позаботился узнать свойства вещей, давно ему знакомых, давно им употребляемых. Мы думаем, напротив, что у народа есть своя естественная история, своя фармакопея, своя технология и, следовательно, есть свой словарь, особенный, дополняющий то, чего недостает ему в общем словаре».

Н. В. ТАРАНОВ

Рисунок В. В. Толстоногова

Вероятно, всем известно, что значит слово *пригоршня*. Это старое слово. 17-томный Словарь определяет его так: «Сложенные вместе в виде продолговато-круглого вместилища обе ладони или одна ладонь с несколько согнутыми пальцами, так, чтобы можно было туда что-нибудь насыпать, налить и т. п.». Это слово часто употребляется при обозначении количества чего-либо сыпучего: *пригоршня ягод, песку* и т. п. Этимологически слово *пригоршня* восходит к *горсть*, и в древнерусском языке его можно обнаружить в таком виде: *пригърца, пригръца, пригорца*. Как отмечено в словарях XVIII—XIX веков, форма *пригорци, -щей* была славянской, то есть книжной, в просторечии же употреблялось *пригоршни, -ней*, а в форме *пригорца, пригорци* оно встречается в диалектах.

В современном употреблении слово может вызвать затруднение в том, с каким ударением произнести его: *при́горшня* или *приго́ршня*? Два ударения в слове отмечаются уже в словарях XVIII века: «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова и «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова русского алфавита» дают *пригбршни, пригбрщы*, а «Словарь Академии Российской» — *при́горци, при́горшни*. В стихотворных текстах этого

времени слово встречается преимущественно с ударением на корне — *пригб́ршнѧ, пригб́рщѧ*:

Несчетны остовы, толпы теней безмолвны
С окостенелыми очами вокруг идут
И кровь свою мне пить пригб́рщми подают.

Державин. Ирод и Мариамна

Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И взяв пригб́ршнн слов чужих, сплетает речь.

Сумароков. Эпистола о русском языке

Што, Аша? веть толчков
Пригб́ршнн влечит двои,
Аль может быть и трои.

Попов. Анюта

В словарях XIX века ударение в этом слове также колеблется: «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» — *пригб́ршнн* и славянское *пригб́рщнн*. «Словарь церковнославянского и русского языка» — *пригб́ршнн*, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля — *пригб́ршнн*, сев., вост.: *пригб́ршнн* — юж., зап. В стихотворных произведениях XIX века ударение преимущественно на корне: *пригб́ршнѧ, пригб́рщнн*. С этим ударением слово встречается у Пушкина, А. К. Толстого, Тютчева, Островского, Крылова, Вяземского. Вот примеры:

Однако же я вынесла ему
Пригб́ршню раковинок самоцветных.

Пушкин. Русалка

За добрую пригб́ршню золотых
Все можно сделать.

А. К. Толстой.
Царь Федор Иоаннович

Хотелось бы собрать пригб́ршню дней,
Чтоб сплесть еще венки
Для именинницы моей.

Тютчев. «Вот свежие тебе цветы...»

Потешил ты, потешник.
Держи пригб́ршнн шире.

Островский.
Василиса Мелентьева

Ударение *при́горшня* встречается значительно реже; находим его у А. В. Кольцова:

Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег при́горшни.

Кольцов. Косарь

Толковый словарь В. И. Даля ударение *при́горшня* признает северным и восточным. Потому у Кольцова, жителя южной части России, оно не должно было бы появиться. Возможно, что это объясняется требованиями стиха, поскольку в живой речи существовали оба варианта. Таким образом, в языке писателей XVIII и XIX веков преобладает ударение *пригóршня*. По-видимому, колебание ударения в живом употреблении и нашло отражение в словарях XVIII и XIX веков.

В современной речи ударение в этом слове также непостоянно. Приведем примеры:

Я помню руки матери моей,
Что утирали слезы мне когда-то,
В пригóршнях приносили мне с полей
Все, чем весна в лесном краю богата.

Рыленков.

«Я помню руки матери моей...»

Ах, Лебязья канавка! по бережку,
По траве-мураве на весу
Я, в пригóршнях укрытую, бережно
Память — птицу — синицу — несу.

Дудин. «Ах, Лебязья канавка...»

Он песенку, наверно, сам сложил...
Она о том, как он к машине стал,
И как машина в котловане тесном
Хватает землю при́горшней железной.

Щиначев. Лебедчик

Дымилась дедова спина,
Дымок на солнце таял.
Так шел он, при́горшни зерна
Вокруг себя кидая.

Солоухин. Хлеб

Толковые словари также допускают оба варианта. Правда, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

ударение *пригоршня* признается областным, но это вряд ли верно. Как мы видели, начиная с XVIII века и до настоящего времени наблюдаются колебания ударения, которые отражают современные словари и справочники. Так, «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1959) ударение *пригоршня* признает основным, а *пригбръшня* — допустимым. Оба ударения отмечает «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова (1974), а также словари-справочники: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича (1973) и «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Телянковой (1976). В материалах картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинград) в современных поэтических текстах незначительный перевес имеет ударение на начале слова: 17 — *пригоршня*, 13 — *пригбръшня*.

Пока не ясно, почему возникло колебание ударения в этом слове. Ведь по нормам русского словопроизводства, ударение сохраняется на корне, если при образовании слова к корневой части присоединяются приставка и суффикс: *вбля* — *привблье*, *слово* — *прислбвье*, *море* — *примбръе*. Возможно, что на произношение *пригоршня* оказали влияние слова, в которых ударение осталось на приставке: *звук* — *пръзвук*, *свист* — *пръсвист*, *знак* — *пръзнак* и т. п. Во всяком случае, из приведенных выше материалов видно, что колебание ударения в слове *пригоршня* сохраняется до настоящего времени, причем трудно отдать предпочтение какому-либо из вариантов: оба ударения активно употребляются, и это находит отражение в словарях.

Слово *пригоршня* интересно не только в отношении ударения. В словарях XVIII—XIX веков в качестве основной формы выступала форма множественного числа: *пригорщи*, *пригоршни*. Оно имело то же значение, что и слово в единственном числе при обозначении двух горстей, сложенных вместе, а также количества чего-нибудь, помещающегося в них:

Другие мощными руками
Отверзли в землю темный ход,
Чтоб взять пригбръшни светлой пыли!

К а р а м з и н.

Послание к Александру Алексеевичу Плещееву

Кроме того, слово *пригоршни* имело значение и собственно множественного числа (несколько пригоршней), обычно при обозначении количества:

Супруга верезжит во всю супругу мочь,
И зделала ему в полудни темпу ночь;
Пригоршни отрубей бросает мужу в очи.

Сумароков. Супруг и супруга

В словарях слово помещалось во множественном числе — *пригоршни*, а в текстах употреблялось и в единственном — *пригоршня*. Форма единственного числа могла обозначать и две горсти, сложенные вместе, и одну ладонь с несколько согнутыми пальцами, а также количество чего-либо, помещающегося в ней (в них). Например, пословица: Не велика пригоршня, да много в ней щепотей (В. Даль).

Известно это слово также в вариантной форме *пригоршень* — женского и мужского рода (см. в Толковом словаре В. Даля — *пригоршни* ж. мн., *пригоршень*, м. пензенское). Ср. также: Он [хомяк] несколько головаст и щеки столь у него пространны, что около пригоршень хлеба, когда он его несет в нору, за них вбирает (Левшин. Совершенный егер. 1779). Форма *пригоршень* используется иногда в стилистических целях при описании деревенского быта: Притащил от тетки Дарьи маленький «вдовый» самоварчик, пригоршень — две углей, ломоть черного хлеба (Неверов. Без цветов). В современных словарях слово помещается в единственном числе женского рода: *пригоршня*.

В родительном падеже множественного числа слово *пригоршня* в XVIII и XIX веках имело формы: *пригоршен* и *пригоршней*. Вот примеры. XVIII век: Бросят несколько пригоршней земля, польют нефтью и зажгут бумагою (Соймонов. Описание Каспийского моря); Жаркую телятину изрезать мелко, или изрубить; потом взять несколько пригоршен тертого хлеба (Крист. Поваренная книга. 1775); XIX век: Соскочил через перила на берег и, наклонившись, напился из пригоршней (Писемский. Старый грех); ...я отправился в избушку на курьих ножках. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватил с собою полфунта чаю и несколько пригоршней кусков сахара (Куприн. Олеся).

В современном русском языке наблюдается также употребление обеих форм. «Русская грамматика» (1980) отмечает распространение безударного окончания *-ей* в родительном падеже множественного числа у отдельных слов женского рода, в качестве примера среди других слов приведено и *пригоршня* (с. 499). Обе формы — *пригоршней* и *пригоршен* — рекомендуют «Орфографический словарь русского языка» (см., например, изд. 15-е, 1978) и другие нормативные словари и справочники.

Р. П. РОГОЖНИКОВА

Ленинград

Рисунок С. Ю. Гавриловой

Слово *примета* связано с глаголом *метить* «отмечать, снабжать отличительным знаком, признаком, чертой». Примета как особый вид предсказаний зародилась в древнейшие времена и представляет собой толкование, разъяснение разного рода «знаков».

Примечать и сопоставлять разные случаи и явления — с этого начиналась житейская мудрость человека. Например, в виде примет дошли до нас наблюдения над погодными условиями: красный закат — к ветру, лягушки квакают на болоте — к хорошей погоде, снежная зима — к урожайному лету.

Многие приметы родились и закрепились как своего рода правила поведения, советы, за которыми без труда можно видеть бытовую целесообразность: перед долгой дорогой надо присесть, а то «пути не будет» (каждому понятно, что лучше уезжать без спешки); вернуться с дороги — удачи не будет (лучше все продумать до ухода); не выноси сор из избы — люди осудят (в прямом смысле — нельзя выбрасывать мусор на улицу, его следует сжигать или закапывать; в переносном — лучше не обсуждать с посторонними людьми то, что является внутрисемейным делом).

Однако много примет возникло на случайном сопоставлении явлений и относится к области суеверных представле-

ний прошлого. Часто в основе их лежат образное восприятие окружающего мира и необыкновенная способность человеческого мышления к разного рода аналогиям.

В день отъезда кого-либо из родных нельзя мести избу, чтобы «не замести следы», чтобы уехавший нашел дорогу домой. Если по выходе из дому встретишь женщину с полными ведрами, значит будет удача, если же с пустыми — успеха не будет (здесь полные ведра — символ прибыли, пустые — неудачи). Некоторые приметы, например касающиеся толкования снов, могли возникнуть чисто языковым путем, из-за созвучия слов: видеть во сне *кровь* — к родным (*кровным*); видеть во сне *лошадь* — услышать *ложь*, пить *вино* — быть *виноватым*.

Многие приметы очень старые. В «Словаре русских суеверий», изданном в 1782 году М. Чулковым, есть примета, в разных вариантах известная и теперь: «Встреча, когда покойник, поп или монах, монахиня, женщина, девица, свинья или лысая лошадь навстречу попадутся первые, то в тот день успеха в делах ожидать не должно». Поп, монах, свинья... Примета эта могла родиться лишь в среде, в которой поп не был носителем святости, то есть у язычников. Действительно, упоминание о ней есть в Лаврентьевской летописи, в записи под 1068 годом, где писец упрекает христиан в том, что они верят в языческие приметы: «Аще бо кто усрящеть черноризца... ли свинью... то възвращается, не поганьскы ли се есть» (если кто встретит монаха... или свинью, то возвращается,— не по-язычески ли это!). Заметим кстати, что уже автор XI века понимал нелепость таких верований.

*

От некоторых примет в языке остались выражения, смысл которых труднообъясним. О человеке, у которого дрожат руки, могут сказать: *как кур воровал*. Один из исследователей древнейших верований славян А. Афанасьев приводит много данных о древнерелигиозных представлениях, связанных с курами, особенно с петухом, и заключает: «Поверье, что у того, кто кур воровал, трясутся руки,— вовсе не было шуткой в устах язычника» (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3, М., 1869).

В старину считалось, что в понедельник лучше не начинать дело или путешествие, и в языке осталось выражение *понедельник тяжелый день*. Возможно, в основе этого лежит суеверие, объясняемое следующим. У язычников понедельник был днем Луны, а Луна как мифологическое существо была покровительницей чародейства, волхвования и колдовства. Таким образом, начиная дело

в понедельник, человек рисковал столкнуться с противодействием волхвов и чародеев.

Одно из распространенных суеверий древности наделяло «злых духов» способностью воплощаться в черную кошку, с чем и связана примета «черная кошка перебегает дорогу — не к добру». Отсюда же ведет начало выражение *между ними пробежала черная кошка*, обозначающее неожиданную, без видимой причины ссору или отчуждение друзей.

Вера в приметы могла дать начало обычаям, которые тоже оставляли свой след в языке. Здесь уместно сравнить два слова: *привычка* и *обычай*. Как известно, привычкой мы называем привычные действия отдельного человека. Обычай, по сути дела, тоже привычка, только общепринятая, — привычка общества или народности. Не случайно в современном языке прилагательные *привычный* и *обычный* в одном из значений совпадают (см. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: *обычный* — «постоянный, привычный»). Соответственно этому прилагательное с отрицанием *необычайный* «из ряда вон выходящий» по существу означает «непривычный». В древнерусском языке, наоборот, прилагательное *обычный* прямо связано с существительным *обычай*: «Всеволодъ же, спрятавъ тѣло отца своего (то есть обрядил, одел для погребения), возложи на сани, повезоша Киеву, попове поюще *обычные* пѣсни» (то есть песнопения, предусматриваемые обычаем) [Новгородская летопись под 1054 г.].

*

Начало многих обычаев коренится в привычках, появившихся в результате верований в приметы. Сама примета могла забыться, а обычай оставался. Так, в настоящее время в кругу близких людей есть обыкновение говорить *будь здоров* человеку, который чихнул. Оно связано с приметой, по которой чиханье считалось «на здоровье голове». Упоминается она в Лаврентьевской летописи под 1068 годом, где автор с неодобрением замечает: «друзии же (то есть другие, иные люди) и *закыханью* (в другом списке: *зачиханью*) вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ».

Возможно, повсеместный обычай здороваться при встрече тоже возник из верования в то, что пожелание здоровья действительно даст здоровье человеку. Вера в силу произнесенного слова лежит в основе заклинаний, заговоров, клятв, проклятий.

Прямо связаны с языческими суевериями глаголы *изурочить* и *сглазить*, известные некоторым современным говорам. Значение их — «наслать порчу, испортить словом или глазом», обычно ребенка или скотину. Прилагательное *урочливый* (чаще о ребенке) зна-

чит «такой, который легко поддается *уроку* или *сглазу*, то есть порче словом или глазом». Понятно, не каждый человек считался способным наслать порчу, а только тот, который якобы znalся с «нечистой силой», вообще недобрый, двуличный, завистливый, который «себе на уме».

Первоначально *изурочить* и *сглазить* не были синонимами. Первое связано с глаголом *речй* (*рекѹ*) «говорить, изрекать». Употребление слова, например, в пермских говорах показывает следующее. Изурочить, например, ребенка можно, если неумеренно хвалить его, восхищаться его красотой, умом, здоровьем. О скотине, скажем, корове, нельзя говорить, что она удойная, то есть дает много молока, иначе молоко может пропасть или с коровой может что-нибудь случиться. Таким образом, как будто бы первоначально *из-урочить* имело смысл «переиначить, изменить на противоположное то, что было сказано, *уречено*». (Заметим, что «обратное» значение приставки *из-* известно у некоторых древних слов: *винить* — *извинить*, *верить* — *извериться*, *быть* — *избыть* и др.). Любопытно, что и раньше и теперь не считается приличным громко восхищаться, неумеренно расхваливать человека в глаза, особенно ребенка. Вполне возможно, что эта этическая черта связана с древней верой в «уроки».

Появление глагола *сглазить* отражает поверье, что у некоторых людей «дурной глаз», и они могут навести порчу взглядом.

*

Обычай пить за здоровье кого-нибудь широко распространен в настоящее время. Он древний, хотя и изменился в деталях. В старину на пирах вино подносили в братчинах: ковш с вином пускали по кругу, и каждый сидящий отпивал из него глоток,— все пили за каждого, каждый пил за всех. То, что люди пили из одного сосуда, должно было означать их полное доверие друг к другу и единomyслие.

Теперь мы говорим *пить за тебя*, *пить за них*, древнерусские же тексты дают другое выражение: *пйти на тя* (на тебя), *пйти на ня* (на них). Винительный падеж с предлогом *на* указывал на цель, назначение действия. В Новгородской I летописи под 1066 годом это выражение встретилось при описании одного драматического эпизода. Ростислав княжил в Тьмуторокани и брал дань с соседних племен. Это не нравилось грекам, и подослали они к нему котопана (название военного чина в Византии) с коварной целью. Котопан вошел в доверие князя и как-то во время пира обратился к нему. «Рече котопанъ: княже, *хоцю на тя пйти*. Оному же рекшу: *пйи* (то есть князь ответил «пей»). Онъ же испивъ половину, а полови-

ну дать князю нити». Но перед тем, как протянуть чашу с вином князю, котопан незаметно «дотыкнувшись палчемъ (пальцем) в чашу. бѣ бо имѣя под ногтемъ растворение смертное (яд), и дасть князю, урекъ (предсказав ему) смерть до дне осмого». После пира котопан убежал в Корсунь, а Ростислав действительно умер на восьмой день.

Здесь интересно упоминание о пророчестве котопана, по-видимому, не удивившее сотрапезников. Любопытно, что такая же грамматическая конструкция представлена в выражениях *кидать жребий на кого-л.*, *гадать на кого-л.* Возможно, тут было общее и в значении: тому, кто *пил на кого-л.*, тоже открывалось будущее человека, как и при разного рода гаданиях *на него*.

Второй пример с выражением *питы на кого-л.*, к сожалению очень краткий, отмечен в Лаврентьевской летописи под 945 годом при описании мести княгини Ольги. Желая напоить допьяна древлян, чтобы потом перебить их, Ольга «повель отрокомъ своимъ *питы на ня*». По-видимому, для того, *на кого пили*, обычай не допускал отказа выпить оставляемую половину.

В поздних текстах глагол *пить* имеет другое управление: «А мы *про твое здоровье* пьемъ вотку и ренское, а паче пиво» (Переписка Петра I); «В Инкерманъ... *пито здоровье* лучшего друга, императора» (Записки Храповицкого, 1787 г.); «При семъ объявляю вамъ, государыня моя невестушка, что мы здѣсь *за ваше здоровье* пили, на воспоминание того, что здѣшнее мѣсто есть вашего рождения» (Переписка цар. Прасковьи). Управление, представленное последним примером, является обычным и в современном языке.

Н. В. ЧУРМАЕВА

Рисунок С. Ю. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Что означает выражение *пошла писать губерния*, которое я встретил в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя?

А. Д. Рудченко, Выборг

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» дает следующее значение выражения *пошла писать губерния*: «все пришло в движение, зашевелилось; начали во всю действовать (первоначально насмешка над пристрастием губернских чиновников к усиленному письмоводству)».

В романе Ст. Злобина «Степан Разин» в эпизоде, где автор описывает возмущение стрельцов воеводой, уже год не платившим им жалованья, читаем:

« — Ворье боярское, сволочь! Царские деньги давай! — кричали стрельцы... Голоса толпы становились мрачней и грозней: — У них не возьмешь добром, силой надо!

— Продать воеводскую рухлядь — всем городом будем сыты! — кричали снизу».

Неужели в то время, которое описывает автор, «воеводская рухлядь» стоила так дорого, что, продав ее, можно было накормить весь город бедных, неимущих людей? Не ошибся ли здесь автор? Оказывается, он совершенно прав. Воссоздавая картину жизни крестьян и казаков в феодальной Руси, Ст. Злобин употребил слово *рухлядь* в одном из значений, характерном для этого существительного в ранние периоды развития языка: «движимое имущество».

Что же могло быть рухлядью воеводы? Юридическое понятие «движимость» в русском праве того времени означало предметы, передвигаемые с места на место, а также причисляло к движимости лошадей, скот, хлеб сжатый и молоченый, золото, серебро, драгоценные камни, меховые вещи и съестные припасы.

Таким образом, слово *рухлядь* могло обозначать всю совокупность предметов, объединенных понятием «движимое имущество»: «...иногда подобает в том дворе место такое обкопаты, на котором бы башня поставити было мощно, где бы могла имети прибежище с *рухлядию* своею...» (Назиратель, XVI в.).

В текстах деловых документов (Уложений, Актов, Челобитных, Наказов и т. п.) находим употребление слова *рухлядь* в сочетаниях, выражающих качественную характеристику имущества: *находная рухлядь, разбойная рухлядь, татиня рухлядь, воровская рухлядь, опальная рухлядь, посольская рухлядь, помяточная рухлядь* (т. е. подарочная).

Приведенная сочетаемость указывает на обобщенность в значении слова — это движимое имущество вообще.

Однако у слова *рухлядь* в обобщенном значении «движимое имущество» выделяются и конкретизирующие элементы.

В сочетании с прилагательными, указывающими своими значениями на местонахождение определенных вещей, *рухлядь* обозначает совокупность предметов, употребляемых в каком-либо обиходе: *рухлядь клетная, келейная рухлядь, обительные рухляди, рухлядь монастырская, дворовая рухлядь, домашняя рухлядь*.

В сочетании с другими прилагательными *рухлядь* обозначает совокупность предметов, применяемых в каком-либо снаряжении. В описании «Платья, оружия, ратного доспеха и конского прибора царя Бориса Федоровича Годунова» (1589 г.) предметы одежды возничего (т. е. кучера) именуется как *возничья рухлядь*, трубаца — как *трубнича рухлядь*.

В старину слово *рухлядь* могло обозначать и мелкое имущество, домашние вещи. Эта смысловая конкретизация выявляется как сопоставлением или противопоставлением слова *рухлядь* с другими словами, выступающими с общим значением «движимое имущество», так и семантическим фоном широкого контекста: «Да Михайлу жъ въ томъ острожку сыскати и переписатьи Ивана Полкова всякую *рухлядь* и лошади, а переписавъ тое *рухлядь* и лошади прислати и животом и *рухляди* и лошадемъ переписной список къ столникамъ и воеводамъ» (Акты исторические, 1613 г.); «И тое де *рухледь* у него, Ивашки, шапку, и кафтан зелен, и штаны взял Ряженин» (Донские дела, 1640 г.). Существительное *рухлядь* в этот период широко употребляется в значении «товар». Особенно многочисленны примеры его употребления в этом значении в текстах торговых книг XVI и начала XVII веков, когда наиболее активно начинают развиваться торговые и дипломатические отношения России с западными и восточными странами. Так, перечень наименований немецких товаров и их стоимости в Торговой книге 1575—1610 годов предшествует заголовку, где прямо соотносятся слова *рухлядь* и *товар*: «Память (т. е. запись.— К. С.) *товаромъ* немецкимъ всякимъ и ефимкамъ и золотымъ и сукнамъ и жемчугомъ и всякой *рухляди*...».

Рухлядью могли называть и определенные виды товаров. Эта конкретизация в значении проявлялась в сочетаниях слова с при-

лагательными: *лавочная мелкая рухлядь, железная рухлядь, оружейная рухлядь* и др. В древнерусском языке широко употреблялось терминологическое сочетание *мягкая рухлядь*, которое означало «меха, пушной товар»: «*Мяжкая рухлядь: 2 пары соболей, цѣна 2 рубля; 25 куницъ...*» (Опись имущества Татищева, 1608 г.).

Как показывают материалы картотеки Словаря русского языка XI—XVII веков, слово *рухлядь* обладало и значением «груз» (главным образом — корабельный), но в этом значении оно было малоупотребительным.

Итак, исследование истории слова *рухлядь* в древнерусском языке показало, что оно было многозначным и обладало как обобщенным, так и конкретными значениями.

*

XVIII век — период непосредственной подготовки к созданию общенационального русского литературного языка — имеет ряд специфических черт и особенностей в развитии лексики. В этот период происходит дифференциация и специализация многих слов литературного языка. Изменения в этот период произошли и со словом *рухлядь*. В его семантике получают дальнейшее развитие определенные конкретные смысловые элементы, а элементы обобщенного характера, занимавшие ранее центральное место в смысловой структуре слова, перестают быть «актуальными».

Дальнейшее развитие в семантике слова получает такой конкретизирующийся смысловой элемент, как «мелкое имущество, домашние вещи». В этом значении *рухлядь* начинает широко употребляться в самых разнообразных по жанру произведениях: «На что ты порты здесь, на что камзол оставил, или на то, чтоб я была обличена? Не сам ли в том тебя наставил сатана! Не скроешь этия ты *рухляди* перед взором...» (Майков В. И. Елисей, 1774); «Подле сей губы нашел я небольшой приделок сбоку, в котором у латыша покладена была всякая *рухлядь...*» (Болотов. Записки, 1789).

Что же способствовало развитию в слове *рухлядь* в XVIII веке смысловых элементов конкретного характера, связанных с обозначением мелкого имущества, домашних вещей, и затуханию других?

Дело в том, что семантическое развитие слова *рухлядь* проходило в тесной связи с развитием других слов, являвшихся наименованиями имущества, собственности: *имение, собина, статок, стяжанье, казна, жизнь, животы, товар, вещи, пожитки, добро, быто, быт, скарб, утварь* и др.

В XVIII веке одни из этих слов выходят из употребления, другие сокращают сферу своего функционирования, третьи продолжают широко употребляться. Среди активно используемых слов,

связанных с имущественной сферой, есть несколько, со значением которых соотносятся значения слова *рухлядь*. Так, например, существительные *имение, пожитки, животы*, выступая с обобщенным значением «имущество, собственность», при определенных контекстуальных условиях могли обозначать «движимое имущество», а в некоторых случаях и употребляться с еще более конкретными смысловыми ограничениями: «мелкое имущество, домашние вещи». В этом же значении использовалось существительное *скарб*. Идентичными смысловыми элементами обладало и слово *рухлядь*. Соотносясь то более общими, то более конкретными смысловыми элементами с аналогичными элементами указанных слов, *рухлядь* вступало с ними в дублетные смысловые связи.

Таким образом, в языке появлялся избыток в наименовании определенных понятий.

Однако язык всегда стремится к более точному обозначению понятий и избавляется от всяких избыточных наименований. Именно в этот период и начинается процесс дифференциации значений многих слов, связанных с понятием имущества, собственности.

В течение XVIII века слово *рухлядь* постепенно утрачивает значения «движимое имущество», «совокупность предметов, вещей, применяемых в каком-либо снаряжении», «товар», «определенный вид товара». Однако на всем протяжении XVIII века слово *рухлядь* по-прежнему широко употребляется во фразеологически связанном терминологическом сочетании *мягкая рухлядь*.

Итак, XVIII век становится первым этапом в семантическом движении слова *рухлядь*. Преобразование этого слова в данный период идет по пути сужения его смыслового объема.

В XIX веке его употребление связывается в основном со значением «мелкое имущество, домашние вещи»: «Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздегую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю *рухлядь*» (Пушкин. Капитанская дочка); «Художник остается один. Долго он ходит из угла в угол, лавируя между стульями и грудami *домашней рухляди*» (Чехов. Талант).

Симптоматично в этом плане употребление слова *рухлядь* в противопоставительном ряду: *ценное имущество — простая рухлядь*: «Если... мало было *ценного имущества* у великих князей, то у простых людей ничего нельзя было найти, кроме самой простой и необходимой *рухляди*» (Чернышевский. Критика и библиография. 1854 г.). Слово *рухлядь* начинает употребляться в контекстах, смысловой фон которых способствует появлению в его значении добавочного оценочного элемента негативного характера: «Агафья Мат-

веевна сидела на полу и перебирала *рухлядь* в старом сундуке; около нее лежали груды тряпок, ваты, старых платьев, пуговиц и отрезков мехов» (Гончаров. Обломов).

Контексты регистрируют частое появление существительного *рухлядь* в ряду со словами, обозначающими те или иные старые, подержанные вещи: «Справа, из-за угла здания, виднелись сажени березовых дров, *старое кувле, вороха рогож, разная хозяйственная рухлядь*» (Боборыкин. Василий Теркин).

Довольно часто употребляется слово *рухлядь* с глаголами *валяться* и *навалить*: «...Под навесом [крестьянского двора] жались воробьи, колыхалось замерзлое белье, *валялись* обледенелые *колеса, плетушки и разная рухлядь...*» (Успенский Н. Зимний вечер); «Полезайте сюда! — кричала испуганная Хивря, указывая на положенные под самым потолком на двух перекладах доски, на которых была *навалена разная домашняя рухлядь*» (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).

Семантика этих глаголов указывает на присутствие, правда пока еще скрытое, в значении слова *рухлядь* смыслового элемента отрицательно-оценочного характера, так как небрежно брошенными, небрежно положенными могли быть только старые, никому не нужные вещи. И, наконец, в сочетании с прилагательным *старый* слово *рухлядь* приобретает отрицательно-оценочный оттенок, начинает обозначать ветхие, пришедшие в негодность вещи: «Если бы люди имели несчастье быть вполне логическими, то они бы должны были выбросить музыку за окошко, как *старую рухлядь*» (Одоевский. Русские ночи).

Итак, XIX век — второй этап в семантическом развитии слова *рухлядь*, когда в его смысловой структуре начинает формироваться этот отрицательно-оценочный оттенок и сужается сфера употребления слова. *Рухлядь* встречается в основном в текстах разговорного характера.

Завершающим этапом семантического пути развития слова *рухлядь* становится XX век, когда окончательно сформулировалось значение «пришедшие в ветхость, негодность вещи». Слово *рухлядь*, как отмечает «Словарь синонимов русского языка» (т. II, Л., 1971), в современной разговорной речи стало полноправным среди таких слов, как *старье, хлам, барахло*, которые объединены значением «старые, подержанные или пришедшие в негодность вещи, предметы».

Как показывают современные материалы, на базе этого конкретного значения у слова *рухлядь* развились и переносные употребления, которые пока не отмечены толковыми словарями русского языка. Так, оно может употребляться, когда речь идет о чем-либо старом, отжившем. В письме В. И. Немировича-Данченко

к К. С. Станиславскому читаем: «...Репертуар спектаклей Кондратьева, если верить „Новостям дня“ обнаружил во всей наготе вкус этого режиссера. Очевидно, он напичкан *рухлядью* театра того времени, когда публика еще ничего не умела анализировать и жила театральными впечатлениями, как дети „Петрушкой“» (Избранные письма В. И. Немировича-Данченко).

Переносное употребление слова может встретиться и в том случае, когда речь идет о старом, дряхлом человеке: «Я уже старик... Много пережил и проверил в лаборатории ума и души. Не спешите сделать вывод, что я *рухлядь*, оправдывающаяся только жизненным опытом» (Погодин. Темп).

К. П. СМОЛИНА

Рисунок В. С. Комарова

СРЕДИ КНИГ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАРОДНОГО БЫТА

Вышел последний, четвертый том «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля. Это издание — седьмое по счету со времени выпуска первого в 1863—1866 годах.

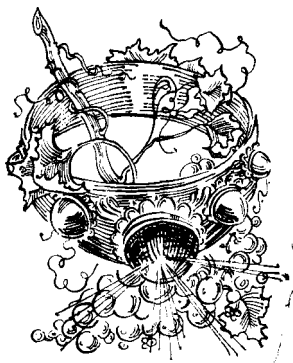
«Далев словарь», как его называли современники, — явление исключительное и по замыслу и по выполнению. В. И. Даль не был языковедом по специальности. Но собрание слов, пословиц, поговорок, сказок, песен, загадок стало в буквальном смысле делом всей его жизни. В 18 лет он сделал первые записи, положившие начало словарю, а за несколько дней до своей кончины

внес в него последние четыре слова.

За 53 года Даль собрал и объяснил почти 200 тысяч слов. Наряду с лексикой первой половины XIX века, то есть языком Пушкина, Лермонтова, Гоголя, широко представлены областные говоры, терминология разных профессий и ремесел. Огромен иллюстративный материал — достаточно сказать, что пословиц и поговорок в словаре — 30 тысяч! Широко объясняются поверья и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарем, приводятся самые различные этнографические сведения. Толкуя то или иное слово, Даль подбирает множество синонимов, свидетельствующих о неисчерпаемом богатстве русского языка.

Словарь Даля не потерял своего значения и для наших дней. Его 2.700 страниц — настоящая энциклопедия народного быта, спутник не только литератора и филолога, но и всякого человека, интересующегося русским языком.

ГРАНАТ — драгоценный камень, цветом темно- красный

«Гранат... *Silex granatus*, драгоценный камень, цветом темно-красный. *Венуса. Лал. Рубин. Красный яхонт. Вечета. Бичета*» — такое определение содержится в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года. Неслучайно в качестве синонимов к слову *гранат* приведены названия таких красных камней, как лал, рубин, красный яхонт.

Действительно, на протяжении XVIII и XIX веков за словом *гранат* закрепилось значение камня тёмно-красного цвета. Именно так толкуется слово в «Полном французском и русском лексиконе...» 1786 года. В «Словаре коммерческом...» 1787 года *гранат* определяется следующим образом: «Гранат или винюса. Камень драгоценной темно-красной, подобно вину виноградному». В «Очерках по истории камня» известного минералога, прекрасного знатока камней академика А. Е. Ферсмана находим строки, посвященные описанию красных камней: «Вот и красные камни: розово-красный турмалин..., темные вишнево-красные гранаты, буро-красные сердолики». Как известно, значение прилагательного *гранатовый* и наречия *гранатово* связано именно с тёмно-красным цветом. См., например, у И. А. Ефремова: «...загадочный глаз, гранатово-красный и прозрачный» (Белый рог) и у Ю. П.

Казаква: «Опять сумрачно, гранатово светился радиоприемник» (На острове). Очевидно, из-за красного цвета камню в старину приписывалась особая чудодейственная сила. Известно поверье, по которому гранат веселит сердце и прогоняет печаль. Тот факт, что словом *гранат* обозначался камень тёмно-красного цвета, получил отражение и в художественной литературе. Вспомним купринский «Гранатовый браслет», в особенности, то место, где героиня рассказа Вера Шеина рассматривает браслет, подаренный ей чиновником Желтковым: «Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них (гранатах), глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни».

Но вернемся к статье из Словаря 1847 года. В ней среди других названий тёмно-красного камня приведены два совсем незнакомых нам: *бечета* (или *бичета*) и *виниса* (или *виниса*) [оба слова по происхождению восточные, первое имеет значение «драгоценный камень, гранат», второе — «фиолетовый»]. В России до XVIII века своих гранатов не было, их привозили из Индии и с острова Цейлон.

Слова *бечета* и *виниса* являются более старыми в русском языке, чем *гранат*. Находим их в торговой книге XVI—XVII веков: «Бечеты за лал не купите; Виниса — камень красен, а цвет жидок у него» (Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества, т. I, СПб., 1851). В описании военных доспехов того времени говорится, что они украшались «ляликами, яхонтиками, винисками и бирюзками» (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. т. I, М., 1872).

Кроме слов *бечета* и *виниса*, для обозначения граната в старину употреблялись и такие слова, как *карбункул* (от лат. *carbunculus* «тлеющий уголек»), *червчатый* или *червленный яхонт*, *афракс*, или *анфракс*, *атракс* (от греч. *анфракс* «горящий уголь»). Последние названия встречаются в старинных документах. Например, в Описании казны Бориса Годунова (1589 г.) упоминаются «серьги золоты шляпочные; а в них по 12 яхонтиков червчатых». Серебряное кадило церкви Спаса нерукотворного по описи 1681 года «имело сверху три пояса кругом... с яхонты червчатыми и с изумруды» (Забелин И. О металлическом производстве.— Записки русского археологического общества, т. V, 1852).

Живописный рассказ о драгоценных камнях, их свойствах содержится в купринской повести «Суламифь», представляющей собой прекрасную стилизацию библейских легенд. Упоминается в ней о камне *анфраксе* (то есть *гранате*): «Вот *анфракс*, священный камень земли Офир,— говорил царь.— Он горяч и влажен. Погляди,

ов красен, как кровь, как вечерняя заря, как распутившийся цвет граната, как густое вино из виноградников энгедских... Это камень любви, гнева и крови.

*

В XVIII веке на смену всем старым названиям камня с Запада приходит новое слово — *гранат* (франц. *grenat* от лат. *granatum*). Оно быстро завоевывает права гражданства: в 1780 году фиксируется в «Российском с немецким и французским переводом словаре, сочиненном Иваном Нордстетом». Во второй половине и в конце XVIII века *гранат* употребляется совершенно свободно. Об этом свидетельствуют объявления, помещенные в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «У бриллианщика Новака продается настоящий богемский гранат» (1794); «обронено зарукавье с осмью гранатами и бриллиантовым замочком» (1764) [Ферсман А. Е. Очерки по истории камня].

Но новизна слова в XVIII веке, очевидно, еще ощущалась. Неслучайно в Словаре Академии Российской (1806) при слове *гранат* имеется примечание: «по-русски вениса». К середине XIX века слово *гранат* окончательно закрепляется в языке, становится стилистически нейтральным (в словарях при нем нет особых помет). В то же время старые наименования гранатового камня — *бечета*, *вениса*, *карбункул*, *червчатый яхонт* — постепенно выходят из употребления. Уже В. И. Даль слово *бечета* воспринимал как старое (см. Толковый словарь живого великорусского языка), а в «Словаре русского языка» Академии наук, вышедшем в 1891 году, такую же квалификацию помимо слова *бечета* имеет и *карбункул*.

Окончательное закрепление в языке слова *гранат* связано с приходом новой системы обозначения камней и с отмиранием старой системы, опирающейся на чисто практические сведения (торгового и ювелирного характера) о драгоценных камнях. Ее особенностью была неупорядоченность в наименованиях: сосуществование нескольких наименований для одного камня и в то же время использование одного слова для обозначения разных камней того же цвета. Такой характер системы и отразился в Словаре 1847 года, где в качестве синонима к слову *гранат* приведены наименования других минералов: *мал*, *рубин*, *красный яхонт*.

Постепенно вместе с уходом старых обозначений граната формируется новая система наименований, базирующаяся на научных основах. Этому способствовало успешное развитие в XIX веке отечественной геологии и минералогии, определение химического состава минералов, уточнение их классификации.

Однако зачатки новой системы стали формироваться в недрах ее предшественницы.

Дело в том, что, кроме уже названных слов, для обозначения граната были известны и другие, употребляющиеся и в наше время. В лесковском рассказе «Александрит» гранат, например, называется *пиропом*. Причем Н. С. Лескова трудно заподозрить в ошибке. Как известно, описания Н. С. Лескова, очень любившего и прекрасно знавшего вещный мир, отличались необыкновенной тщательностью и точностью. Об этом свидетельствует и письмо писателя к автору книги «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление» М. И. Пыляеву (от 9 августа 1884 года), в котором он просил: «Укажи мне..., где и что именно я могу прочитать полезное в моих *беллетристических* целях о камнях вообще и о *пиробах* в особенности».

О том, что гранат называют *пиропом*, говорят и строки из «Очерков по истории камня» А. Е. Ферсмана: «Особый интерес представляют загадочные до сих пор находки великолепного граната-пиропа с рыжевато-красным оттенком». Как видим, цвет граната-пиропа не темно-красный, не вишневый. Вспомним, что и в куиринском рассказе не все гранаты на браслете были одного цвета, что самый красивый из них был зеленым. Желтков в письме к Вере Шеиной пишет: «Посередине (браслета), между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната — зеленый гранат».

*

Таким образом, слово *гранат*, вытеснив старые наименования камня, все же не стало его единственным обозначением. Но теперь это не обычная конкуренция синонимов, а нечто иное, находящее объяснение в самой реальной действительности и прежде всего в том, что гранаты не все темно-красные. Причем это было известно уже в XVIII веке — в упоминавшемся Словаре коммерческом 1787 года сообщается: «Красный цвет в гранатах перемешается в рассуждении прозрачности камня, отчего происходит тройное оных различие; первой бывает светло-красной и живой воды, подобно как зерна гранатовые; второй красной, несколько желтоватый, и сходной к камню *гиацинт* называемому; третий фиолетовый или с синью».

Полученные научные сведения о гранатах позволили отнести их к группе силикатов сложного химического состава и разного цвета: красный — с железом, зеленый — с хромом и т. д.

Цветовая гамма гранатов очень разнообразна: от темно-красного до зеленого, исключая только синий. Наибольшую известность получили: *альмандин*, называемый за красоту *благородным гранатом* (это разновидность граната глубокого темно-красного цвета,

самого распространенного и известного еще с древности); *пироп* или *богемский гранат*, называемый так по месту добычи его (в Богемии); имеет еще и наименование *огненный гранат* — разновидность граната с огненным оттенком (слово *пироп* происходит от греч. *пиропос*, что значит «подобный огню»). Вспомним поэтическое описание граната-пиропа в рассказе Н. С. Лескова «Александрит»: «Венцель на какую-то незаметную линию снял края верхней площадки пиропа, и середина его поднялась капюшоном. Гранат принял в себя свет и заиграл: в нем, в самом деле, горела в огне очарованная капля негоряемой крови».

Пироп и *альмандин* как обозначения красных гранатов были известны давно. Употреблялись они и в русском языке. *Пироп* встречается в художественной литературе XVIII века, в произведениях таких известных писателей, как В. Майков («Где все лишь золото и пироп» — Игрок Ломбера), И. Дмитриев («Изумруд, опалы, Порфир, лазурь, пироп, кристалл, Жемчуг и лал, Все, словом, редкости богатыя природы, Какими свадебны набиты Русски оды» — Причудница).

Новая система обозначений граната окончательно устанавливается к концу XIX века. Она основывается на родо-видовых отношениях между ее членами: *гранат* — общее название всех гранатов, *альмандин*, *пироп*, *демантоид*, *уваровит* и т. д. — наименования его разновидностей. Это нашло отражение уже в Словаре русского языка Академии наук 1891 года, изданном под редакцией Я. Грота. Здесь *гранат* получает толкование энциклопедического характера, прежде всего отмечается обозначение словом *гранат* группы минералов, приводятся и некоторые наиболее известные разновидности их.

Однако возвратимся еще раз к началу нашего рассказа. Почему в академическом Словаре 1847 года *гранатом* назван только камень тёмно-красного цвета?

Этот словарь составлялся в период, когда старая система обозначений камней окончательно еще не ушла, а новая еще не утвердилась. Успехи минералогии еще не получили той известности, которая отчетливо определилась к концу столетия. Словарь, созданный в сороковых годах XIX века и опиравшийся на языковую практику того времени, и не мог, следовательно, поступить иначе. Ведь в ювелирном деле наибольшую известность получил гранат альмандин, т. е. гранат тёмно-красного цвета.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Мы бываем в театре. И, наверное, не раз места у нас были и в партере, и в амфитеатре, и в ложах. Но каждый ли, кто приходит в театр, знает историю слов *партер*, *амфитеатр*, *ложа*, *ярус*?

Мы входим в зрительный зал и попадаем в партер. Партер в современном театре — это, как сказано в словарях, нижний этаж зрительного зала с местами для зрителей. Слово *партер* пришло к нам из французского языка, где *parterre* было образовано от *par* «по» и *terre* «земля». Следовательно, *партер* буквально значит «по земле». Но всегда ли партер имел тот вид, который он имеет сегодня? В древнеримском театре он представлял собою центральную полукруглую площадку с рядами мест для зрителей. В XVII веке, первоначально в Италии, партер стал опоясываться ярусами лож. Мест для сидения в партере не было, предназначался он для зрителей из низших слоев общества, и только позднее в нем появились места для сидения, где передние ряды отводились зрителям знатного происхождения.

Шло время, театральные залы, и партер в том числе, приобретал знакомый нам вид. В рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника» мы встречаем такую фразу: «... Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на „Корневильские колокола“». Где же сидел Червяков? Дело в том, что креслами назывались в дореволюционном русском театре несколько передних рядов партера. Сейчас в театрах все нижние ряды именуется *партером*.

У слова *партер* есть и другие значения. В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» читаем: «Театр уж полон; ложи блещут;

Партер и кресла, все кипит...». Здесь речь идет, конечно, не о самих партере и креслах, а о публике, заполнившей кресла и партер. Вспомним еще об одном значении слова *партер*. Среди борцов сочетание *перевести соперника в партер* значит «в положение, когда борец, находясь на ковре, стоит на коленях и упирается в него руками». Слово *партер* впервые зафиксировано в Словаре И. Нордстета, в 1782 году, полное название которого такое: «Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом».

*

Из партера переходим в амфитеатр. «Плохо освещенная зала Малого театра пестрела публикой,— пишет П. Д. Боборыкин в романе «Китай-город». — Играли водевиль перед большой пьесой. В амфитеатре сидело больше женщин, чем мужчин». Слово *амфитеатр* по своему происхождению греческое, состоит из *амфи* «с обеих сторон, вокруг» и *театр* «место для зрителей», через латинский *amphitheatrum* вошло во французский язык (*amphithéâtre*), а из французского в XVIII веке — в русский. Впервые слово *амфитеатр* отмечено в Лексиконе 1762 года (Полное его название такое: «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита»).

Амфитеатром в современном театре называются места, расположенные возвышающимся полукругом за партером. В древней Греции и Риме *амфитеатром* именовалось открытое круглое или полукруглое сооружение для публичных зрелищ, где места для зрителей строились уступами, возвышавшимися постепенно вокруг арены.

*

По обеим сторонам и сзади партера на уровне сцены помещаются ложи бенуара. Они отделены от партера и амфитеатра барьером, а друг от друга — перегородками. Такое расположение и устройство лож бенуара как бы расширяет зрительный зал театра. Ложи бенуара появились впервые во французском театре в XVIII веке. Они своим расположением и устройством подчеркивали сословное разделение зрителей: в партере сидела публика из низшего сословия, а в ложах — привилегированная, до этого располагавшаяся прямо на сцене, в непосредственной близости от актеров. В русском дореволюционном театре у знати существовал обычай абонировать ложи на долгий срок, иногда на несколько сезонов. Говорили даже: «Ложа такого-то или такой-то». Слова *ложа* и *бенуар* заимствованы из французского языка. Первое отмечено в Словаре И. Нордстета, второе — в Словаре 1847 года.

В литературе они встречаются отдельно одно от другого. Вспомним опять «Евгения Онегина»: «Онегин входит, Идет меж кресел по погам, Двойной лорнет скосясь наводит На ложи незнакомых дам...». А вот отрывок из произведения С. Т. Аксакова «Литературные и театральные воспоминания»: «[Ильин] не сел на свое место, а картинно стоял у самого оркестра, прислонясь к бенеуру», то есть к барьеру, отделяющему партер от лож бенеуара. Следует сказать, что *ложя бенеуара* — сочетание неустойчивое. Существуют ложи не только бенеуара, но и ложи на ярусах (ложя первого, второго яруса). К слову *ярус* мы еще вернемся, а сейчас речь пойдет о слове *бельэтаж*. Оно пришло в русский язык из французского, где *bel étage* — «хороший, лучший этаж». Бельэтаж в театре — это нижний ряд лож, расположенный над партером: «[Вронский] переводил бинокль с бенеуара на бельэтаж и оглядывал ложи» (Л. Толстой. Анна Каренина). Впервые слово зафиксировано в 1863 году в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Толля.

*

Когда мы говорили о ложе и бенеуаре, то употребляли слово *ярус*. Существует несколько гипотез относительно его происхождения, но ни одна из них не может быть принята, так как нет достаточно твердых фактов для обоснования каждой из них. Однако во всех словарях, начиная с Лексикона трехязычного Ф. Поликарпова (1704 год), *ярус* толкуется как «ряд, строй, порядок в длину, по уровню; пласт, слой; каждый из рядов, лежащих один на или над другими». Приведенное выше толкование мы находим в Толковом словаре В. И. Даля. *Ярус* прямо связывается со словом *этаж*. «Этаж,— читаем в словаре В. И. Даля,— ряд, по уровню, один над другим, ярус». Ярусов в театре обычно два-три, лишь в некоторых театрах — четыре-пять. На ярусах расположены ряды для зрителей, а также ложи и балконы. Яркую характеристику зрительного зала Большого театра оставила нам известная певица, выступавшая много лет на его сцене, Н. В. Салипа: «Акустика Большого театра прекрасна. На сцене можно было... шептать, и от первого ряда кресел до последнего места в пятом ярусе все было великолепно слышно» (Жизнь и сцена. М., 1941).

Прежде чем подняться на самый верхний ярус задержимся на балконе хотя бы третьего яруса. Балконы в театре располагаются амфитеатром и находятся в различных ярусах как против сцены, так и по боковым сторонам зала. Слово *балкон* — итальянское (*balcone*), в словарях зафиксировано с конца XVIII века (Словарь И. Нордстета, 1780).

Наконец мы на самом высоком ярусе театра. В старом русском

театре верхний ярус назывался *галереей*, а зрители называли его *галеркой*. Вот что пишет в своих «Записках» о публике русского дореволюционного театра выдающийся режиссер Н. И. Соболев-Самарин: «Зритель галерки состоял из учащейся молодежи. Ниже в ярусах бельэтажа и бенуара, а также и в партере, восседали сверкающие бриллиантами дамы [...], а с ними кавалеры».

В настоящее время слово *галерка* изредка упоминается в речи любителей театра.

На этом можно закончить наше краткое знакомство со зрительным залом театра.

В. С. ФИЛИППОВ.

Рисунок С. Ю. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

С ПАЛЬЦЕМ ДЕВЯТЬ, С ОГУРЦОМ ПЯТНАДЦАТЬ

«Что это значит?» — спрашивает читатель А. И. Большаков (Ленинград), сообщая, что прочел это выражение в реплике Любима Карпыча из пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок»: «С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! (*Протягивает руку Коршунову.*) Наше вам-с!.. Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?» (д. III, явл. 10).

Значение и происхождение выражения объясняет известный театровед В. А. Филиппов — редактор текста отдельного издания пьесы «Бедность не порок» (М., 1950, с. 70). Так уличные парикмахеры в старой Москве зазывали клиентов, выкрикивая: «Наше вам (почтение) с кисточкой, с пальцем девять, с огурцом пятнадцать!». Это обозначало, что бритье будет производиться с мылом («с кисточкой»), а щека при бритье будет оттягиваться пальцем, засунутым клиенту в рот, либо использованным для этой же цели огурцом (тогда это будет стоить дороже).

Любим Торцов употребляет это выражение (целиком) как шутовское приветствие; в современном употреблении сохранилось еще шутивно-вульгарное приветствие «Наше вам с кисточкой» (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова).

Б. С. Шварцкопф

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1, 2

Уваров. Первоначально — отчество от канонического мужского имени Уар, которое в повседневной русской речи получило форму Увар.

Узкий. Как и Широкий, частая фамилия в Архангельской области, реже в Вологодской. Антонимичная пара *узкий-широкий* в местной речи указывала на материальное положение и образ жизни человека. Г. Я. Симина записала на Пинеге выражение «в узком месте живем», то есть в бедном, скудном, глухом; в общерусском литературном языке выражение *широко живет* или *живет на широкую ногу* означало «богато».

Уколов. В диалектах слово *укол* — «часть, доля, пай», в вологодских говорах — мера земли. Так как фамилия записана в Среднем Поволжье (г. Ульяновск), в ней, очевидно, отразилось архаичное собственное поволжское значение: рыболовецкая артель полу-

чала от хозяина *укол* — аванс, который выплачивала с улова. Если фамилия произносится с ударением на 1-м слове, то в ее основе — употребительная в прошлом у русских и белорусов форма Укол из канонического мужского имени Вукол (ср. с фамилией Вуколов).

Уланов. Смешивались две фамилии совершенно различного происхождения. Первая — наиболее древняя. (Уже в «Повести временных лет» упомянут отрок Улан.) Отчество от формы мужского имени Улан из канонического Евлампий (Портников П. Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен. «Вопросы ономастики». Кн. 3, Свердловск, 1975). Вторая — отчество от именования отца по тому роду войск, в каком он был па воинской службе: *улань* — легкая кавалерия.

Уманцев. Отчество от

именования отца по городу, из которого он прибыл (г. Умань на Украине).

Упырин. Отчество от прозвища Упыря из *упырь* — «хмурый, угрюмый» и «упрямый».

Урюнин. Отчество от прозвища из диалектного (по В. И. Далю — новгородского) слова *урюпа*, которое имело несколько значений: «перяха», «разгильдяй», «плагса».

Усолецев. О происхождении фамилии спрашивает В. М. Медведев (г. Свердловск). Первоначально — отчество от именованного отца — *усолец*, то есть приезжий из Усоля. В России несколько местностей носили это название, значение которого связано с добычей соли, например, на Каме и в Среднем Поволжье. В XVI—XVII веках самым крупным было Камское месторождение, откуда шел немалый поток переселенцев на Урал и в Сибирь, некоторые из них на новом месте именовались *усольцами*.

Успенский. Фамилия возникла у духовенства: так именовали священника или дьякона, служащих в церкви Успенье Богородицы.

Устимов. Отчество от искаженной формы Устим из Устин (см. след.).

Устинов. Отчество от мужского имени Устин из канонического Иустин (Юстин) — византийская передача древнеримского имени *Justinus* (его основа — латин. *justus* «справедливый», из той же основы и слово *юстиция*). Изменение Иустин (Юстин) → Устин объясняется древнерусской традицией терять *j* перед гласным *y* (*u*), сравним: старор-

слав. *ютро* и древнерус. *утро*, *юрод* — *урод* и др.

Ушаков. Фамилия нередка. Об этимологии ее разгорелся спор на 2-м Всесоюзном антропонимическом совещании (1969). Н. А. Баскаков изложил результат своего исследования, теперь опубликованный в его книге «Русские фамилии тюркского происхождения»: из тюрк. *ушак* — «невысокий; мальчик; молодой слуга». Н. М. Шапский столь же убежденно настаивал на русском источнике фамилии: *ушак* — человек с большими оттопыренными ушами. Чья гипотеза более реальна? Может быть, читатели откликнутся и примут участие в этом споре, предложив новые доказательства в пользу или против одной из двух гипотез. И. Г. Добродомов, например, добавляет, что адмирала Ф. Ф. Ушакова турки называли Ушак-Паша, связывая со знакомым им словом *ушак*.

Фалалеев. (Часто встречается в формах Фалеев, Фалилеев). Первоначально отчество от церковного имени Фаллелей (древнегреч., предполагаемое значение «цветущая маслина (оливковое дерево)». Но, возможно, отчество образовано не от самого имени непосредственно, а от прозвища из русского *фалалей* «разиня, групый».

Фальков. Как предполагал Б.-О. Г. Унбегаун («Russian Surnames», 1972), в основе фамилии может быть отчество от производной формы Фалько из церковного имени Фаллелей (см. предыдущ.).

Фаминицын. По родословной Фаминицыных, шотландец Томсон (этимологическое зна-

чение «сын Фомы») в XVI веке «перешел на польскую службу», изменил фамилию на Хоминский, чтобы быть более похожим на шляхтича (польского дворянина). Его правнук в 1654 году переехал в Россию и стал Фоминыным. Впрочем, дворянские родословные мало достоверны, так как их часто старались приукрасить.

Фарафонов. Наиболее вероятно искаженная форма отчества от мужского имени Ферапонт (см. Ферапонтов), по инициальному *ф* последующий согласный *п* заменили на *ф* — так называемая прогрессивная ассимиляция (уподобление).

Фарколин. В основе фамилии — диалектный (олопецкий, см.: словарь В. И. Даля) глагол *фарколить* — «быстро шить». Единственная Всероссийская перепись 1897 года зарегистрировала эту фамилию именно в тех краях — в соседнем с Олопецкой губернией Онежском уезде (архив Архангельской обл.). Не исключена промежуточная форма — прозвище Фаркола, но при наличии огромного количества русских фамилий с *-ин* эта фамилия могла возникнуть и непосредственно из глагола по уже известной модели.

Фастов (Фавстов, Фаустов). Отчество от церковного мужского имени Фавст (из латинск. *funstus* «счастливы») с кратким *у*, которое производилось близко к русскому согласному *в*.

Фатьянов. Отчество от русской обиходной формы Фатьян из церковного мужского имени Фотий (древнегреч. «свет»).

Федоров. Отчество от мужского церковного имени Федор (древнегреч. «дар богов»), в XVI—XVII веках одного из самых распространенных имен

у русских, которое уступало в частоте употребления Ивану и Василию. В повседневном произношении не свойственное русскому языку сочетание гласных *eo* исчезло. Наиболее часто фамилия Федоров встречается в Новгородской и Псковской областях, где занимает 4-е место среди прочих, а, например, в Среднем Поволжье — гораздо реже. Из производных диалектных форм имени возникли и другие формы фамилий. В иных формах приходило это имя в русский язык из других языков, например: польское Теодор, болгарское Тодор. Чуждый древнерусскому языку звук *ф* передавали как *х* или *хв* — Ходор, Хвѣдор, из них возникли десятки фамилий: Федин, Федькин, Федякин, Федонин, Федянин, Федяхин, Федяшин, Федюнин, Федькин, Федяев, Федяшкин, Федькунов, Федорев, Ходоров, Тодоров и мн. др.

Федосеев. Отчество от просторечной формы Федосей, которую в русском языке приняло церковное мужское имя Феодосий (древнегреч. «дар богов»), как Сергей из Сергий.

Федулаев. Отчество от просторечной формы Федулай из церковного мужского имени Феодул (древнегреч. «раб богов»).

Феоктистов. Отчество от церковного мужского имени Феоктист (древнегреч. «богами сотворенный»).

Ферапонтов. Отчество от церковного мужского имени Ферапонт (древнегреч. «спутник, помощник, гостеприимный, услужливый», вторичное значение — «ученик, слуга»).

Фетисов. Отчество от краткой формы Фетис из Феоктист (см. Феоктистов).

Фефелов, Фефюлов. Отчество от русских просторечных форм

из канонического мужского имени **Феофил** (древнегреч. «богами любимый»).

Филатов. Отчество от русской формы **Филат** из церковного мужского имени **Феофилакт** (древнегреч. «богами охраняемый»).

Филимонов. Отчество от церковного мужского имени **Филимон** (древнегреч., *филео* — «любить»).

Филин. Отчество от краткой русской формы **Фила**, ее образование возможно из многих канонических мужских имен древнегреческого происхождения, в основе которых *филео* — «любить»; среди них особенно частыми в России были **Филипп**, **Филарет**, **Филимон**, **Фил**, **Филей**, **Филон**, **Феофилакт**, в святцах записаны еще и **Фил**, **Филокарп**, **Филомен**, **Филофей**, **Филолог**, **Философ**, но употреблялись ли они у русских — пока неизвестно. Та же этимология у фамилий **Филькин**, **Филюшин**, **Филиянин**.

Филиппов. Отчество от церковного мужского имени **Филипп** (древнегреч. «любитель лошадей»).

Филонов. Фамилия встречается в различных местностях страны; возможно, но мало вероятно, что происхождением она обязана позднему прозвищу *филон* «лентяй». Скорее всего, это отчество от мужского церковного имени **Филон** (древнегреч. «любимец, любимый», хотя оно было очень редким у русских).

Фимкин. Отчество от пренебрежительной формы **Фимка** от мужского церковного имени **Евфимий** (в повседневной речи **Ефим**), возможно и от **Серафим**, **Анфим**, но эти имена в России давали гораздо реже. Менее вероятно от женского имени **Евфимия**: по имени матери называли лишь в тех слу-

чаях, когда ребенка растила только мать.

Финаев. Отчество от формы **Финай** из церковного имени, например, **Феоний**, **Афиноген**, **Финод** или др. Фамилия записана в Нижнеломовском районе Пензенской области (1979). В Епифанском уезде Тульской губернии (1900) записаны фамилии **Финашкин**, **Фисеев**, **Финяев**, **Финягин**, скорее всего, связанные с той же основой (см. также **Финогенов**).

Финогенов. Отчество от упрощенной речевой формы **Финоген** из церковного мужского имени **Афиноген** (древнегреч. «происходящий от Афины»). Сейчас эта фамилия существует в различных областях страны.

Фиронов. Составитель «Словаря русских личных имен» **Н. А. Петровский** записал форму именованья **Фиронька**, которая предполагает основу **Фирон**. Из какого же имени могла возникнуть эта промежуточная форма, в свою очередь ставшая основой? — **Петровский** допускал возможность образования от церковных мужских имен **Анфир**, **Порфирий**, **Ферапонт**, **Фирмин**. Правда, у греков существовало имя **Фирон** (-**Терон**), но оно не проникло в христианские святцы, поэтому возможность такого имени у русских абсолютно исключена. Впрочем, фамилия могла возникнуть в духовной семинарии (в V веке до н. э. **Фирон** — победитель финикийя, воспетый **Пиндаром**), однако, скорее всего, совпадение фамилии с именем — случайное.

Флегонтов. Отчество от церковного имени **Флегонт** (древнегреч. «горящий»).

Фокни. Отчество от церковного имени **Фока** (древнегреч. «тюлень»), имя вышло из употребления у русских, как и дру-

где мужские имена на *-а* (еще держатся имена Фома и Никита, но случаи их употребления единичны); во 2-й половине XVIII века имена на *-а* охватывали 14% новорожденных русских мальчиков, в конце XIX века 4%, в 1961 году — 0,1% (Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974).

Фомочкин. Отчество от ласкательной или иронической формы от церковного имени Фома (древнееврейск. «близнец»). Фамилия записана в Белевском уезде Тульской губернии (1910), именно там, в Верхнем Поочье на стыке Калужской, Тульской и Орловской областей находится скопление фамилий, образованных из отчеств от мужских имен на *-очк*, *-ичк*.

Фомягин. Отчество от формы Фомяга церковного мужского имени Фома (см. предыдущ.); наиболее характерна для Северного и отчасти Среднего Поволжья, в Зауралье (Курганск. обл.) принесена миграцией населения.

Фонвизин. Предки выдающегося русского драматурга Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792) из давно обрусевших прибалтийских немцев именовались von-Wiesen: частица *фон-* «из» указывала на место происхождения (топоним Wiese — немецк. «луч»). Окончание *-е* в русском употреблении ассимилировалось в *-ин* — один из характернейших примеров русской адаптации

фамилий иноязычного происхождения.

Фонин. Отчество от краткой формы Фоня из церковного мужского имени Афанасий (древнегреч. «бессмертный»).

Фоняков. Отчество от формы Фоняк из церковного мужского имени Афанасий через посредствующую краткую форму Фоня (см. Фонин).

Фортунов. Отчество от церковного мужского имени Фортунат (латинск. «счастливей»).

Фофанов. Отчество от церковного мужского имени Феофан (древнегреч. «богоявленный») или от прозвища из русского нарицательного *фифан* «простофиля», которое возникло из того же имени (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка).

Фролов. Отчество от формы Фрол из церковного мужского имени Флор (латин. «цветок»).

Фрунзе. Фамилия крупного советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе — молдавского происхождения: *фрунзе* — «лист».

Фурманов. В основе — нарицательное *фурман* «кучер, возчик» (из немецк. языка, в русском употреблении — с 1705 г.).

Харин. Отчество от краткой формы Харя из церковного мужского имени Харитон (древнегреч. «щедрый»).

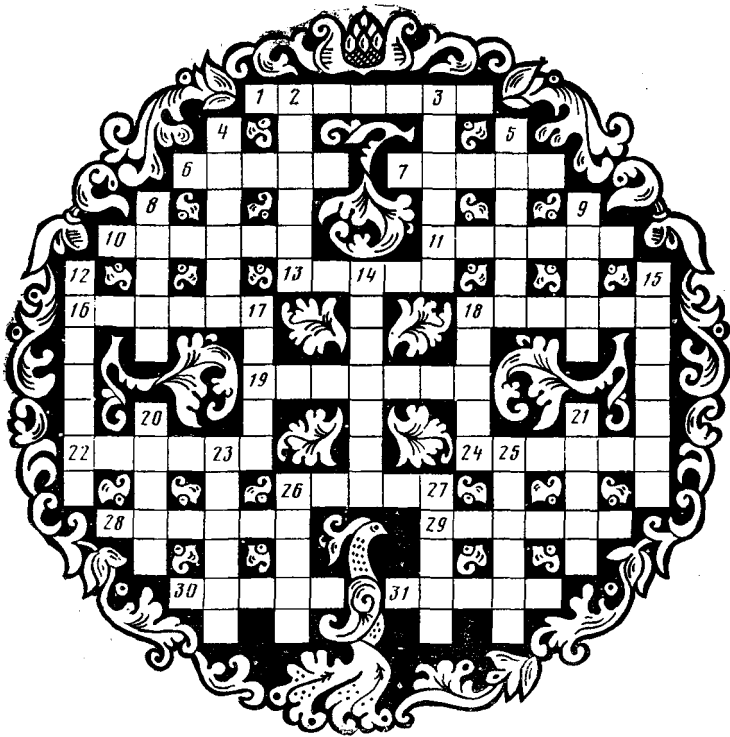
В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Вид стиха, построенный на интонационно-синтаксической основе. 6. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Русский композитор, автор сим-

фонических произведений «Баба-яга», «Волшебное озеро», «Кики-мора». 10. Рассказ А. П. Чехова. 11. Русский поэт, публицист, революционный деятель, 13. Русский

советский писатель, автор повести «Витя Малеев в школе и дома». 16. Разрушитель культурных ценностей. 18. Один из трех основных родов художественной литературы. 19. Русский советский писатель, автор романа «Пушкин в изгнании». 22. Созвучие из двух или нескольких звуков одинаковой высоты. 24. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казак». 26. Французский драматург, виртуозный мастер интриги XIX в. 28. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 29. Советский общественно-политический и литературно-художественный журнал. 30. Один из важнейших литературных языков Индии. 31. Русский писатель, писавший под псевдонимами «Акакий Тарантулов», «Балдастов».

По вертикали: 2. Русский советский поэт, автор «Баллады о двадцати шести», 3. Фамилия

одного из женихов пушкинской Татьяны Лариной. 4. Персонаж водевиля А. П. Чехова «Медведь». 5. Рассказ И. А. Бунина. 8. Краткий иносказательный, нравучительный рассказ, стихотворение. 9. Русский художник, автор картины «Толстой на пашне». 12. Автор известного литературного памятника XVII века. 14. Групповые практические занятия под руководством преподавателя в высшем учебном заведении. 15. Музей-усадьба. 17. Декабрист, о котором А. С. Пушкин упоминает в X главе «Евгения Онегина». 18. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». 20. Легендарный город, будто-бы погруженный в пучины озера Светлояр. 21. Автор книги стихов «Апрель». 23. Древне-римский поэт. 25. Русский советский писатель, автор романа «Соть». 26. Персидский писатель и мыслитель. 27. Болгарский революционный деятель и поэт.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ПАЛИТРА

Читатель В. Б. Королев (Можайск) интересуется словом *палитра*.

В современном русском литературном языке слово *палитра* употребляется как термин изобразительного искусства, а также переносно, образно и в сравнениях. В «Кратком словаре терминов изобразительного искусства» (М., 1965) у слова *палитра* отмечается два специальных значения: 1. Небольшая и тонкая доска четырехугольной или овальной формы, на которой художник смешивает краски во время работы. Для масляной живописи палитра делается обычно из дерева, для других видов техники может быть сделана также из жести или эмалированного металла, из фарфора или фаянса и др.; 2. Точный перечень красок, которыми пользуется тот или иной художник в своей творческой работе.

Эти значения слова *палитра* употребляются не только в специальной литературе по искусству и среди художников. Термином *палитра* пользуются писатели, журналисты и все те, кому приходится писать о работе художника-живописца. Например, *палитра* в первом значении используется писателями Короленко и Тендряковым: «Лицо капитана побагровело, в глазах проглядывало характерное выражение мучительной неподвижности. Алымов спокойно взглядывал на него, брал с палитры краску, и лицо на его полотне тоже багровело» (Короленко. Художник Алымов); «На палитре были щедро размазаны белила, на них попала густосиреневая краска» (Тендряков. Свидание с Нефертити). *Палитра* во втором значении встречается, например, у Антокольского и Бучкина: «Палитра Тициана состоит всего из 7—8 красок» (Антокольский. Письмо к Стасову от 11 мая 1896); «Следующая, моде», мы строили нашу палитру из двадцати и более красок» (Бучкин. О том, что в памяти),

Языковеды полагают, что слово, которым живописцы называли один из своих инструментов, проникло в русский язык одновременно непосредственно из итальянского *paletta*, французского *palette* и через польский — *paleta*. По этой причине в русском языке XVIII века употреблялись варианты одного и того же слова: *палетра* — *политра* — *полит* — *паллета* — *полет*. В 30-е годы XVIII века преобладает заимствование из французского языка — *полет*, а с 40-х годов в русском языке наблюдается регулярное употребление слова в современном написании — *палитра* при одновременном существовании его вариантов. Оно широко используется в оригинальных и переводных текстах того времени.

Как же в русском языке было образовано слово *палитра*? Как полагал А. Г. Преображенский, автор «Этимологического словаря русского языка», итальянское слово *paletta* было преобразовано, вероятно, под влиянием *макотра*, *макитра*, т. е. присоединением суффикса *-тра*; следовательно, понято: доска, на которой трут краски. Одним из первых словарей русского языка XVIII века это слово в написании *политра* регистрирует «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках», перевода асессора Сергея Волчкова. СПб., [1755]—1764. В словарях русского языка XIX века слово фиксируется в написании *политра*, *палетра*, *палитра*.

Переносные значения у слова *палитра* образовались на основании второго терминологического значения. Палитрой называют не только перечень красок, которыми пользуется художник, но и подбор красок, сочетаний красок вообще: «Репинская палитра становится все богаче, ярче и разнообразнее, а упорство в работе все изумительнее» (Пророкова. Репин); «Мой спутник, человек спокойный и общительный, глядя на чарующие картины природы...заговорил о живописи, вспоминал светлую палитру импрессионистов, высказывал симпатии к одним художникам и сдержанное отношение к другим» (Мержанов. Факелы Рима).

Есть еще одно переносное значение у слова *палитра* — совокупность выразительно-изобразительных средств, приемов в творчестве писателя, актера, композитора и т. п.: «Силу Ваших актерских свойств, Вашей богатой сценической палитры я особенно чувствовал все последнее время в наших встречах по „Горю от ума“» (Немирович-Данченко. Письмо М. М. Тарханову от 12 октября 1938); «Мрачный колорит оперы, в основном чуждый палитре Римского-Корсакова, и предельная обостренность формообразующих музыкальных элементов, вызывали колебания композитора в его собственной эмоциональной оценке „Кащей“» (Гнесин. Мысли и воспоминания). *Палитра* часто используется писателями в сравнительных оборотах: «Всего замечательнее в этом человеке был

необыкновенный, грибовидный его нос, на котором, как на палитре, сочетались всевозможные цвета, начиная от чисто-телесного и кончая самым темным яхонтовым» (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы). Как выразительное средство языка *палитра* нередко употребляется образно: «Отличительные черты этой артистки: экспрессия, подъем, жизнь, огонь и красочность. На ее палитре только яркие, праздничные тона — нейтральных не любила» (Юрьев. Записки).

В языке современной печати, как отмечают специалисты по культуре речи, часто встречается неоправданное употребление слова *палитра*, когда им называется всякое разнообразное проявление чего-либо. Авторы словаря-справочника «Трудности русского языка» (МГУ, 1974) приводят подобные случаи употребления, которые им встретились в районных и центральных газетах: «Палитра проводников быстро расширяется. Рецептуру их обрабатывают сейчас во многих лабораториях мира» (Брянский рабочий, 1963, 28 февраля); «Палитра подвига» (Правда, 1970, 24 февраля); «Палитра мнений» (Известия, 1971, 19 августа); «Палитра полимера. Завод „Галалит“ начал производство нового материала — выдал первую партию полистирола» (Вечерняя Москва, 1971, 6 мая); «Палитра парфюмера насчитывает 300 наименований душистых веществ» (Советская Россия, 1980, 16 декабря).

Слово *палитра* в современном русском языке многозначно. Наиболее известные значения помещены, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, предназначенном для широкого читателя: первое — небольшая дощечка, на которой живописец смешивает краски; второе, переносное, — подбор красочных сочетаний в картине, цветовая гамма; третье, также переносное, — совокупность выразительных средств художника. Каждое из этих значений присуще определенному стилю языка. Используя эти значения, употребляя слово *палитра* в сравнении и образно, следует всегда помнить о тех значениях, на базе которых созданы переносные, которые берутся для сравнения, для создания того или иного выразительного образа.

В. Н. Сергеев

■ ШЛЯГЕР

В западном музыкальном мире стали обычными «шлягер»-фестивали. Так, на одном из них в английском городе Брайтоне в 1977 году начался всемирный успех шведского ансамбля «АББА» (Труд, 1980, 22 июня). В наших музыкальных передачах мы также можем встретиться со *шлягерной* музыкой, особыми *шлягерными*

программами. Например, «Шлягер-68» — такую передачу из ГДР провело Московское Центральное телевидение в марте 1968 года.

Слово *шлягер*, заимствованное из немецкого языка, существует в русском языке для обозначения собственно танцевальных песен «ритмического» жанра. *Schlagger* означает «боевик, модная песенка из оперетты или эстрадная песня, имевшая большой, потрясающий успех», буквально: «пробивной успех» — *durchschlagender Erfolg* (с 80-х годов прошлого века) (Paul H. Deutsches Wörterbuch, 5-е изд., 1956).

Летом 1965 года газета «Советская культура» (1965, 12 августа) опубликовала статью австрийского композитора Марселя Рубина «О *шлягерах* и дивидендах». «*Шлягер* — это легкая музыка, написанная по заказу „индустрии развлечений“. Музыкально примитивный *шлягер* с бессмысленным текстом, если его слушать целыми днями, подпевать ему и танцевать под него, действует как опиум».

Шлягерам противопоставляются советские танцевальные и эстрадные песни. Они «звучат по-нашему, их не спутаешь ни с дореволюционными романсами, ни с иностранными *шлягерами*» (Советская культура, 1962, 10 ноября); «Музыка М. Зива [оперетта «Шар голубой»] на первый взгляд проста. В партитуре действительно нет столь привычной для оперетты декоративности, подражания западным *шлягерам*...» (Советская культура, 1966, 4 января).

Сами *шлягеры* как музыкальные произведения у нас встретили критическое отношение. Однако слово *шлягер* вошло в русский язык, подчинилось его системе, усвоив парадигму существительных мужского рода на твердый согласный: «Не менее грандиозно число *шлягеров*, обрушившихся на потребителя непосредственно с грампластинок... большой бизнес на *шлягерах* возникает только тогда, когда оба средства массового воздействия на слушателя — радио и фирмы, выпускающие грампластины, объединяют свои усилия» (Советская культура, 1965, 12 августа).

Слово *шлягер* относится к музыкальной терминологии, но употребляется, главным образом, в публицистике. Его роль здесь преимущественно оценочная: «... в наши дни легковесные, бездумные *шлягеры* мало кого занимают — в Сопоте [здесь ежегодно проходят международные фестивали эстрадной песни] это было хорошо заметно» (Известия, 1966, 28 сентября).

Если же *шлягером* названа песня отечественная, то в этом случае существительное *шлягер* выполняет функцию слова-характеристики, при этом характеристики отрицательной, уничижительной. Вот несколько строк из фельетона «Математически вычисленный *шлягер*»: «...недавно родился очередной *шлягер* „маленького

мира" — песенка о черном коте» (Огонек, 1968, № 40); «...доморощенный *шлягер* в духе самого нязкопробного западного ревю» (Советская культура, 1968, 6 августа).

Однако одновременно не исключена возможность нейтрального употребления слова *шлягер*. Вот несколько строк из беседы о современной моде на гитару: «Гитару привезли к нам из-за рубежа вместе с мексиканскими песнями и *шлягерами*» (Советская культура, 1966, 10 декабря); «Большинство их песенок стали *шлягерами* в хорошем смысле этого слова» (О чехословадской эстраде. Советская культура, 1968, 11 января). Или вот интересное, одновременно отрицательное и положительное, осмысление наименования *шлягер*: *Ольга Воронцова*:— «Не люблю слово *шлягер*, но русские песни становились именно *шлягерами*» (Рассказ о зарубежных гастролях. Радиопередача «Вы нам писали», 1969, 14 сентября).

Как видим, функция названия и функция характеристики у слова *шлягер* переплетаются. Именно оценочное отрицательное значение зафиксировано и закреплено в словарных материалах за 1977 год — «Новое в русской лексике» (под ред. Н. З. Котеловой, М., 1980); см. также *шлягер* — *шлягерный* в книге: Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М., 1973. «Словарь иностранных слов», вышедший в 1979 году, дает вполне нейтральное толкование: *шлягер* — «модная эстрадная песенка, популярная мелодия».

Однако оценочно-отрицательное значение, как правило, окрашивает это слово в широком речевом употреблении. Отсюда и соответствующая сочетаемость слова: *примитивный шлягер, бизнес на шлягерах*. К 70-м годам употребление *шлягер* определяется чаще всего оценочным значением. Ср.: *натиск шлягеров*. Так была названа информация о падении интереса к музыкальной классике в определенных кругах американцев (За рубежом, 1970, № 38).

Отрицательная оценка стойко сохраняется и в настоящее время. Ср.: «*поток сезонных шлягеров*» (Комсомольская правда, 1980, 15 июня). Ироничное критическое отношение передают не только определения типа *сезонный, примитивный*, но и знаки пунктуации — кавычки: «Руководители некоторых эстрадных коллективов... рассматривают эстрадную песню лишь как развлекательный жанр... В результате этого репертуар... складывается по существу из песен о любви, современных обработок цыганских романсов и западных „шлягеров“» (Труд, 1980, 15 марта).

В русском языке имя *шлягер* имеет производное образование — прилагательное *шлягерный*: «На подмостках там появляется все больше *шлягерных* звезд Голливуда, развлекающих снобов дешевым искусством» (За рубежом, 1968, № 9). Отрицательная окраска

прилагательного *шлягерный* явна, ее легко можно заметить и по словесному окружению: *дешевое искусство, развлекающий, сноб.*

В русском языке активное осмысление слова *шлягер* шло, как видим, своим путем, что и сказалось на значении производного *шлягерный*: «неглубокий, легковесный, скоропреходящий, рекламно-шумный». Значение определения расширяется и теряет непреходящую связь с модной песенкой: «*шлягерный спектакль*», «*шлягерная постановка*». Кавычки, заключающие определение *шлягерный*, усиливают отрицательный оттенок значения. Ср.: «... „*шлягерный*“, лихо закрученный режиссером-постановщиком... фильм» (Огонек, 1980, № 5).

А. А. Брагина

■ НЕПРИЯТЕЛЬ

Читатель О. Д. Смирнов (Калуга) просит рассказать о происхождении слова *неприятель*.

В современном русском литературном языке слово *неприятель* связано со специальным военным понятием о противнике, вражеских войсках. Значение его «человек, враждебно настроенный к кому-нибудь, враг» признается устаревшим разговорным (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка). Например, *нажить себе неприятелей*. Это забытое значение в древнерусском языке было основным, потому что слова с суффиксом *-тель* обычно обозначали только действующее лицо. В современном языке *неприятель* употребляется в качестве военного термина.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля раскрываются широкие возможности существительного *неприятель* при помощи синонимов и слов, имеющих сходные значения: *недруг, недружье, недоброжелатель, нелюб, враг, ворог, ненавистник, противник, супротивник, злыдар, зложелатель, злорадник, злодей, обидчик, наступник, притеснитель, губитель* и т. п.

По своему происхождению *неприятель* — слово общеславянское. В церковнославянских памятниках письменности *неприятель* обозначало понятие о враге (см.: Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977). Это понятие уточнялось в каждом отдельном случае употребления слова. В древнерусском языке, подобно словам *враг, противник* и т. д., *неприятель* — это и «враг, недруг», и «военный противник», и «бес, дьявол», и «еретик, отступник, безбожник» и т. п. Семантическое богатство слова принадлежало, главным образом, церковной письменности, письменности высокого, книжного характера. Оно употреблялось как элемент, равноценный церковнославянизмам. Такое употребление слова характерно и для эпохи Петра Великого: «Против *неприятелей*

креста святого оружие свое воспряти» (Письма и бумаги имп. Петра Великого); «Не воздавай *неприятелю*, когда и лукавство мыслит, ибо совестью больше возвратитца, нежели возмездием» (Заметки Петра I, без даты). Однако обычны такие употребления лишь в цитатах, извлеченных из церковных книг.

В древнерусских деловых текстах *неприятель* почти не употреблялось вплоть до XVII века. Иная судьба у слова в старобелорусской письменности. Там ограниченная употребительность имен на *-тель* сочеталась с широкой распространенностью слова *неприятель*.

Среди старобелорусских текстов наибольшей известностью в Московской Руси пользовались знаменитые Литовские Статуты. Так, Литовский Статут 1588 года был среди юридических источников Уложения царя Алексея Михайловича, известны и переводы Литовских Статутов (см.: добавления к Уставной книге Разбойного приказа, Московский перевод-редакция Литовского Статута и т. д.). Если в Воинском уставе 1647 года и Уложении 1649 года понятие о военном противнике было обозначено словом *недруг*, то в Литовских Статутах 1529 и 1588 годов оно последовательно передавалось словом *неприятель*. В Воинском уставе 1647 года *неприятель* было употреблено лишь в архаичных фрагментах текста и не являлось военным термином: «В твоём стану от *недруга*... сполох». Вопреки существовавшей письменной традиции, в Московском переводе-редакции Литовского Статута имеются многочисленные случаи употребления *неприятель* в значении «военный противник» в качестве военно-делового термина: «Кто бы ни будь... женился в Литве и взял бы за женою именье, и ему во время войшы... против всякого *неприятеля* того государства... служити ему службу земскую воинскую своею головою». То есть переводчик при обозначении специального военного понятия следовал оригиналу. Это было возможно по нескольким причинам. Во-первых, слова *неприятель* и *недруг* употреблялись в значении «военный противник», хотя и принадлежали к разным сферам письменности, во-вторых, в XVII веке начался процесс активного усвоения письменно-деловой речью элементов церковно-книжного характера, многие из которых, как, например, *неприятель*, совпадали со старобелорусскими. В результате стало возможным заимствование словом *неприятель* терминологической функции или употребление слова в этой функции по аналогии со старобелорусским *неприятель*.

В книге Ф. П. Сороколетова «История военной лексики в русском языке» (Л., 1970), в которой собран богатый материал по истории военной терминологии, говорится и о слове *неприятель*. *Неприятель* употреблялось в значении «военный противник» в

результате противопоставления значению «военный сторонник, союзник» бесприставочного *приятель*. Это противопоставление отчетливо отражено в текстах начала XVIII века: «Никто отнюдь да не дерзает бить или грабить, или вредить оному которой от его величества... охранительной лист и салвогвардию имеет, чтоб он ни был *приятель* или *неприятель*» (Артикул воинский 1715 г.). Процесс терминологизации слова *неприятель* прошел во второй половине XVII века: «За крепкое и осторожное против тех *неприятелей* ополчение жалуют они, великие государи, милостиво ж и премилостиво похваляют» (Указ о похвальной службе..., от 27 июля 1689).

Попад в памятники письменно-деловой речи, в специальный военный контекст, слово полностью освободилось от церковно-книжных влияний. В Петровскую эпоху *неприятель* стало обозначать понятие центральное в системе военных терминов. Это и предопределило судьбу слова в современном русском литературном языке. Современное значение слова непосредственно сложилось из его терминологических употреблений в деловой письменности конца XVII — начала XVIII веков.

В. О. Петрунин

■ РЫБОЛОВНЫЙ — РЫБОЛОВЕЦКИЙ

Читатель из Ленинграда И. И. Широ интересуется различием в значениях прилагательных *рыболовный* и *рыболовецкий*. Он пишет: «Когда речь идет о людях (и их профессиях), примерно употребление прилагательного *рыболовецкий*, поскольку *ловец* — это человек. А вот применять этот термин к орудиям и средствам лова (в частности, к судам), на мой взгляд, недопустимо. Суда и пр. — *рыболовные*».

Ответить, прав или неправ читатель, помогут нормативные словари русского языка, но, к сожалению, не все из них приводят толкования этих слов. Возможно, потому, что они находятся на периферии так называемого явления паронимии. Паронимы, согласно традиционному толкованию, — «это подобные по звучанию, но не тождественные по значению однокорневые слова с ударением на одном и том же слого, относимые к одному логическому ряду — к одной части речи, одному роду (и виду, если это глаголы и их формы) — и выражающие понятия, различия которых заключаются в частных дополнительных смысловых оттенках лексических значений, служащих уточнению мысли» (Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М.: 1974). Нетрудно заметить, что *рыболовный* и *рыболовецкий* не подходят под это определение только по одному признаку — наличию ударения на одном и

том же слогe, что, видимо, послужило причиной отсутствия этих прилагательных в указанном пособии и в других словарях, кроме Словаря трудностей русского языка Д. Розенталя и М. Теленковой (М.: 1976): *рыболовный* — *рыболовецкий* различаются значением. *Рыболовецкий*. Занимающийся рыбной ловлей как промыслом. *Рыболовецкая артель*. *Рыболовный*. Относящийся к рыболовству. *Рыболовный сезон*. Отсутствию правильного разграничения этих слов способствуют противоречивые примеры из художественной литературы. Ср.: «Тут были пассажирские пароходы, грузовые транспорты, буксирные катера, рыболовные тралы» (Новиков-Прибой. Соленая купель); «У него было по меньшей мере вдвое больше рыболовецкой снасти, чем у всей артели, и он давным-давно в моторном карбасе отправлял на путину своих сыновей» (Каверин. Открытая книга). Подобные смещения употреблений прилагательных *рыболовный* и *рыболовецкий* вызваны, очевидно, тем, что слово *рыболовецкий* сравнительно недавно вошло в словарный состав русского языка. Его первая фиксация — в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1939). В прошлом веке вместо этого слова употреблялось прилагательное *ловецкий*. Ср. у В. И. Даля: «...ловец., кто промышляет ловлею птиц, зверей, рыбы ... ловецкий, к нему или к промыслу его отнош., рыболовный или рыбачий». Это толкование не устанавливает, к какому «ловцу» относится прилагательное, да и синонимы *рыболовный* и *рыбачий* не вносят ясности в разграничение этих слов. Наоборот, новообразование советской эпохи — прилагательное *рыболовецкий* — терминологически точно определяет оборудование для рыбной ловли как промысла и организации, занимающиеся таким промыслом, поэтому, несмотря на то, что появление нового слова привело к некоторой путанице в употреблении, его функционирование в современном русском языке полностью оправдано.

Что же касается мнения нашего читателя о том, что прилагательное *рыболовецкий* нельзя употреблять со словами *снасти*, *суда* и пр., то, как уже сказано, *рыболовецкий* образовано не от *ловец*, а от *ловецкий*, поэтому предложение: «Он записывал местные названия рыболовецких профессий, изучал типы старых рыболовецких судов», — приведенное в его письме, совершенно правильно.

С. В. Редькин

■ ОПРОБОВАТЬ — АПРОБИРОВАТЬ

Читательница В. А. Ключкина (Запорожье) пишет: «В научно-технических журналах встречается слово „опробировать“. Равнозначно ли оно по значению слову „опробовать“ и употребляется

ли вообще? Если допустимо такое употребление, то в чем его отличие от „апробировать?“.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР следующим образом определяется значение глагола *опробовать*: «Подвергнуть испытанию до применения. *Опробовать оборудование*». В примечании к словарной статье приводятся данные «Словаря церковнославянского и русского языка» АН 1847 года, где глагол *опробовать* зафиксирован впервые. По-видимому, в конце XIX и начале XX века этот глагол не был широко-употребительным. Косвенным свидетельством недостаточной «освоенности» его носителями русского языка того времени может служить, например, тот факт, что отглагольное существительное *опробование* как название процесса впервые отмечено лишь в 4-томном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Есть все основания предполагать, что глагол *опробовать* появился в русском литературном языке как терминологический вариант общелитературного глагола *пробовать*. Особенность глагола с приставкой, по сравнению с бесприставочным глаголом несовершенного вида, состоит в том, что он используется как в значении несовершенного, так и в значении совершенного вида: *опробовать оборудование* может значить и *проводить* опробование и *провести* опробование.

Выражая грамматическое значение обоих видов, термин *опробовать* оказался включенным в группу глаголов с суффиксом *-изирова-/изова-* и *-ирова-*. Большая группа глаголов этого типа широко используется в разных терминологиях как двувидовые глаголы: *активизировать(ся)*, *кристаллизоваться*, *оперировать*, *экранизировать* и т. п. Подобные слова интернационального происхождения первоначально были заимствованы русским языком из немецкого и французского. На русской почве они активизировались в XIX веке и сразу стали употребляться в двух вариантах: *мобилизировать* — *мобилизовать*, *легалить* — *легализовать*, *локализовать* — *локализировать* и т. п.

Глагол *опробовать* по своим грамматическим (двувидовой) и функциональным (используется в терминологии) особенностям примыкает к названной группе глаголов, и этим, по-видимому, объясняется употребление его «ложного» варианта *опробировать*. Это слово не зафиксировано ни в одном из словарей литературного языка и использование его следует считать ошибочным.

Вместе с тем в русской терминологии существует очень «похожий» глагол *апробировать*, который, однако, имеет другое значение: «давать апробацию, одобрять». Слово *апробация* толкуется следующим образом: «одобрение, официально выраженное, выне-

сенное на основании испытания, проверки». Как термин в агрономии *апробация семян* — это испытание семян на всхожесть и признание их пригодности к посеву. Таким образом, глаголы *апробировать* и *опробовать* различаются по значению, хотя их тематическая и структурная близость расценивается некоторыми исследователями как основная причина использования в языке печати ошибочной формы *опробировать* вместо правильного *апробировать* (см.: Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста. М., 1974).

Итак, терминологический глагол *опробовать* не следует смешивать с глаголом *апробировать* (от термина *апробация*), а форма *опробировать* является ошибочной.

Л. П. Катлинская

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 1. Верлибр. 6. «Совет». 7. Лядов. 10. «Сапоги». 11. Огарев. 13. Носов. 16. Вандал. 18. Лириня. 19. Новиков. 22. Унисон. 24. Оленин. 26. Скриб. 28. Пегина. 29. «Огонек». 30. Хинди. 31. Чехов.

По вертикали: 2. Есенин. 3. Буянов. 4. Попова. 5. «Готами». 8. Басня. 9. Репин. 12. Аввакум. 14. Семинар. 15. Тарханы. 17. Лунин. 18. Левко. 20. Китеж. 21. Инбер. 23. Овидий. 25. Леонов. 26. Саади. 27. Ботев.

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12.2.1981. Подписано к печати 8.04. 1981. Т-04080
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,2
Бум. л. 2,5. Тир. 55000. Зак. 135

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10